M 101/84
1906

М 101/84

ЭБ

36

М 101
84

Поэты и Женщины

Матери, жены, сестры, дочери и подруги великихъ поэтовъ.

Иллюстрированная галлерея женщинъ, игравшихъ выдающуюся роль въ жизни и творчествѣ великихъ поэтовъ.

Съ портретами и иллюстраціями.

Л 101
84

М. Дубинскій.

ф I-71
18033
201-20
1293

Поэты и Женщины

МАТЕРИ, ЖЕНЫ, СЕСТРЫ, ДОЧЕРИ И ПОДРУГИ ВЕЛИКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Иллюстрированная галлерея женщинъ, игравшихъ выдающуюся роль въ жизни и творчествѣ великихъ поэтовъ.

Ehret die Frauen, sie flechten und weben
Himmlische Rosen ins irdische Leben.
Schiller.

Съ портретами и иллюстраціями.

Публ. и Румянцов. Музеи * Библіо-тека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

I

Не знаю, кто сказалъ, что женщина—все. Можетъ быть, это преувеличеніе. Но вѣдь въ самомъ дѣлѣ женщина какъ будто все. Можно себѣ представить благоустроенную семью безъ дѣтей, безъ родни, безъ знакомыхъ; но возможна-ли она безъ женщины? Она царитъ у домашняго очага, законодательствуетъ въ обществѣ и нерѣдко держитъ въ рукахъ таинственныя пружины, которыми приво-

дятся въ движеніе цѣлыя государства и управляется міръ. Женщина вездѣ. Лишенная правъ, не имѣя законной возможности соперничать съ мужчиною въ наиболѣе существенныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, она гордо смотритъ на кропотливую возню своего тирана, и тотъ, кто считаетъ себя ея повелителемъ, часто падаетъ предъ нею во прахъ, не замѣчая даже своего стыда и униженія. Развернемъ книгу прошлаго, вспомнимъ исторію народовъ и царствъ. Гдѣ не играла она самовластной роли, эта униженная и оскобленная, не обладавшая даже священнѣйшимъ изъ благъ человѣка—возможностью идти туда, куда влечетъ ее свободный умъ? Мы знаемъ людей, которые не клонили гордой головы передъ сильными міра, въ то же время безропотно творя волю слабаго созданія, вся сила котораго заключалась въ его слабости. Самсонъ и Далила—не легенда, а символъ. Это—олицетвореніе двухъ половинъ человѣческаго рода, изъ которыхъ одна дѣйствуетъ мощью своего физическаго существа, а другая—силою своего внутренняго обаянія. Не женщина-ли украсила жизнь перваго человѣка и не она-ли отняла у него все, что составляло его силу, красу и величіе? Съ самаго начала бытія стала она около него, но не для того, чтобы быть его спутникомъ, а чтобы властвовать надъ нимъ, подчинить его своему игу и увлечь въ своемъ паденіи. И мужчина самъ наложилъ на себя принесенныя ею цѣпи и безъ спора, безъ гнѣва, безъ сожалѣнія уступилъ ей первородство, не получивъ взамѣнъ ничего, кромѣ горя, тревогъ и минутнаго забвенія, которое онъ называетъ наслажденіемъ...

Не всѣ раздѣляли это мнѣніе. Вольтеръ готовъ былъ отдать двухъ женъ тому, кто возьметъ у него третью. Конфуцій прогналъ свою жену, такъ какъ она мѣшала его занятіямъ. Говорятъ, что одинъ философъ древности три года не поднималъ глазъ, опасаясь, какъ бы они не остановились на женщинѣ. Мусульманскіе мудрецы, опираясь на Коранъ и опытъ, вынесенный изъ жизни, считаютъ женщину низшимъ существомъ и, когда мужья, желающіе пользоваться семейнымъ счастьемъ, обращаются къ нимъ за совѣтомъ, они имъ говорятъ: „Если ты находишься въ крайне затруднительномъ положеніи и не знаешь, что дѣлать, собери друзей своихъ, угости ихъ, изложи имъ все дѣло и поступи, какъ они тебѣ посовѣтуютъ. Если нѣтъ у тебя друзей, посовѣтуйся съ первымъ встрѣчнымъ и исполни его совѣтъ. Но, если около тебя нѣтъ ни друзей, ни какого либо посторонняго мужчины, съ которымъ ты могъ-бы посовѣтоваться,

тогда изложи обстоятельно все дѣло женѣ, спроси у нея совѣта, выслушай терпѣливо все, что она тебѣ скажетъ, и послѣ этого поступи какъ разъ наоборотъ!“..

И такъ вездѣ. И у насъ во времена Домостроя—да и тогда-ли только?—женщина считалась дополнительнымъ существомъ, чѣмъ-то вродѣ домашней мебели. Ученые даже изслѣдовали ея мозгъ и нашли, что она самой природой предназначена къ тому, чтобы играть подчиненную роль подъ властительной ферулою мужчины. Но можетъ-ли все это измѣнить общее положеніе? Женщина—все не только въ положительномъ, но и въ отрицательномъ смыслѣ. Если передъ нами пожилой человѣкъ со спокойнымъ лицомъ и медлительными движеніями, не говорите, что онъ богатъ, что у него прочное положеніе въ обществѣ, что ему нечего волноваться, такъ какъ завтрашній день не принесетъ ему ни огорченій, ни заботъ. Нѣтъ, женщина создала ему спокойствіе. Она, а не кто другой, навѣяла на него думу о мирномъ бытіи подъ мирными небесами. Если это не жена, то дочь, если не дочь, то подруга. Съ другой стороны, если мужчина, о которомъ мы говоримъ, измученъ, угрюмъ, развинченъ, то такъ-же смѣло можно воскликнуть: „Вотъ слѣды женскаго вліянія!“ Можетъ быть, въ жизни этого человѣка вовсе не было женщины; но въ такомъ случаѣ все, которое представляетъ собою женщина, и будетъ заключаться въ отсутствіи женскаго элемента. Сколько погибло мужчинъ только потому, что на ихъ жизненномъ пути не встрѣтилось женщины, которая иногда дѣлаетъ счастливымъ, иногда разбиваетъ счастіе—это все равно,—но которая всегда придаетъ жизни упругость, силу и движеніе! Благодаря ей, родились поэты и развѣ слышали-бы мы трели соловья, если бы недалеко отъ него не сидѣла на вѣткѣ другая птичка, для которой весь его восторгъ и пѣснопѣніе? Прозаики-беллетристы не создавали-бы романовъ: гдѣ встрѣтили-бы они больше всего вниманія, какъ не среди женщинъ, составляющихъ ядро въ кругу почитателей его таланта? Есть писатели для дѣтей, для юношества, для лицъ извѣстнаго сословія или класса; но нѣтъ писателей для женщинъ, потому что романъ, написанный для женщины, написанъ для всѣхъ. А художники? Не женская-ли красота являлась для нихъ главнымъ образомъ путеводной звѣздой въ вихрѣ чувствъ, съ которыми они погружаются въ бездонное море искусства? Можно смѣло сказать, что, если бы не было женщины, не было-бы поэзіи, литературы, живописи, скульп-

туры, музыки, не было-бы красокъ, звуковъ, словъ,—ничего-бы не было!

II

Можно было-бы наполнить цѣлые томы одними только восторженными отзывами и славословіями, которыми выдающіеся представители культуры наградили прекрасную половину человѣческаго рода. Гете, который любилъ многихъ женщинъ и самъ былъ любимъ ими, говорилъ: „Женщина—вѣнецъ творенія“. Шиллеръ возвелъ поклоненіе женщинѣ въ особый культъ, восклицая въ минуту высокаго душевнаго подъема: „Чтите женщинъ, онѣ вплетаютъ небесныя розы въ земную жизнь!“ Кальдеронъ говаривалъ: „Женщина—небо, но небо это такъ, же далеко отъ мужчины, какъ земля отъ небеснаго свода“. Развѣ можно исчерпать все, что было написано или сказано въ этомъ духѣ великими людьми? Вездѣ и повсюду выступаетъ на первый планъ благоговѣйное отношеніе къ женщинѣ, вездѣ ей курятъ ѳиміамъ и ставятъ жертвенники. Даже тѣ, которые относились къ ней отрицательно, дѣлали это потому, что сознавали неотразимость ея власти. Они убѣгали отъ женщины, но она гналась за ними, какъ тѣнь, неслышная, неосязаемая, но неотступная. Монтэнь восклицалъ: „Если-бы все шло по моему желанію, то я не женился бы даже на самой Мудрости, хотя бы она пламенѣла ко мнѣ огненной страстью. Но напрасна борьба, мужчина долженъ подчиниться“. Тутъ дѣло идетъ о законномъ бракѣ, но для каждаго ясно, что бракъ только одна изъ многочисленныхъ формъ отношеній къ женщинѣ. Онѣ многочисленны потому, что многочисленны и разнообразны всѣ сферы духа и естества, въ которыхъ повелѣваетъ женщина. Не всегда она вплетаетъ небесныя розы въ земную жизнь мужчины (вмѣсто розъ иногда вплетается репейникъ); но радости бытія такъ многообразны, и мало ли поэтовъ смотрѣли на горечь отравы, которую подносили имъ женщины, какъ на небесный нектаръ, какъ на высокую награду, какъ на счатье, на цѣль бытія, на блаженство? Женщина не только опредѣляетъ существо мужчины, она во многихъ случаяхъ составляетъ все его содержаніе. Можно сказать, что мужчина—сумма отношеній къ женщинѣ. Она даетъ ему жизнь—высшее благо, безъ котораго были-бы немыслимы всѣ другія блага, а когда жизнь уже есть, она является къ нему въ видѣ любимой матери, для которой нѣтъ ничего, чѣмъ-бы она ни по-

жертвовала, когда дѣло идетъ о ея родномъ дѣтищѣ. Затѣмъ она приходитъ къ нему въ видѣ отдаленной мечты, блѣдной и неясной, озаряющей первые проблески его самосознанія, когда онъ находится еще на школьной скамьѣ, но уносится уже мысленно въ лабиринтъ чувства. О, какъ радужны и невинны эти мечты, окутанныя дымкою запретности и тайны! А когда заря юности всходитъ въ его душѣ, украшая ее причудливыми узорами неопытныхъ думъ и непровѣренныхъ ощущеній, она становится на его дорогѣ молодой, очаровательной дѣвушкою и дарить его нѣжнымъ поцѣлуемъ,—первымъ настоящимъ поцѣлуемъ, магическое дѣйствіе котораго онъ тщетно искалъ-бы въ поцѣлуѣ матери. Затѣмъ она сопровождаетъ его на жизненномъ пути въ видѣ жены, сестры, дочери, подруги. Она бережетъ его покой, подслушиваетъ его завѣтныя думы, охлаждаетъ излишній жаръ, ослабляетъ излишній холодъ. Гдѣ тотъ мужчина, который, пройдя сквозь горнило женскаго вліянія, не очистился-бы сердцемъ и душой, если даже онъ пороченъ, и не захотѣлъ-бы помириться съ міромъ, не захотѣлъ бы любить, молиться и вѣровать добру, какъ захотѣлъ Демонъ послѣ встрѣчи съ Тамарой? И развѣ не этотъ процессъ духовнаго возрожденія подъ вліяніемъ женщины такъ ярко живописуетъ Пушкинъ, который также много любилъ на своемъ вѣку, въ маленькомъ, но удивительномъ по яркости и выпуклости стихотвореніи, кстати сказать, также посвященномъ женщинѣ *)?

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.
Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.
Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ Божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
Душѣ настало пробужденье,
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

*) А. Кернъ.

И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

III

Есть прекрасная легенда. Я слышалъ ее еще юношею и не помню, какому народу она принадлежитъ; но она такъ ярко символизируетъ идею духовнаго пребладанія женщины въ жизни мужчины, что лучшую иллюстрацію трудно найти. Дѣло происходило въ сѣдую старину, когда Божество только что создало землю—треножникъ своего величія и человѣка, который могъ бы созерцать это величіе. Онъ не былъ Адамомъ, этотъ человѣкъ, потому что легенда относится къ языческому народу; но онъ былъ одинокъ, какъ Адамъ, и блуждалъ по безцвѣтнымъ степямъ пустыннаго Эдема, равнодушный и унылый, напрасно отыскивая предметъ, на которомъ можно было-бы остановиться. Все было пустынно и мертво. Вселенная только что вышла изъ великой мастерской Божества и ничѣмъ не радовала его нетронутаго сердца.

Долго блуждалъ человѣкъ и, наконецъ, взмолился:

— О, Всесильный! Ты далъ мнѣ глаза, чтобы видѣть, но все кругомъ мертво и однообразно! Я усталъ смотрѣть на безжизненный просторъ степей. Тутъ нѣтъ ни одной точки, на которой я могъ-бы остановить опечаленные взоры.

Не успѣлъ онъ вымолвить послѣднее слово, какъ около него появиласъ роза. Онъ не зналъ ее, не видѣлъ ее раньше, но она сразу оживила все существо его. Ея нѣжные лепестки какъ бы сложились въ боязливую семью и съ легкимъ трепетомъ тянулись къ устамъ человѣка. И человѣкъ ожилъ. Онъ былъ счастливъ. Онъ обожалъ невиданный цвѣтокъ всею силою первобытнаго чувства. Цѣлые дни проводилъ онъ въ созерцаніи неожиданнаго гостя, и уста его безустанно шептали слова благодарности Божеству, величественно возсѣдавшему на своемъ треножникѣ.

Но недолго продолжалось это счастіе. Человѣкъ усталъ въ безпрерывномъ общеніи съ неземнымъ созданіемъ, которое было прекрасно, но ничѣмъ не могло отвѣтить ему на пылкое чувство. Ему нуженъ былъ предметъ, который ласкалъ-бы его слухъ, наполняя воздухъ звуками своего голоса. И онъ снова взмолился:

— О, Всесильный! Ты далъ мнѣ слухъ и создалъ во мнѣ

потребность не только говорить, но и слышать. Не полно мое счастье, Всемогущій.

И опять совершилось чудо: не успѣлъ онъ промолвить послѣднее слово, какъ около него запорхала птичка. Послышалось веселое щебетаніе. Переливы неслышанныхъ раньше звуковъ задрожали въ воздухѣ жизнерадостными аккордами. Человѣкъ былъ опять счастливъ. Дивныя краски цвѣтка ласкали его зрѣніе, пѣсня очаровывала слухъ. Онъ былъ полонъ блаженства и его уста снова шептали слова любви и признательности.

Но прошло много лѣтъ и человѣкъ опять взмолился:

— О, Всесильный! ты далъ мнѣ жизнь и блага жизни, но не далъ существа, которое могло-бы принять участіе въ моей радости. Ласка нужна мнѣ, Всевластный. Я усталъ въ созерцаніи безмолвной красоты цвѣтка и не радуетъ меня веселое чириканье птички, которая чуждается меня и улетаетъ, когда протяну къ ней руку.

И вдругъ —о, чудо! —не успѣлъ онъ вымолвить послѣднее слово, какъ появилась собачка. Съ радостнымъ визгомъ и лаемъ подбѣжала она къ человѣку, вскочила къ нему на колѣни, бросилась на грудь и начала лизать ему лицо и руки. Какой восторгъ! Какое упоеніе! Да, только этого милаго, добраго, преданнаго существа ему не доставало! Она не отходитъ отъ него ни на шагъ, бережетъ его сонъ, согрѣваетъ его любовнымъ жаромъ. Теперь у него все. Больше ему ничего не нужно, ничего...

Но Божество, возсѣдая на треножникѣ своего величія — землѣ, спокойнымъ окомъ созерцало радость перваго человѣка и думало о судьбѣ первенца, для котораго не настала еще минута полнаго счастья. Оно видѣло, что его дѣтище не довольно жизнью, что около него нѣтъ предмета, который могъ-бы ему замѣнить всѣ прежніе, который цвѣлъ-бы, какъ роза, чирикалъ бы, какъ птичка, и ласкался-бы и былъ преданъ, какъ это маленькое доброе животное, никогда не отходящее отъ него ни на шагъ. Оно знало, что человѣку нуженъ еще разумный другъ и сознательный товарищъ и что до тѣхъ поръ, пока его нѣтъ, онъ будетъ попрежнему томиться и тосковать. И человѣкъ, дѣйствительно, взмолился вскорѣ:

— О, Всесильный! Я всѣмъ доволенъ и благодаренъ за все. Но преступенъ-ли я, если сердце проситъ иного, лучшаго? Ты далъ мнѣ разумъ и волю, Ты вселилъ въ меня потребность

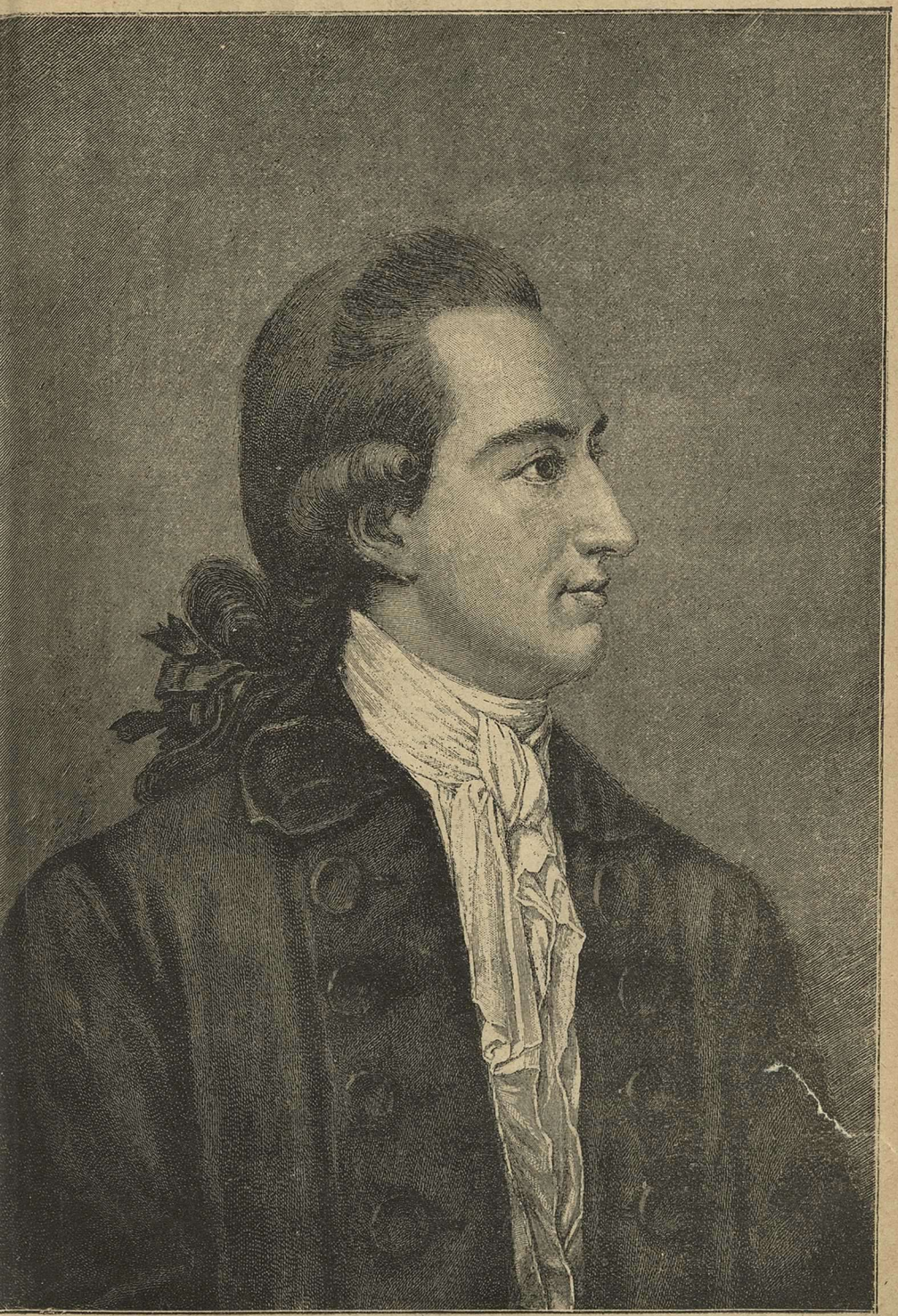
стремиться и желать. Когда же успокоится мой тревожный умъ? Когда же самъ я скажу себѣ: „Довольно“?

И исполненнымъ мольбою взоромъ человѣкъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣло Божество на своемъ величественномъ треножникѣ. О, чудо! Въ одну минуту все перемѣнилось. Увялъ цвѣтокъ, улетѣла птичка, не стало добраго животнаго, никогда не отходившаго отъ него ни на шагъ. Самого Божества уже не было! Оно унеслось въ безпредѣльныя пространства вселенной, а на Его мѣстѣ, вся въ цвѣтахъ радуги, озаренная небеснымъ сіяніемъ, свѣтлая, какъ улыбка младенца, и прекрасная, какъ мечта, сидѣла женщина...

Легенда прибавляетъ, что человѣкъ больше ничего не требовалъ.

I.

Вольфгангъ Гете.



ВОЛЬФГАНГЪ ГЕТЕ.

ВОЛЬФГАНГЪ ГЕТЕ.*)

Гете поистинѣ можетъ считаться баловнемъ счастія. Ему все улыбалось. Начиная съ первыхъ дней вступленія на арену литературной дѣятельности и кончая годами творческаго заката, не было ни одного событія, которое могло бы сколько нибудь омрачить безоблачное небо его жизни. Онъ въ юности пріобрѣлъ громкую поэтическую славу, въ тридцать лѣтъ сдѣлался министромъ, въ сорокъ пользовался всемірной славою. За нимъ ухаживали. Его снисходительнаго взгляда домогались, какъ милости. Даже самое появленіе его на свѣтъ сопровождалось необыкновеннымъ счастіемъ: онъ долженъ былъ задохнуться въ утробѣ матери и былъ спасенъ только случайностью. Правда, въ одну груст-

*) Пособія: Стихотворенія Гете въ переводѣ разныхъ авторовъ. — Gustav Karpeles. Allgemeine Geschichte der Litteratur. Berlin 1901. —Robert Koenig. Deutsche Litteraturgeschichte. Bielefeld und Leipzig 1900.-Georg Witkowski. Goethe. Leipzig, Berlin und Wien. 1899.--Johannes Scherr. Geschichte der deutschen Frauenwelt. Leipzig 1895.—Ludwig Geiger. Dichter und Frauen. Abhandlungen und Mittheilungen. Berlin 1889.—Dr. Louis Lewes. Goethes Frauengestalten. Stuttgart. 1900.—Otto Berdrow. Frauenbilder aus der neueren deutschen Litteraturgeschichte. Zweite Auflage. Stuttgart 1900.—Ida von Düringfeld. Das Buch denkwürdiger Frauen. Lebensbilder und Schilderungen. Sechste Auflage. Leipzig 1900. — Dr. Adalbert Hanstein. Die Frauen in der Zeit des Aufschwunges des deutschen Geisteslebens. Leipzig 1899.—Bertha Katscher. Das Liebes-und Eheleben berühmter Männer. Leipzig 1899.—Elise von Hohenhausen. Berühmte Liebespaare. Leipzig 1895. Льюисъ. Вольфгангъ Гете. Переводъ подъ ред. А. Н. Невѣдомскаго СПБ. 1887 г.—Ф. Кохъ и М. Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. А. Погодина. СПБ. 1901. Кромѣ этого, пособіемъ служили многочисленные иностранные, преимущественно нѣмецкіе, журналы и газеты за періодъ 1893—1903 гг.

ную минуту своей старости онъ выразился: „Если свести къ одному итогу дѣйствительно счастливые и безоблачные дни всей моей жизни, то много-много, если составится четыре недѣли“. Но, конечно, это была шутка. Поэтъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, какъ знаютъ всѣ, знакомые съ его біографіею, безусловно былъ счастливъ, и можно смѣло сказать, что, если-бы Поликратъ жилъ въ эпоху Гете, то не бросалъ бы своего перстня въ воду, такъ какъ убѣдился бы, что несчастія вовсе не нужно для того, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ.

Былъ-ли Вольфгангъ Гете счастливъ также и въ отношеніяхъ къ женщинамъ? Вліяли-ли вообще женщины на его жизнь и творчество? На оба вопроса приходится отвѣтить утвердительно. Больше: жизнь и творчество Гетедо того тѣсно сплелись, что иногда не знаешь, гдѣ кончается біографія и начинается вымыселъ. Среди многочисленныхъ произведеній Гете врядъ-ли найдется хотя бы одно, герои и въ особенности героини котораго были бы вымышлены. Гете вообще не вымышлялъ. Онъ списывалъ съ натуры, прикрашивая, дополняя, освѣщая, но всегда держась опредѣленнаго тона, подмѣченнаго у жизни и вырваннаго изъ нея цѣликомъ. Однажды онъ самъ назвалъ свои сочиненія исповѣдью („Всѣ мои произведенія только отрывки великой исповѣди моей жизни“) и былъ совершенно правъ такъ какъ не только его крупныя драмы, романы и эпическія повѣствованія, но также мелкія стихотворенія не могутъ быть поняты и надлежащимъ образомъ оцѣнены, если не принять во вниманіе обстоятельствъ жизни самаго поэта, съ которымъ они связаны. Въ особености это нужно сказать о его многочисленныхъ женскихъ фигурахъ, Все это—живыя существа, живыя не только съ точки зрѣнія рельефности обрисовки и жизненности характеровъ, но и съ точки зрѣнія житейской правды. У нихъ только другія имена, а иногда къ нимъ присоединяется еще другая обстановка. Все же остальное—точный снимокъ, получающій тѣмъ болѣе значенія, что при внимательномъ взглядѣ мы узнаемъ въ немъ то или другое живое лицо, съ которымъ Гете дѣлилъ когда-то въ дѣйствительности горе или радости, отчаяніе или восторгъ. Вотъ почему вопросъ: „былъ-ли Гете счастливъ также и въ отношеніяхъ къ женщинамъ?“ можетъ быть превращенъ въ

вопросъ: какъ отразилось вліяніе женскаго элемента на его творчествѣ? Окрасило-ли оно его поэтическую дѣятельность извѣстной краской? Дало-ли оно ей особое направленіе? Или, можетъ быть, женскія фигуры, встрѣченныя великимъ поэтомъ на своемъ жизненномъ пути, были только равнодушными натурщицами, которымъ все равно, какъ ни позировать передъ художникомъ, потому что и самому художнику все равно, каковы ихъ душевныя качества, каковы ихъ порывы, стремленія, надежды, мечты?

МАТЬ ГЕТЕ.

Во всѣхъ исторіяхъ германской литературы и въ особенности во всѣхъ біографіяхъ Гете матери его отводится выдающееся мѣсто при оцѣнкѣ творческой дѣятельности великаго поэта. „Долгъ національной благодарности,—говоритъ Левесъ въ своей характеристикѣ женскихъ фигуръ Гете,—требуетъ, чтобы на вѣковыя времена былъ сохраненъ образъ этой превосходной женщины, имѣвшей такое рѣшительное вліяніе на развитіе одного изъ величайшихъ сыновъ Германіи“. „Мать Гете,—восклицаетъ большой знатокъ поэта и германской литературы вообще, Шерръ,—имѣетъ неоспоримое право на благоговѣйную признательность германскаго и остальнаго цивилизованнаго міра. Невозможно исчислить все, чѣмъ она была для сына и что она ему дала. Всѣ его лучшія произведенія носятъ отпечатокъ и слѣды его матери и

ея любви". „Она,—замѣчаетъ Д. Льюисъ въ своей извѣстной біографіи Гете,—принадлежитъ къ числу самыхъ привлекательныхъ и наиболѣе ярко выдающихся личностей въ нѣмецкой литературѣ. Ея простой, чистосердечный, веселый и симпатичный нравъ возбуждалъ къ ней общую любовь. Она была радостью дѣтей, любимицею поэтовъ и государей, какъ ее называли, соединяла въ себѣ достоинство съ простотой, была вмѣстѣ и серьезна, и простосердечна, и до самой смерти сохранила въ своемъ характерѣ восторженность и добродушіе, соединенныя съ замѣчательной проницательностью и знаніемъ людей... Отъ нея унаслѣдовалъ сынъ любовь разсказывать, живой умъ, расположеніе ко всему, что болѣе или менѣе носитъ на себѣ печать самобытности, любовь видѣть кругомъ себя веселыя лица". Самъ Гете признаетъ, что мать имѣла большое вліяніе на его талантъ.

Отцу обязанъ ростомъ я,
Серьезной въ жизни цѣлью;
Отъ матушки—любовь моя
Къ разсказамъ и веселью. *)

Дѣйствительно, трудно сказать, кому больше была присуща любовь къ сказкамъ,—самому-ли ребенку Гете или его матери. Сказки доставляли ей самой наслажденіе. „Я,—сказала она матери Беттины фонъ-Арнимъ, игравшей не малую роль въ жизни Гете,—не уставала разсказывать, а онъ не уставалъ слушать. Воздухъ, огонь, землю, воду я представляла въ видѣ принцессъ; всему, что происходитъ въ природѣ, придавалось значеніе, которому я вскорѣ стала больше вѣрить, чѣмъ мои маленькіе слушатели. Мы воображали себя на дорогахъ, ведущихъ отъ одной звѣзды къ другой, говорили о томъ, что будемъ когда нибудь жить на звѣздахъ, и о великихъ духахъ, съ которыми тамъ встрѣтимся, и я больше всѣхъ ждала съ нетерпѣніемъ часа, когда я начну свои разсказы съ дѣтьми. Да, мнѣ самой было въ высшей степени интересно доводить наши маленькіе разсказы до конца и мнѣ каждый разъ было очень непріятно, если меня куда нибудь приглашали и я, вслѣдствіе этого, лишалась подобнаго вечера. Когда я разсказывала, онъ уставлялъ на меня свои черные глаза, и если судьба кого-либо изъ его любимцевъ не соотвѣтствовала его ожиданіямъ, онъ былъ

*) Пер. Холодковскаго

недоволенъ, жилы напрягались у него на вискахъ и онъ глоталъ слезы. Часто прерывалъ онъ меня замѣчаніями, вродѣ слѣдующаго: „Но, маменька, вѣдь принцесса не выйдетъ замужъ за проклятаго портного, если даже онъ и убьетъ великана?“. Когда я откладывала окончаніе разсказа

Мать Гете разказываетъ сказки дѣтямъ (къ стр. 18).

до слѣдующаго вечера, то была увѣрена, что въ этотъ промежутокъ онъ станетъ дѣлать разныя предположенія о томъ, что будетъ далѣе, и въ этихъ случаяхъ его фантазія замѣняла дѣятельность моей фантазіи. Если на слѣдующій вечеръ я продолжала разсказъ въ его направленіи, говоря:

„Ты угадалъ! Такъ произошло на самомъ дѣлѣ!“, то онъ весь вспыхивалъ и по рюшу на его шеѣ можно было видѣть, какъ сильно билось въ это время юное сердце. Свои мысли о дальнѣйшей судьбѣ героевъ разсказа онъ всегда повѣрялъ бабушкѣ, у которой былъ любимцемъ, а отъ нея я всегда узнавала, какъ мнѣ продолжать разсказъ. Такимъ образомъ, между нами происходила тайная дипломатическая махинація, при чемъ мы не выдавали другъ друга. Въ ре-

Г-жа Айя (изъ „Goethes Werke.“)

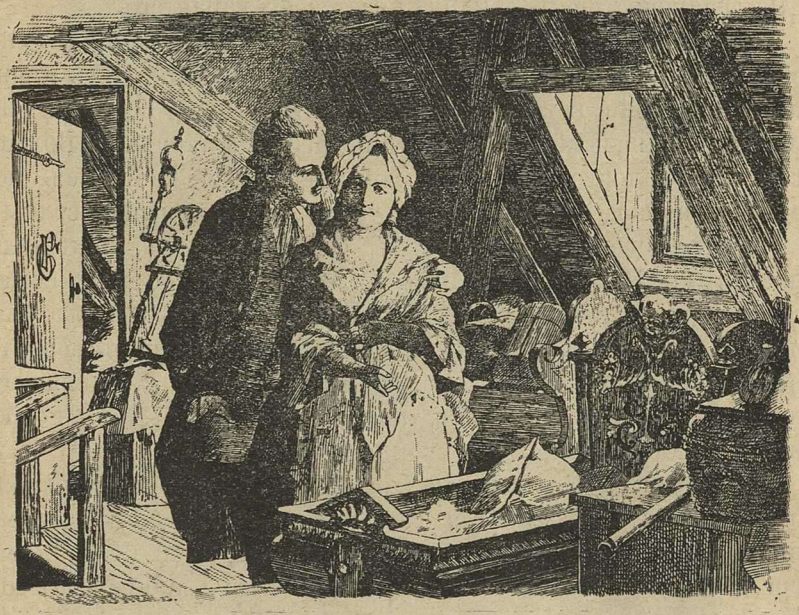
зультатѣ оказывалось, что мои слушатели относились къ моимъ сказкамъ съ радостью и восторгомъ. Вольфгангъ, не считая себя авторомъ всѣхъ удивительныхъ событій, видѣлъ съ восторженнымъ выраженіемъ въ глазахъ, что исполняются его смѣло задуманные планы, и радостно билъ въ ладоши, когда они приходили къ концу. Я съ блаженствомъ вспоминаю эти милые вечера, благодаря которымъ распро-

странилась молва о моемъ искусствѣ разсказывать, вслѣдствіе чего въ нихъ начали принимать участіе старъ и младъ". Наглядную картину такого отношенія матери къ сыну Гете далъ впослѣдствіи въ „Гецъ фонъ-Берлихингенѣ", заставивъ Марію, тетю маленькаго Карла, разсказать ему сказку такъ, какъ разсказывала когда-то ему самому любимая мать.

При такомъ любовномъ и разумномъ отношеніи матери поэта къ своему сыну нѣтъ ничего удивительнаго, что фантазія ребенка, подстрекаемая фантазіею талантливой и любящей матери, начинала сильно работать еще въ раннемъ возрастѣ. Впослѣдствіи Гете воспроизвелъ въ томъ же „Гецъ фонъ-Берлихингенѣ" одну изъ сценъ своего дѣтства. Результатомъ того-же между прочимъ явилась дѣтская сказка „Новый Парисъ",воспроизведенная потомъ поэтомъ въ своей автобіографіи. Эту сказку можно было-бы привести, хотя бы въ извлеченіи, если-бы къ фактическимъ даннымъ своей жизни Гете не прибавилъ значительной доли вымысла,—обстоятельство, объясняемое тѣмъ, что поэтъ писалъ свою автобіографію въ старости, когда онъ уже пользовался всемірною славою и могъ съ высоты олимпійскаго величія смотрѣть сквозь поэтическую призму своего генія, какъ на окружающій міръ, такъ и на собственную жизнь.

Кстати объ этомъ олимпійскомъ спокойствіи. Оно было унаслѣдовано также отъ матери, характеръ которой отличался такою-же ровностью и невозмутимостью, какъ и ея жизнь. Одинъ только разъ въ жизни ей пришлось пережить сильное душевное волненіе: она какъ-то увидѣла императора Карла VII, проводившаго послѣдніе свои годы во Франкфуртѣ. Глубоко романтическая натура, она сильно поддалась впечатлѣнію и съ тѣхъ поръ изыскивала всевозможные способы, какъ бы его увидѣть. Мало по малу она почувствовала къ нему сильное влеченіе. Помня, какъ онъ въ церкви, гдѣ она его видѣла, стоялъ на колѣняхъ, закрывъ руками лицо, она у себя въ комнатѣ становилась часто на колѣни и закрывала себѣ лицо руками. Въ концѣ концовъ императоръ уѣхалъ и сонъ молодой мечтательной дѣвушки разсѣялся. Съ тѣхъ поръ больше ничто уже не омрачало жизни романтической увлекающейся Айи. Замужество не повліяло на ея характеръ. Она продолжала быть тѣмъ же ре-

бенкомъ, какимъ была раньше. Даже послѣ появленія сына на свѣтъ Божій она не измѣнилась. Къ тому-же ей было въ то время всего 19 лѣтъ—возрастъ, когда трудно отрѣшиться отъ юныхъ замашекъ даже и болѣе положительной женщинѣ, получившей серьезную научную подготовку, которой у матери поэта не было, такъ какъ отцу ея некогда было заниматься образованіемъ дочери. Это-то обстоятельство и способствовало сближенію между матерью и сыномъ. Разница въ 19 лѣтъ вовсе не такъ велика, чтобы исключить тѣсное общеніе и равенство интересовъ, и можно сказать,



Гете и его мать
(изъ „Goethes Werke". Illustriert von ersten deutschen Künstlern.")

что мать Гете была его истинною подругою дѣтства. Не даромъ она сама говаривала: „Мы съ Вольфгангомъ всегда были близки другъ къ другу, потому что оба были молоды".

Тихое, радостное настроеніе никогда не покидало ее. Если какое-либо обстоятельство могло повліять на ея спокойствіе, она заботливо устраняла его. Слугамъ она приказала никогда не сообщать ей печальныхъ новостей, а когда однажды Гете заболѣлъ, никто не говорилъ съ ней объ этомъ, пока сынъ не выздоровѣлъ. „Я знала все,—разказывала она впослѣдствіи,—но ничего не говорила, потому что всякій

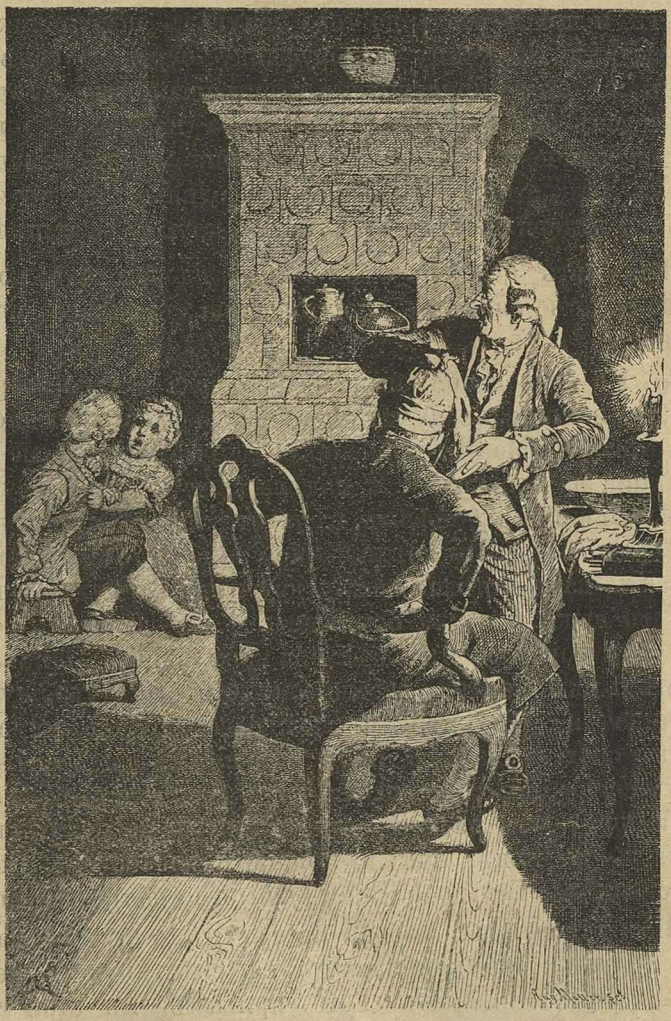
разговоръ о немъ только безполезно растравлялъ-бы рану моего сердца; теперь же я готова говорить объ этомъ сколько угодно". Вообще мать Гете вся отразилась въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ ея писемъ: „Я радуюсь жизни, потому что лампочка еще свѣтится; не ищу шиповъ, жажду маленькихъ радостей. Если двери низки, я наклоняюсь; если мнѣ можно удалить камень съ дороги, я это дѣлаю, а если онъ очень тяжелъ, я обхожу его. И такъ я каждый день нахожу нѣчто такое, что мнѣ доставляетъ радость".

Недаромъ самъ Гете сказалъ о письмахъ своей матери: „Въ каждой строкѣ обнаруживается ея характеръ".

Слѣдующій случай изъ дѣтской жизни Гете свидѣтельствуетъ о невозмутимомъ спокойствіи его матери, томъ именно спокойствіи, которое, перейдя къ сыну, было впослѣдствіи окрещено названіемъ „олимпійскаго". Маленькій Вольфгангъ забрался однажды въ помѣщеніе, гдѣ хранилась посуда, и началъ бросать ее на улицу, одобряемый веселымъ смѣхомъ товарищей, братьевъ Оксенштейновъ, жившихъ напротивъ. Посуды было перебито уже изрядное количество, какъ вдругъ вошла мать. Какъ бережливая хозяйка, она пришла въ ужасъ, но это ей не помѣшало тотчасъ перейти въ умиленіе при видѣ дорогого сынка, весело смѣявшагося подъ тактъ разбиваемыхъ тарелокъ, мисокъ и тому подобныхъ принадлежностей кухонной утвари.

Что мать усердно ограждала сына отъ черствaго закала отца—педанта, разумѣется само собою. Она вела съ отцомъ правильную борьбу не только прямыми, но и косвенными средствами. Извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. Отецъ Гете не признавалъ изъ отечественныхъ писателей никого, кромѣ такихъ „знаменитостей", какъ Галлеръ, Дроллингеръ, Хагедорнъ, Крамеръ и тому подобныхъ писателей, давно уже канувшихъ въ лету. Больше же всего ненавидѣлъ онъ Клопштока съ его „Мессіадою", которая такъ сильно волновала уже въ то время умы въ Германіи, ненавидѣлъ главнымъ образомъ за нерифмованные гекзаметры, составлявшіе для него предметъ ужаса. Мать Гете, конечно, была иного мнѣнія о Клопштокѣ и, сама находясь подъ его вліяніемъ, позаботилась, чтобы запретная книга попала въ руки ея дѣтей, т. е. Гете и его сестры Корнеліи. Нечего говорить, что Вольфгангъ сталъ съ увлеченіемъ всасывать въ себя

запрещенную книгу и по цѣлымъ часамъ просиживалъ вмѣстѣ съ сестрою за чтеніемъ преступныхъ гекзаметровъ подъ охраною бдительнаго ока маменьки. Часто они



Гете и Корнелія за преступными гекзаметрами.
(Изъ „Goethes Werke illustriert von ersten deutschen Künstlern".)
(къ стр. 23—24).

декламировали. Однажды братъ и сестра читали ту часть „Мессіады", въ которой сатана разговариваетъ съ Андромалехомъ. Гете и сестра, раздѣливъ роли, начали деклами-

ровать, сначала тихо, потомъ, приходя въ экстазъ, все громче и громче, пока, наконецъ, дѣвочка, увлеченная патетическимъ мѣстомъ, не крикнула на всю комнату: „О, какъ истерзанъ я весь!“ Отецъ въ это время брился въ сосѣдней комнатѣ, и крикъ этотъ до того испугалъ цырульника, что онъ вылилъ мыльницу на фуфайку суроваго совѣтника. Тотчасъ же было приступлено къ строжайшему слѣдствію, произведенъ обыскъ, запретная книга найдена и преступники изобличены. Гекзаметръ, конечно, былъ немедленно изгнанъ изъ отцовскаго дома, что, однако, не помѣшало любящей матери достать втихомолку другой экземпляръ.

Вся мать Гете въ слѣдующемъ ея разсказѣ, который передаетъ съ ея словъ пріятельница великаго поэта — Беттина:

— Въ одно ясное зимнее утро, когда у меня собрались гости,—разсказывала ей мать Гете,—Вольфгангъ предложилъ намъ ѣхать на Майнъ, прибавивъ: „Ты, мама, вѣдь не видала катанія на конькахъ“. Я надѣла свою кармазиновую шубу съ большимъ шлейфомъ, застегивавшуюся до низу золотыми пряжками, и мы поѣхали. Мой сынокъ тотчасъ принялся скользить, какъ стрѣла, между другими. Воздухъ подрумянилъ его щеки и пудра осыпалась съ его темныхъ волосъ. Когда ему попалась въ глаза моя кармазиновая шляпа, онъ подлетѣлъ къ каретѣ, весело смѣясь. „Ну, что нужно?“ спрашиваю я. „Вѣдь тебѣ въ каретѣ не холодно, мама, дайка мнѣ свою бархатную шубу.“—„Ужъ не намѣренъ-ли ты надѣть ее?“—„Да, конечно, надѣну“. Я сняла свою славную теплую шубу, онъ надѣлъ ее и, накинувъ на руку шлейфъ, побѣжалъ на ледъ, какъ настоящій сынъ боговъ. Если-бъ ты его видѣла, Беттина! Ничего не могло быть прекраснѣе.

Необыкновенная любовь матери къ сыну имѣла еще одну причину: она поняла, что ея сынъ будетъ не простымъ смертнымъ. Самъ Гете привыкъ къ этой мысли, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующій его разговоръ съ матерью. Гете часто любилъ въ дѣтскіе годы углубляться въ ночное небо, усѣянное звѣздами, при чемъ особенно долго смотрѣлъ на ту изъ нихъ, которая въ минуту рожденія Гете сіяла ярче другихъ. Однажды—поэту было тогда всего семь лѣтъ—онъ сказалъ матери:

— Звѣзды, конечно, исполнятъ, что обѣщали мнѣ при рожденіи?

— Затѣмъ ты думаешь о звѣздахъ? Вѣдь живемъ же мы и безъ покровительства звѣздъ?

Гете на каткѣ (къ стр. 24).
(изъ „Goethes Werke, illustriert von ersten deutschen Künstlern.“)

— Пусть живутъ другіе; я же не могу удовлетворяться тѣмъ, что удовлетворяетъ другихъ.

Нечего говорить, что мать Гете нашла поэтическое вы-

раженіе въ произведеніяхъ Гете. Между прочимъ она выведена въ „Германѣ и Доротеѣ“. Прекрасная женщина изображена въ этой поэмѣ любвеобильной матерью (жена хозяина „Золотого льва“), лучше своего сухого, педантическаго мужа понимающею богатую натуру сына и употребляющею всѣ усилія къ тому, чтобы предупредить или смягчить столкновенія между нимъ и отцомъ. Такъ, отвѣчая на старческое брюзжаніе мужа, постоянно ропщущаго на Германа за то, что онъ не пошелъ по слѣдамъ отца, мать излагаетъ ему свою теорію воспитанія, въ которой легко узнать теорію самой матери Гете:

Силуэтъ матери Гете (изъ книги Witkowsky: „Goethe.“)

Добрая умная мать отвѣчала на это не медля:
„Къ сыну, однако, никакъ ты быть справедливымъ не хочешь.
Этимъ путемъ ни за что не достигнешь желаемой цѣли.
Мы не можемъ дѣтей измѣнять по собственной волѣ.
Какъ они созданы Богомъ, такими должны мы любить ихъ.
О воспитаньѣ радѣть, наклонностей въ нихъ не стѣсняя.
Тотъ имѣетъ одну способность, а этотъ другую;
Каждый своею живетъ и каждый по своему только
Добръ и счастливъ. Напасть на Германа я не позволю.
Знаю, онъ достоинъ того, что получитъ въ наслѣдство.

И хозяинъ будетъ отличнымъ, примѣрнымъ для гражданъ.
Я предвижу, что онъ и въ совѣтѣ не будетъ послѣднимъ.
Но пересудами ты, какъ сегодня, да вѣчною бранью
Ежедневно у бѣднаго духъ отнимаешь послѣдній".
И она удалилась изъ комнаты, слѣдомъ за сыномъ,
Чтобы его отыскать гдѣ нибудь и словами участья
Снова обрадовать. Сынъ почтительный этого стоилъ. *)

Въ Германіи очень высоко чтятъ память „госпожи Айи". Одно время ей даже собрались поставить въ ея родномъ городѣ—Франкфуртѣ—памятникъ. И немудрено: не будь г-жи Айи,—не было бы, можетъ быть, и одного изъ величайшихъ представителей міровой поэзіи,—не было бы самого Гете.

СЕСТРА ГЕТЕ КОРНЕЛІЯ.

Сестрѣ великаго германскаго поэта выпала завидная участь: она не только была подругою юныхъ лѣтъ своего брата, не только подслушала первый лепетъ его музы, но напоминала его своею внѣшностью. Сходство было до того поразительное, что, какъ свидѣтельствуетъ ея біографъ Витковскій, авторъ вышедшей во Франкфуртѣ книги „Корнелія, сестра Гете" **), многіе принимали ее за самого Гете, думая, что поэтъ просто переодѣлся въ женское платье. Напрасно было-бы искать въ лицѣ сестры утонченныхъ, болѣе мягкихъ, болѣе закругленныхъ чертъ брата: она была точной его копіею. Получалось впечатлѣніе, какъ будто природѣ хотѣлось создать не женщину, а мужчину, и она въ послѣднюю минуту раздумала, поставивъ мужскую голову на женское тѣло. Во всякомъ случаѣ портретъ Корнеліи Гете, далеко не отличавшейся ни красотою, ни привле-

*)Пер. А. Фета. (Собраніе сочиненій Гете. Пер. подъ ред. П. Вейнберга, т. 4. СПБ. 1894 г., стр. 412—413).

**) Georg Witkowsky. „Cornelia, die Schwester Goethe's". 1903.

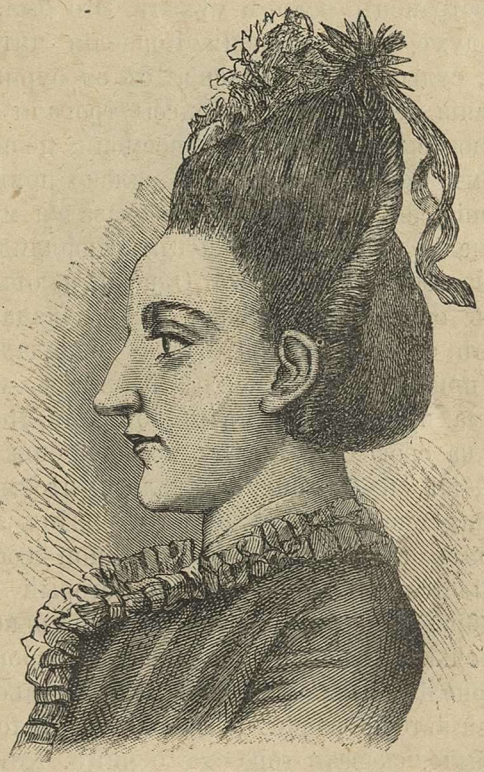
кательностью, весьма характеренъ: онъ свидѣтельствуетъ, что даже самая красивая мужская голова не можетъ преобразиться хотя бы въ сколько-нибудь сносную женскую головку.

Корнелія это знала, и можно съ увѣренностью сказать, что врядъ-ли существовала когда-либо молодая дѣвушка, которая такъ мало смотрѣлась-бы въ зеркало и такъ небрежно относилась-бы къ вопросамъ туалета, какъ она. Это, однако, не мѣшало ей быть прекраснымъ существомъ съ добрымъ сердцемъ, что особенно обнаружилось въ ея отно-

Сестра Гете Корнелія. (изъ „Goethes Werke.“)

шеніяхъ къ брату. Будучи моложе его всего на одинъ годъ, она была истинною его подругою дѣтства. Они вмѣстѣ играли, повѣряли другъ другу свои тайны и вмѣстѣ скрывали свои невинныя шалости отъ стараго отца-педанта. До чего доходило педантство этого человѣка, можно судить по тому, что онъ тщательно записывалъ всѣ расходы на семью, въ томъ числѣ и на Корнелію, на латинскомъ языкѣ. Если пальто Корнеліи отдавалось въ починку, въ записной книжкѣ его появлялась замѣтка: „Reparatio pollii Corneliae 1 fl. 30“:

Если ей нуженъ былъ новый корсетъ, то записывалось. „pro thoraca novo 4.5“. Иногда приходилось заказывать для нея такія вещи, для которыхъ нѣтъ названій въ латинскомъ словарѣ, какъ, напримѣръ, фартукъ; но педантъ не смущался и писалъ въ такихъ случаяхъ: „pro mundo ventrali“—для украшенія живота. Записи этого рода доставляли молодому Гете и его сестрѣ не мало матеріала для шутокъ, тѣмъ болѣе, что по существу отецъ былъ очень добръ и любилъ дѣтей,



Корнелія (Изъ „Deutsche Litteraturgeschichte“ Келлера)

отличаясь отъ всякихъ другихъ отцовъ этого рода только крайнимъ педантизмомъ. Послѣдней между прочимъ и объясняется необыкновенная сложность учебной программы, намѣченной имъ не только для сына, но и для дочери. Такъ, онъ заставлялъ ее изучать всѣ новые языки и заниматься серьезными науками, подходящими больше для мужчины, чѣмъ для женщины.

Не смотря, однако, на свою ученость, Корнелія со вступленіемъ въ возрастъ невольно поддалась чувству любви. Это было неизбѣжно въ то время, когда любовными чарами какъ-бы была напоена вся атмосфера. Въ любовь играли тогда всѣ, и старики, и молодежь. Къ несчастію, любовь Корнеліи осталась безъ отвѣта. Какъ разсказываетъ Гете въ своихъ воспоминаніяхъ, предметомъ ея первой страсти былъ молодой англичанинъ, учившійся во Франкфуртѣ. Романъ долженъ былъ прекратиться въ самомъ началѣ, потому что молодой иностранецъ вскорѣ уѣхалъ. Это была несчастная любовь въ духѣ того времени. Корнелія читала Руссо и Грандиссона; судьбы Новой Элоизы съ ея бурными страстями и страданія несчастной Клариссы трогали ее до слезъ. Она утѣшилась было въ скоромъ времени, познакомившись съ французомъ Сентъ-Альбеномъ, сильно повліявшимъ на ея воображеніе; но и этотъ романъ оказался мимолетнымъ. Потомъ Корнелія увлеклась молодымъ лифляндцемъ, съ которымъ познакомилась у брата. Однако, и отъ этой любви ей пришлось отказаться, потому что, обладая большими познаніями въ области науки, она не обладала главнымъ элементомъ притягательной силы женщины—красотою. Въ своихъ письмахъ, написанныхъ въ то время, Корнелія горько плачется на свою судьбу. Отъ красоты, пожалуй, она отказалась бы, но ей бы очень хотѣлось, чтобы у нея были болѣе изящныя черты, болѣе чистый цвѣтъ лица, грація. Она не вѣритъ въ возможность взаимной любви, „потому что гдѣ найдется милый человѣкъ, который подумалъ-бы обо мнѣ?“. Корнеліи было девятнадцать лѣтъ, когда она писала эти горечью и слезами исполненныя строки.

Что Корнелія была некрасива, свидѣтельствуетъ самъ Гете въ своей автобіографіи: „Сложеніе ея было прекрасное, но нельзя было сказать того-же о лицѣ. Хотя выраженіе доброты и ума рисовалось на немъ очень отчетливо, но самыя черты были лишены правильности и пріятности... Всѣ ея наружные недостатки, впрочемъ, уравновѣшивались прекрасными душевными качествами, которыя развивались все болѣе и болѣе. Характеръ ея былъ твердъ и непреклоненъ, душа чувствительна и добра, умъ развитъ прекрасными основательными познаніями, способности обработаны; она владѣла прекрасно перомъ... Темпераментъ ея былъ лишенъ

всякой чувственности. Она выросла вмѣстѣ со мной и мечтала только о томъ, какъ бы провести всю свою жизнь въ такой братской любви и согласіи. По возвращеніи моемъ изъ университета мы были почти неразлучны. Мысли, чувства, шутки, впечатлѣнія—все было у насъ общимъ... Мои къ ней отношенія были всегда разнообразны, свободны и искренни, хотя иногда въ разговорахъ мы и доходили до оборотовъ и мыслей довольно смѣлыхъ. Если я пріобрѣлъ навыкъ быть любезнымъ и пріятнымъ въ обществѣ молодыхъ женщинъ безъ того, чтобы обращеніе мое вызывало

Портретъ Корнеліи, нарисованъ самимъ поэтомъ.
(Изъ книги Witkowsky: „Goethe.“)

возраженіе или отпоръ, то этимъ былъ я обязанъ исключительно ей“. *).

Гёте былъ «обязанъ» сестрѣ гораздо большимъ. Оба съ раннихъ лѣтъ полюбили поэзію, и когда молодой Гёте началъ самъ сочинять стихи, первой усердной читательницею и поклонницею его таланта была его сестра. Она-же поощряла брата къ дальнѣйшей работѣ, и многое изъ того, что имъ было написано даже спустя много лѣтъ, носитъ

*) „Поэзія и правда моей жизни“, пер. А. Соколовскаго. (Изд. Гербеля. 1880., г. стр. 236.

явные слѣды вліянія Корнеліи. Сюда, напримѣръ, относится написанный по совѣту сестры «Гецъ-фонъ-Берлихингенъ»— произведеніе смѣлое, дерзкое, съ героемъ, взятымъ изъ временъ рыцарей-разбойниковъ XVI столѣтія, когда феодальные бароны не признавали никакихъ законовъ и ничьей власти, кромѣ власти императора, а иногда возставали и противъ него. Прообразъ Геца, Готфридъ фонъ-Берлихингенъ, извѣстный подъ названіемъ «Желѣзной руки», истинный типъ рыцаря-разбойника, вѣчно воевавшій, потому что война была его стихіею, но въ то же время, какъ рыцарь, помогавшій слабымъ и угнетеннымъ, одинаково увлекалъ брата и сестру своимъ романтическимъ ореоломъ. Не забудемъ, что въ то время, когда былъ написанъ «Гецъ» (въ 1771 г.), могучее движеніе, извѣстное подъ именемъ «бури и натиска» (Sturm und Drang), властно охватило германскую молодежь, возставшую противъ разрозненности германскихъ земель и установившагося въ нихъ самодержавія отдѣльныхъ государей. Этому теченію невольно поддались также Гёте и его сестра. Образъ Геца давно созрѣлъ въ душѣ молодого поэта, но облеченъ онъ былъ въ драматическую форму только послѣ того, какъ сестра потребовала отъ него этого. Приступилъ онъ къ работѣ безъ всякаго плана и все написанное о немъ читалъ по вечерамъ сестрѣ.

Сестра Гёте была счастлива только до тѣхъ поръ, пока жила вмѣстѣ съ братомъ; когда же она вышла замужъ, жизнь ея сдѣлалась мучительною. Мужъ Корнеліи, Іоаннъ-Георгъ Шлоссеръ, другъ Гёте, былъ сухимъ, черствымъ человѣкомъ, чиновной натурою. Онъ не понималъ своей жены и ничѣмъ не могъ привязать ее къ себѣ. Къ этому присоединилось еще то, что онъ, женившись на Корнеліи (ей было тогда 23 года), уѣхалъ изъ Франкфурта и поселился сначала въ Карлсруэ, а потомъ въ захолустномъ уголкѣ— Эмменингенѣ. Театры, концерты, собранія, прогулки, которыми была наполнена жизнь Корнеліи во Франкфуртѣ, сразу прекратились для нея. Между тѣмъ ей хотѣлось жить, а съ мужемъ это было невозможно. «Моя любовь внушаетъ ей отвращеніе», откровенно писалъ ея мужъ, и, дѣйствительно, не онъ, сухой педантъ, могъ удовлетворить мечтательную натуру женщины, бывшей въ теченіе многихъ лѣтъ подругою одного изъ величайшихъ міровыхъ геніевъ. Самъ

поэтъ не считалъ ее способною къ правильной семейной жизни. «Съ своей стороны я долженъ сознаться,—говоритъ онъ,—что, думая о ея будущности, я всегда скорѣе представлялъ себѣ сестру аббатиссою или начальницею какого-нибудь общества, чѣмъ чьей-нибудь женой и хозяйкой. Она имѣла всѣ данныя, чтобы достойно исполнять такую высокую обязанность, но рѣшительно была неспособна къ свѣтской жизни"*). При этихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Гёте, написавшій множество стихотвореній по разнымъ случаямъ, не посвятилъ выходу своей сестры замужъ ни одной риѳмованной строки. По крайней мѣрѣ, о такомъ стихотвореніи ничего неизвѣстно.

Жизнь Корнеліи послѣ выхода замужъ была агоніею мечтательной души, искавшей свѣта и простора и вдругъ попавшей въ мрачную тюрьму. Женщина, воспитавшаяся на очаровательныхъ сказкахъ «г-жи Айи», очутилась рядомъ съ черствымъ, бездушнымъ чиновникомъ, не питавшимъ никакой склонности къ поэзіи. Она стала увядать и вдругъ умерла (отъ родовъ, въ іюнѣ 1777 г.), двадцати семи лѣтъ отъ роду. Гёте узналъ объ ея смерти въ то время, когда уже находился на вершинѣ славы, составляя главный, если не единственный центръ высшаго веймарскаго общества. То, что было благодѣтельнымъ для брата, оказалось гибельнымъ для сестры при первомъ же прикосновеніи къ дѣйствительной жизни. Сталь только крѣпнетъ въ огнѣ, но тотъ-же огонь пожираетъ солому. Гете и Корнелія были изъ разнаго тѣста.

Великій поэтъ не увѣковѣчилъ сестры ни однимъ стихотвореніемъ. Мечтательный характеръ Корнеліи, очевидно, мало вдохновлялъ реалистическаго олимпійца германской поэзіи.

*) „Поэзія и правда", стр. 633.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Есть что-то мистическое въ первой любви. Что-то глубокое и одухотворяющее. Что-то вытекающее не изъ свойствъ и качествъ предмета, которымъ внушено чувство, а изъ самого чувства. Тутъ не реальный образъ, стоящій въ сторонѣ, а отраженіе собственнаго существа влюбленнаго. И какой поэзіею вѣетъ отъ этого удивительнаго самосозерцанія, принимаемаго по ошибкѣ за созерцаніе другого! Какъ Нарцисъ любовался когда-то собственнымъ отраженіемъ въ водѣ, такъ влюбленный любуется собственной тѣнью, думая, что передъ нимъ другая душа. И оттого предметъ первой любви всегда кажется окруженнымъ ореоломъ красоты и святости. Потому что и сердце влюбленнаго впервые также исполнено святости и отъ него самого также вѣетъ чарами истинной красоты.

Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и въ исторіи первой любви Гете. Здѣсь какая-то удивительная смѣсь поэзіи и прозы, возвышеннаго полета и низменныхъ чувствъ, что-то величественное и жалкое въ одно и то же время. Между тѣмъ въ изображеніи поэта дѣвушка, внушившая ему первую любовь, окрашена только въ одинъ—благородный цвѣтъ. Объ этомъ можно судить уже потому, что она именно послужила ему образцомъ для благороднѣйшаго и возвышеннѣйшаго изъ созданныхъ имъ типовъ—Маргариты. И въ самомъ дѣлѣ, Гретхенъ (Маргарита) болѣе, чѣмъ очаровательна. Она почти неземное созданіе. Красота, мягкость характера, безгрѣшныя думы, мечтательный разговоръ,—все это до того далеко отъ сухой дѣйствительности, что невольно напрашивается предположеніе, не хотѣлъ-ли Гете въ лицѣ Гретхенъ изобразить идеалъ небесной красоты, которая возрождаетъ мертвыхъ сыновъ земли, но сама гибнетъ при соприкосновеніи съ землею? Во всякомъ случаѣ получается впечатлѣніе, что, если Фаустъ очень любилъ Маргариту, то Гете любилъ ее еще больше и при томъ истинно неземною любовью, исключающей всякія думы о чемъ либо грѣховномъ. Такого рода настроеніе можетъ быть навѣяно только

воспоминаніемъ о первой любви, когда сердце еще не отравлено страстью и только усиленно бьется, предчувствуя ея приближеніе. Несомнѣнно, что тутъ не фикція. Рисуя образъ Гретхенъ, Гете безусловно видѣлъ передъ собою образъ дѣвушки, которая явилась передъ нимъ когда-то на порогѣ юности и впервые открыла ему міръ неизвѣданныхъ чувствъ, и грезъ, и видѣній.

И тѣмъ не менѣе дѣвушка, внушившая Гете первую поэтическую любовь, вовсе не была поэтическою. Звали ее Гретхенъ. Очевидно, окруживъ дѣвушку собственнымъ ореоломъ, Гете хотѣлъ даже увѣковѣчить самое имя небеснаго существа, оставившаго въ его душѣ столько свѣтлыхъ воспоминаній. Къ сожалѣнію, точныхъ біографическихъ данныхъ о ней не имѣется. Нѣкоторые біографы и коментаторы Гете совершенно отрицаютъ ея существованіе, думая, что это былъ плодъ юнаго воображенія. Конечно, есть нѣкоторая доля поэзіи въ подобномъ взглядѣ. Гретхенъ—поэтическій образъ! Она преслѣдовала Гете во дни юности, сопровождала его мечты въ зрѣломъ возрастѣ, служила ему музою на старости лѣтъ, воплотившись въ концѣ концовъ въ образѣ чарующей фаустовской Гретхенъ, лучшей и симпатичнѣйшей изъ гетевскихъ героинь, которую нѣмцы такъ охотно возводятъ въ національный типъ. Какъ видно, простора для предположеній много. Къ тому-же пора, пережитая въ то время нѣмецкой молодежью, вовсе не исключала возможности увлекаться несуществующими предметами страсти, и Шиллеръ, напримѣръ, какъ мы увидимъ ниже, посвятилъ не мало стихотвореній Лаурѣ, жившей только въ его воображеніи. Время было такое. Однако, относительно Гете этого сказать нельзя. Какъ чувствительная натура, онъ, конечно, увлекался настроеніемъ минуты; но чувство никогда не уносило его за предѣлы дѣйствительности, а если иногда и уносило, то умъ тотчасъ же возвращалъ его назадъ и водворялъ на прежнемъ мѣстѣ. Кромѣ того, мать Гете сама не разъ говорила о Гретхенъ, какъ о предметѣ первой любви ея сына. Наконецъ, свидѣтельство самого поэта, который отводитъ этой любви не мало страницъ въ своей автобіографіи. Можетъ быть, къ дѣйствительнымъ чертамъ любимой дѣвушки Гете прибавилъ нѣсколько другихъ, на самомъ дѣлѣ не существовавшихъ; но подлинность

самой дѣвушки не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію*), и это-то и заставляетъ подумать о значеніи первой любви, въ дымкѣ которой даже низменныя натуры появляются въ ореолѣ нравственной красоты и тѣлеснаго великолѣпія.

Вотъ что разсказываетъ самъ Гете. Ему пришлось какъ-то очутиться въ обществѣ веселыхъ молодыхъ людей, не брезгавшихъ даже такими неблаговидными дѣлами, какъ поддѣлка векселей, кражи и т. п., для того, чтобы добыть деньги для кутежа. Молодые люди эти часто собирались по вечерамъ. Однажды они заставили Гете написать въ стихахъ любовное письмо, отъ имени одной молодой дѣвушки съ объясненіемъ въ любви и послали ее какому-то юношѣ. Юноша, получивъ письмо, рѣшилъ отвѣтить дѣвушкѣ такимъ-же любовнымъ посланіемъ въ стихахъ и, не будучи въ состояніи сдѣлать это, обратился къ тѣмъ же молодымъ людямъ, которые въ свою очередь предложили Гете продолжать продѣлку. Тотъ согласился. Это было началомъ знакомства съ веселой компаніею. У одного изъ нихъ и встрѣтился Гете съ Гретхенъ. „Обернувшись спиною, говоритъ Гете, она показалась мнѣ очаровательнѣе. Чепчикъ премило сидѣлъ на небольшой головкѣ, покоившейся на гибкой шеѣ, прелестно соединявшейся съ грудью и плечами. Все въ ней дышало какою-то изысканностью... Воспоминаніе объ этой дѣвушкѣ стало преслѣдовать меня съ тѣхъ поръ днемъ и ночью. Это было первое женское существо, произведшее на меня такое сильное впечатлѣніе; а такъ какъ я не имѣлъ никакого предлога видѣться съ ней въ этомъ домѣ или въ какомъ нибудь другомъ, то рѣшился отправиться въ церковь и посмотрѣть, гдѣ она сидитъ“. **) Знакомство началось съ того, что Гретхенъ—это была она —посовѣтовала Гете взять назадъ свое стихотворное письмо, предназначенное для отвѣта обманываемой дѣвушкѣ, и онъ, конечно, исполнилъ совѣтъ.

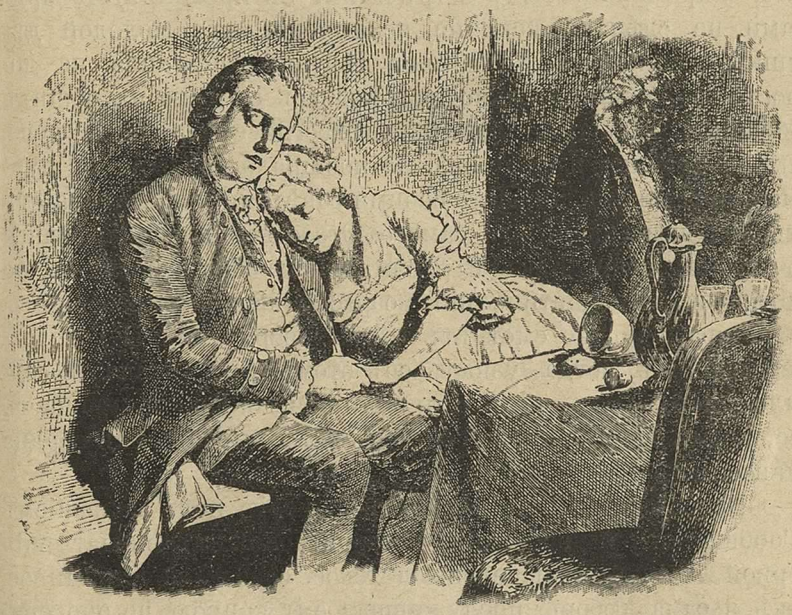
Друзья Гете были огорчены, но примирились послѣ

---

*) Во „Frankfurter Zeitung“ (8 Іюля 1901 г.) помѣщено изслѣдованіе д-ра А. Гаммерана, который не только не сомнѣвается въ подлинности Гретхенъ. но указываетъ даже на основаніи фактическихъ данныхъ, гдѣ стоялъ домъ, въ которомъ разыгрался первый романъ великаго поэта.

**) Соч. Гете. т. X. стр. 135.

чего стали доставлять ему заказы на стихи для разныхъ торжественныхъ случаевъ, какъ свадьбы, похороны и т. п.. Деньги прокучивались вмѣстѣ На ихъ собраніяхъ Гете часто встрѣчался съ Гретхенъ. Она была старше его на годъ или полтора и хотя милостиво принимала поклоненіе молодого поэта, но держалась все-таки въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. Иногда только садилась она около него и клала руку на его плечо, смотря черезъ его голову на листъ или книгу; но если Гете, увлеченный близостью молодой дѣвушки, рѣшался выходить иногда изъ предѣловъ сладкаго том-



Гете и Гретхенъ (изъ „Goethes Werke“) (къ стр. 37)

ленія къ болѣе реальнымъ способамъ изъявленія своихъ чувствъ, она отходила. Такъ шло время.Однажды веселая компанія засидѣлась за полночь. Гете не могъ ворнуться домой, боясь отца, и остался среди товарищей, тѣмъ болѣе, что и Гретхенъ была тутъ же. Долго разговаривали молодые люди, но, наконецъ, стали засыпать одинъ за другимъ. Заснула и Гретхенъ, положивъ хорошенькую головку на плечо своего кавалера—Гете, который гордо и счастливо сидѣлъ, стараясь не двигаться, пока самъ не заснулъ. На слѣдующій день утромъ Гретхенъ была уже болѣе ласкова съ

поэтомъ и даже нѣжно пожала ему руку. Казалось, сближеніе было обезпечено, какъ вдругъ полиція узнала о продѣлкахъ молодыхъ людей: одинъ изъ товарищей Гете, которому молодой поэтъ доставилъ мѣсто, отрекомендовавъ его съ лучшей стороны своему дѣду, былъ преданъ суду по обвиненію въ подлогѣ, при чемъ на самого Вольфганга пало подозрѣніе въ соучастіи. *) Началось дознаніе, пошли разспросы. Невиновность Вольфганга, конечно, обнаружилась; но романъ Гете кончился. Во-первыхъ, Гретхенъ также подверглась нѣкоторому подозрѣнію въ соучастіи и отецъ Гете, запретившій сыну встрѣчаться съ прежними товарищами, не сдѣлалъ, конечно, исключенія для молодой дѣвушки; а во-вторыхъ, любимая дѣвушка объявила на допросѣ, что, дѣйствительно, встрѣчалась съ Гете на общихъ собраніяхъ молодыхъ людей, но всегда смотрѣла на него, какъ на ребенка, и не только не поощряла его сама къ дурнымъ поступкамъ, но часто своими совѣтами удерживала отъ дурныхъ поступковъ его самого. Это оскорбило Вольфганга до глубины души. Какъ! Его, считавшаго себя взрослымъ, не смотря на пятнадцатилѣтній возрастъ, называть ребенкомъ, на котораго можно смотрѣть только сверху внизъ! Гете даже заболѣлъ, когда узналъ объ этомъ. Онъ плакалъ, сердился, негодовалъ, но дѣлать было нечего: юность прощаетъ все, кромѣ насмѣшки, и Гретхенъ была вырвана изъ сердца „навсегда“.

Впослѣдствіи Гете написалъ комедію подъ названіемъ „Сообщники“, въ основаніе которой положилъ впечатлѣнія первой любви,—произведеніе дѣтское, слабое, неустойчивое, какъ и сама любовь, послужившая ему канвою, но оно свидѣтельствуетъ, что твердое рѣшеніе забыть навсегда „женщину“, безпощадно „осмѣявшую“ его лучшія „чувства“, не было исполнено, и образъ Маргариты останется на вѣчныя времена краснорѣчивымъ памятникомъ первой любви одного изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ. Даже въ старости, при

*) Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Гете проф. Георгъ Витковскій высказываетъ сомнѣніе въ достовѣрности приведеннаго случая, о которомъ самъ Гете разсказываетъ въ своей „Правдѣ и поэзіи.“ По его словамъ, лѣтописи франкфуртскаго суда не знаютъ такого уголовнаго дѣла, о которомъ говоритъ Гете. Однако, и онъ признаетъ, что обстоятельства, при которыхъ разыгрался первый романъ Гете произвели на него глубокое впечатлѣніе (Georg Witkowsky. Goethe. 1899. стр. 25).

описаніи короткихъ встрѣчъ съ этой дѣвушкою, у Гете, не смотря на его желаніе оставаться олимпійски спокойнымъ даже при воспоминаніи о лучшихъ минутахъ жизни, срываются невольно теплыя слова, говорящія о тлѣющихъ искрахъ давно потухшаго пожара.

Первой любви не забываетъ никто, а тѣмъ менѣе поэты.

КЕТХЕНЪ ШЕНКОПФЪ.

Любовь Гете къ Гретхенъ можетъ служить символомъ его юности. Какъ и она, жизнь Вольфганга въ молодые годы отличалась необыкновенной мягкостью и неопредѣленностью тона. Это было что-то нѣжное, воздушное, неземное, заключавшее въ себѣ, однако, зародыши могучей жизни, которая должна была развиться только впослѣдствіи.

Поэтъ до конца дней своихъ помнилъ свою поэтическую или, вѣрнѣе, опоэтизированную Гретхенъ, почти окруженную въ его воображеніи ореоломъ легендарности; но страсти онъ къ ней не питалъ никогда, даже въ минуты расцвѣта его первыхъ чувствъ. Недаромъ Маргарита въ „Фаустѣ“ ему казалась воплощеніемъ безстрастнаго существа и является образомъ женщины, ставшей жертвою чужой страсти, но совершенно не знающею, что такое собственная страсть... Конечно, Гете въ то время не думалъ, чтобы онъ могъ скоро забыть любимую дѣвушку, и, конечно, счелъ бы оскорбленіемъ, еслибы ему сказали, что наступитъ пора, когда образъ очаровательной Гретхенъ уступитъ въ его сердцѣ мѣсто другому образу; но жизнь убѣдила его въ противоположномъ. Прошло всего два года и то, что казалось раньше невозможнымъ, сдѣлалось совершившимся фактомъ. Гете опять полюбилъ.

20185551353

Сердце, сердце, что съ тобою?
Что смутило глубь твою?
Жизнью ты живешь иною —
Я тебя не узнаю.
Мимо все, что ты любило,
Мимо, что тебя томило—
И забота и покой,—
Что же сдѣлалось съ тобой?
Или этотъ образъ милый
Окова̀лъ мечты твои?
Иль въ тебѣ не стало силы
Презрѣть этотъ взоръ любви?
Захочу-ли ободриться,
Отвернуться, удалиться—
Мнѣ и шагу не шагнуть,
Снова къ ней лежитъ мой путь.
Нить волшебную напрасно
Я стараюсь оборвать;
Противъ воли все къ прекрасной
Возвращается опять—
И, вступая въ кругъ суровый,
Покоряюсь жизни новой.
Какъ я слабъ и молодъ вновь!
Отпусти меня, любовь! *)

Но любовь его не „отпустила“. Случилось это уже въ Лейпцигѣ, куда Гете уѣхалъ, чтобы сдѣлаться студентомъ. Въ домѣ трактирщика Шенкопфа собиралось за табль-д'отомъ общество молодыхъ людей, въ томъ числѣ и Гете. Хозяинъ и хозяйка, очень милые люди, возсѣдали тутъ же, а ихъ очаровательная дочь хлопотала на кухнѣ и подавала гостямъ вино. Это и была Анна-Катерина или попросту Кетхенъ, которую Гете, однако, въ своей „Wahrheit und Dichtung meines Lebens“ называетъ поперемѣнно то Анхенъ, то Аннетою. Ей было девятнадцать лѣтъ и о красотѣ ея можно составить понятіе по письму Горна, одного изъ друзей Гете. „Представь себѣ дѣвушку,—пишетъ онъ,—хорошаго, но не очень высокаго роста, съ круглымъ, пріятнымъ, хотя не особенно красивымъ личикомъ, съ непринужденными, милыми, очаровательными манерами. Въ ней много простоты и ни капли кокетства. При томъ она умна, хотя и не получила хорошаго воспитанія. Онъ ее очень любитъ и любитъ чистой любовью честнаго человѣка, хотя и знаетъ, что она никогда не можетъ быть его женою“. Молодая дѣвушка не могла остаться равнодушною къ вздохамъ поэта, составившаго себѣ уже тогда громкое имя. Она отвѣчаетъ ему вза-

*) Пер. М. Михайлова.

имностью и между молодыми людьми начинаютъ мало по малу устанавливаться тѣ отношенія, которыя характеризуютъ приближеніе болѣе тѣсной дружбы. Въ домѣ Шен-

Гете и Кэтхенъ.

копфъ было очень весело: тамъ играли, исполняли на импровизированной сценѣ театральныя пьесы и т. д., сло-

вомъ, время проводилось очень пріятно и Гете не на шутку привязался къ хорошенькой дѣвушкѣ. „Я,—писалъ онъ тогда одному другу,—люблю дѣвушку безъ званія и состоянія, но я въ первый разъ въ жизни чувствую счастіе, доставляемое истинной любовью. Если-бы ты видѣлъ эту чудеснѣйшую дѣвушку, то простилъ бы мнѣ глупость, которую я совершаю, любя ее. Что такое званіе? Пустая краска, изобрѣтенная людьми для того, чтобы окрашивать ею людей, которые этого не заслуживаютъ. И деньги—тоже жалкое преимущество въ глазахъ мыслящаго человѣка.“*)

До чего увлекался Гете, видно изъ письма того же Горна къ одному общему другу отъ 12 августа 1766 г. „Теперь о Гете. Это все тотъ же прежній фантазеръ, какимъ онъ былъ въ то время, когда я пріѣхалъ сюда. Если-бы ты его увидѣлъ, то пришелъ бы въ неистовый гнѣвъ или лопнулъ бы со смѣха. Не могу просто понять, какъ это человѣкъ такъ скоро можетъ измѣниться. Всѣ его теперешнія привычки и все вообще поведеніе ничего общаго не имѣютъ съ прежними. При своей гордости онъ еще франтъ и всѣ его костюмы, какъ они ни красивы, дурацкаго вкуса, выдѣляющаго его изъ всей академіи. Но ему до этого нѣтъ никакого дѣла. Все его творчество и всѣ помыслы направлены только на то, чтобы понравиться своей любезной и себѣ самому. Въ какомъ-бы обществѣ онъ ни былъ, онъ дѣлаетъ себя болѣе смѣшнымъ, чѣмъ пріятнымъ. Только благодаря тому, что дѣвушка ему нравится, онъ усвоилъ такіе portе—mains и жесты, что при видѣ ихъ невозможно удержаться отъ смѣха. Походку выдумалъ онъ совершенно невыносимую. Если-бы только ты это видѣлъ!“**)

Однако, счастливыя минуты нѣжной взаимности продолжались недолго: изъ особой-ли любви или по капризу своей подвижной, безпечной натуры, онъ начинаетъ мучить возлюбленную ревностью. Поводовъ нѣтъ, но это его мало тревожитъ: онъ создаетъ поводы. Наконецъ, Кетхенъ надоѣли всѣ эти приступы ничѣмъ не оправдываемыхъ подозрѣній и она отшатнулась отъ него. Это послужило отрезвленіемъ для поэта, но было уже поздно. Кетхенъ больше не возвра-

*) Lewes, стр. 40.

**) Тамъ же, стр. 41.

щалась къ Гете. Какъ ни старался Гете вернуть ея расположеніе, все было напрасно. Разрывъ оказался полнымъ. Только послѣ этого Гете почувствовалъ, какъ сильно любилъ онъ дѣвушку. Неслыханныя душевныя муки заставили его даже искать забвенія въ винѣ и кутежахъ, чѣмъ онъ разстроилъ свое здоровье на долгое время. Чтобы возстановить силы, Гете уѣхалъ домой во Франкфуртъ, но образъ очаровательной дѣвушки послѣдовалъ за нимъ и туда, тревожа его сонъ и не давая успокоиться на яву. Вдругъ онъ узнаетъ, что Кетхенъ выходитъ замужъ и при томъ за человѣка, ко-

Кетхенъ Шенкопфъ.

тораго самъ же онъ познакомилъ съ нею. Ударъ этотъ былъ слишкомъ тяжелъ. Гете не могъ его перенести. Болѣзнь (легочное кровотеченіе), которая начала проходить, снова вернулась. Онъ пишетъ своей возлюбленной трогательныя письма, говоритъ, что уѣдетъ подальше отъ нея, постарается вырвать ее окончательно изъ сердца, что она даже не должна ему отвѣчать; но и въ благородномъ порывѣ самопожертвованія въ душѣ его пробуждается сожалѣніе о потерянномъ счастіи и перо чертитъ грустно-задушевныя строки: „Вы мое

счастье! Вы единственная изъ женщинъ, которую я не могъ назвать другомъ, потому что это слово слишкомъ слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что я чувствую".

Какъ часто сны тебѣ являли,
Что мы предъ алтаремъ стояли:
Я—мужемъ, ты—моей женой!
Какъ часто съ устъ твоихъ украдкой
Я поцѣлуй, какъ грезы, сладкій,
Срывалъ вечернею порой!
Часы блаженства миновали—
И счастье то, что мы вкушали,
Лихое время унесло.
Что пользы, что я наслаждался?
Восторгъ любви, какъ сонъ, умчался,
Какъ поцѣлуй, все утекло. *)

Отъ этой хандры, грозившей дурно отразиться на здоровьѣ Гете, спасла его поэзія. Онъ написалъ „Хандру Влюбленнаго" (Die Laune des Verliebten)—первое свое драматическое произведеніе, въ которомъ, конечно, изобразилъ прежде всего себя и Кэтхенъ со всѣми перипетіями своей сложной, хотя и наивной, любви. Передъ нами двѣ влюбленныя парочки: съ одной стороны, Ламонъ и Эгле,—два мирныя счастливыя существа, не знающія ревности, не понимающія, что такое ссоры или тревоги, а съ другой—Эридонъ и Амина —влюбленные, постоянно ссорящіеся и отравливающіе себѣ этимъ жизнь. Нечего говорить, что подъ Эридономъ Гете вывелъ себя, а въ лицѣ Амины изобразилъ свою Кэтхенъ. Поэтъ не щадитъ себя въ этомъ произведеніи, рѣзко подчеркивая жестокость своей ревности и въ то же время превознося до небесъ Амину (т. е. Кэтхенъ), покорно переносящую его ревнивыя выходки и даже старающуюся выставить это въ доказательство своей любви. Вотъ что говоритъ она Эридону:

Ты узы легкія умѣлъ въ мученье
И въ цѣпи обратить. Ты, какъ тиранъ, себя
Всегда со мной держалъ, а я люблю тебя,
Люблю еще. На гнѣвъ и всѣ твои угрозы
Я нѣжности въ отвѣтъ лишь проливала слезы.
Я уступила все—ты недоволенъ всѣмъ! *)

Въ пьесѣ (пасторали) собственно нѣтъ содержанія. Эридонъ безпрерывно ревнуетъ изъ-за пустяковъ свою Амину, которая всячески старается его успокоить. Вотъ все. Ей хочется пойдти на танцы,—ему это не нравится, потому что онъ не танцуетъ, и онъ осыпаетъ ее градомъ упрековъ; ей

*) Пер. Ѳ. Миллера.
*) Пер. А. Соколовскаго.

нравится великолѣпный танецъ Дамаренъ, котораго, по выраженію Амины, „всѣ цѣнятъ“,—опять упреки со стороны Эридона, и т. д. И при всемъ томъ онъ не прочь поцѣловать хорошенькую Эглу, влюбленную въ другого,—упрекъ, который, конечно, больше всего можно было сдѣлать самому Гете. Амина страдаетъ и говоритъ своей подругѣ:

Признаюсь я тебѣ, что, право, легче пытка
Страдать отъ меньшихъ ласкъ, чѣмъ отъ любви избытка.
Хоть вѣрность я цѣню, но вмѣстѣ съ тѣмъ она
Спокойствіе и миръ намъ оставлять должна.

Тѣмъ не менѣе она покорно переноситъ его капризы и странности.

Угрюмый взглядъ на свѣтъ—вотъ что его тревожитъ
И радостную жизнь обоимъ портитъ намъ;
Но все-жъ счастлива я по тѣмъ веселымъ днямъ,
Когда въ отвѣтъ на мой вселый смѣхъ и счастье
Выказываетъ онъ порою мнѣ участье.

Такова въ дѣйствительности была Кетхенъ Шенкопфъ и нужны были вся страстность и вся неурегулированность натуры молодого Гете, чтобы довести ее до той степени раздраженія, при которой даже самая пламенная любовь превращается въ ненависть.

Любопытно, что пьеса оканчивается сентенціею, которою, очевидно, самъ Гете клеймитъ свое поведеніе по отношенію къ любимой дѣвушкѣ:

А вы. ревнивцы всѣ, чѣмъ камнемъ въ насъ кидать,
Себя припомните—придется замолчать.

Къ сожалѣнію, Гете не замолчалъ, хотя, какъ видно изъ его „Капризовъ Влюбленнаго“, онъ „припомнилъ себя“. Неустойчивы и впечатлительны сердца поэтовъ и не имъ повиноваться веленіямъ здраваго, но безсильнаго ума.

СУСАННА КЛЕТТЕНБЕРГЪ.

Романъ Гете съ Кетхенъ Шенкопфъ разыгрался въ Лейпцигѣ, куда, какъ сказано, молодой поэтъ уѣхалъ по желанію отца, также получившаго высшее образованіе въ этомъ городѣ и питавшаго большое уваженіе къ лейпцигскому университету. Наука, конечно, прельщала Гете, но здоровая натура требовала также и житейскихъ удовольствій, а когда Кэтхенъ, выведенная изъ терпѣнія неслыханной ревностью своего поклонника, который къ тому-же не могъ на ней жениться (это ей было извѣстно), отвернулась отъ него, потребность въ удовольствіяхъ приняла буйный характеръ. Гете ударился въ разгулъ и слѣдствіемъ этого было то, что онъ заболѣлъ и былъ даже близокъ къ смерти.

Нужно было вернуться домой, въ родной Франкфуртъ. И вотъ осенью 1768 года девятнадцатилѣтній студентъ Вольфгангъ Гете покинулъ „проклятый Лейпцигъ“. Отецъ, возлагавшій большія надежды на этотъ городъ, былъ крайне недоволенъ, когда увидѣлъ, въ какомъ состояніи вернулся его сынъ, и не скрывалъ своего негодованія. Тѣмъ съ большей радостью отнесся молодой поэтъ къ теплому уходу, которымъ окружили его мать, продолжавшая неизмѣнно любить его попрежнему, сестра Корнелія и подруга матери—дѣвица Сусанна фонъ-Клеттенбергъ, которой было въ то время 45 лѣтъ. Особенно вліяла на него благотворно Сусанна, сумѣвшая пробудить въ бурной душѣ поэта стремленіе къ миру и вѣчной любви; благодаря ей же Гете отказался отъ раціоналистическаго взгляда на жизнь съ его неизбѣжными атрибутами—свободомысліемъ и отрицаніемъ—и вернулся къ Богу.

Сусанна-Катерина Клеттенбергъ, дочь врача, родилась 19 декабря 1723 года во Франкфуртѣ на Майнѣ. Серьезнѣйшимъ событіемъ ея молодости было кровотеченіе изъ легкихъ, заставившее ее призадуматься надъ загадкою бытія, не смотря на то, что ей тогда было всего восемь лѣтъ. Отецъ содѣйствовалъ всячески пытливости ея ума, знакомя дочь съ строеніемъ растеній, насѣкомыхъ, костей, анатомическими пре-

паратами и т. п. Въ то же время тетка развивала ея воображеніе сказками и распостраненными въ то время разсказами о христіанскомъ нѣмецкомъ Геркулесѣ и римской Октавіи. Выздоровѣвъ, она уже не занималась дѣтскими играми и почувствовала сильную страсть къ чтенію. Мать, не имѣя возможности заглушить въ ребенкѣ эту опасную страсть,

Сусанна клеттенбергъ.
Изъ книги Hannstein: „Die Frauen in der Zeit des Aufschwunges“ etc.

направила ея вниманіе на Библію, надѣясь хотя бы этимъ путемъ избавить ее отъ дурныхъ послѣдствій усиленнаго чтенія. Но Библія еще болѣе подѣйствовала на ея воображеніе. Впослѣдствіи, особенно благодаря вліянію любителя роскошной жизни, императора Карла VII, перенесшаго свой дворъ и рейхстагъ во Франкфуртъ, въ ней пробудилась

было страсть къ свѣтскимъ удовольствіямъ—танцамъ, пустымъ разговорамъ и т. п.; но старый учитель французскаго языка сумѣлъ отклонить ее отъ этого пути, и пустота окружающей обстановки осталась ей чужда.

Къ этому времени относится любовь Сусанны Клеттенбергъ къ Іоанну Даніэлю Оленшлегеру, образованному, красивому молодому человѣку, прозванному за красоту Нарциссомъ. Вскорѣ состоялась ихъ помолвка. „Я,—писала впослѣдствіи Клеттенбергъ,—была счастлива, поистинѣ счастлива, какъ только можно быть счастливою на свѣтѣ... Въ этихъ тихихъ радостяхъ прошло лѣто. Нарцисъ не давалъ мнѣ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Онъ становился мнѣ все милѣе и милѣе, я всей душою тяготѣла къ нему, —это онъ зналъ и умѣлъ цѣнить. Однако, изъ мелочей возникло нѣчто такое, что начало мало по малу вредить нашимъ отношеніямъ“. Дѣло въ томъ, что, когда заболѣлъ ея женихъ, Сусанна стала опять уходить въ себя и задумываться надъ тщетою своей жизни. Она искала людей, съ которыми можно было-бы подѣлиться душевными сомнѣніями, и, не находя ихъ, обратилась къ Богу, котораго почти забыла въ послѣдніе годы. Но удивительно: чѣмъ болѣе она начала думать о Богѣ, тѣмъ болѣе убѣждалась она, что есть какая-то сила, отклоняющая ее отъ него. Долго она не могла понять, въ чемъ дѣло, и наконецъ поняла, что препятствіемъ были безмысленныя свѣтскія удовольствія, которымъ она предалась послѣ помолвки съ Оленшлегеромъ. Убѣжденіе это окончательно сложилось въ ней послѣ того, какъ одинъ офицеръ изъ ревности грубо напалъ съ саблею въ рукахъ на одного ученаго, мирно бесѣдовавшаго съ прочими гостями въ одномъ домѣ.

И вотъ начался новый процессъ въ душѣ молодой дѣвушки, давно уже таившей въ себѣ предрасположеніе ко всему мистическому. Сусанна стала серьезно, по книгамъ, изучать вопросъ о томъ, разрѣшаются-ли съ религіозной точки зрѣнія танцы, игры и тому подобныя свѣтскія удовольствія. Въ концѣ концовъ она пришла къ убѣжденію, что для обрѣтенія душевнаго мира ей нужно совершенно отказаться отъ свѣтской жизни, и повѣдала объ этомъ жениху. Нужно-ли прибавлять, что „Нарциссъ“, питавшій большую склонность къ удовольствіямъ этой жизни и къ тому же

человѣкъ свободомыслящій, поспѣшилъ порвать сношенія съ невѣстою, съ которою у него не могло быть ничего общаго?

Черезъ нѣсколько лѣтъ Оленшлегеръ снова предложилъ Сусаннѣ руку, но съ тѣмъ чтобы она отказалась отъ своихъ взглядовъ на жизнь. „Я,—говоритъ Сусанна въ своихъ „Признаніяхъ“,—вѣжливо поблагодарила и сердцемъ и умомъ поспѣшила прочь отъ этой исторіи, подобно тому, какъ покидаютъ театръ, когда упадетъ занавѣсъ“. Оленшлегеръ вскорѣ женился, и она, по ея словамъ, обрѣла полное спокойствіе. Послѣ того ей были сдѣланы предложенія нѣсколькими лицами, но всѣ были отклонены.

Съ этой минуты началось въ жизни Сусанны Клеттенбергъ то продолжительное состояніе, которое она называетъ „десятилѣтнимъ пребываніемъ во Христѣ“ (zehnjähriger Christenstand)“. Она тогда находилась подъ вліяніемъ такъ называемаго гальскаго піэтизма. Движеніе это, родоначальникомъ котораго былъ Филиппъ Яковъ Шпенеръ, а усерднымъ пропагандистомъ Августъ Франке, имѣло во Франкфуртѣ небольшой кругъ сторонниковъ. Піетизмъ явился реакціею противъ безшабашности тогдашней общественной жизни и идеаломъ его было примѣненіе началъ ученія Христа къ дѣйствительности.

Сусанна не могла не обратить на себя вниманія этого кружка и она сдѣлалась вскорѣ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его членовъ.

Во время своего „десятилѣтняго пребыванія во Христѣ“ Сусанна сблизилась съ Фридрихомъ Мозеромъ, котораго она называетъ въ своихъ „Признаніяхъ“ Филономъ. Это былъ поистинѣ образованный, но глубоко религіозный человѣкъ, занимавшій нѣсколько разъ постъ посланника при разныхъ мелкихъ дворахъ. Плодомъ этого сближенія явилась въ 1754 году книга „Христосъ въ дружбѣ“, составленная ими вдвоемъ въ сотрудничествѣ съ сестрою Сусанны, Маріею Магдалиною. Книга эта состоитъ изъ 12 статей нравственно-религіознаго содержанія. Между прочимъ въ одной изъ нихъ Сусанна говоритъ объ отношеніяхъ между обоими полами, намекая повидимому на свою дружбу съ Мозеромъ:

„И при различіи половъ эта склонность, вытекающая изъ внутренняго сходства, справедлива и хороша: наши ду-

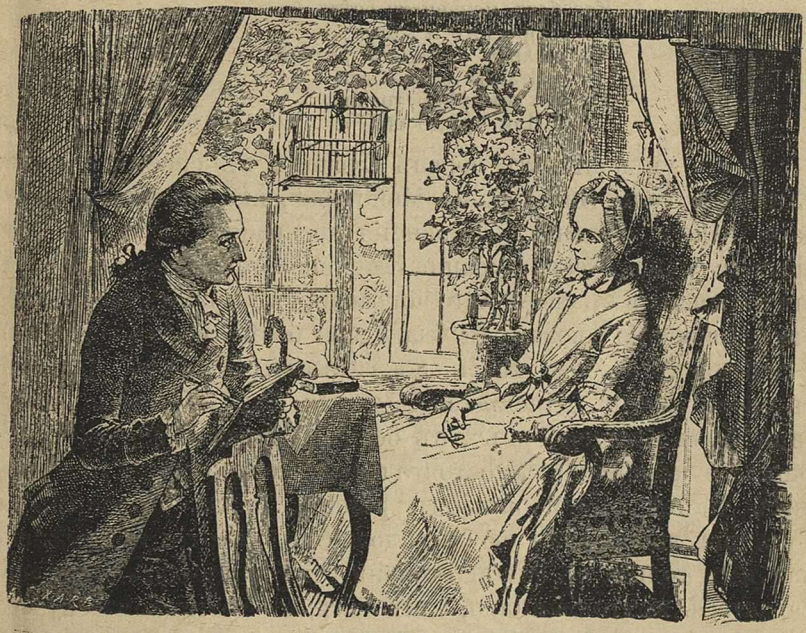
ши не представляютъ собою ни мущины, ни женщины. Не нужно, однако, смѣшивать этотъ родъ естественной склонности съ брачной склонностью. Послѣдняя—совсѣмъ нѣчто другое. Первая можетъ существовать безъ этой склонности, а вторая безъ первой. Развѣ нѣтъ многихъ тысячъ людей, которые живутъ довольные и счастливые, но не являются друзьями (кто этого не понимаетъ, не знаетъ, что такое дружба) и никогда ими не будутъ, потому что нѣтъ этого внутренняго сходства? Наоборотъ, существуютъ друзья обоего пола, связанные естественнымъ согласіемъ, но не считающіе себя въ бракѣ".

Откровенныя признанія Мозера насчетъ пережитыхъ имъ душевныхъ тревогъ произвели глубокое впечатлѣніе на Сусанну. Она стала искать твердой опоры въ жизни и нашла ее въ вѣрѣ во Христа. Свой окончательный душевный переломъ, происшедшій въ 1757 году, она описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Всемогущій, подари мнѣ вѣру!"— молила я однажды въ величайшемъ порывѣ сердца. Я облакотилась на маленькій столъ, у котораго сидѣла, и закрыла руками лицо, по которому текли слезы. Тутъ я была охвачена состояніемъ, въ которомъ необходимо быть, чтобы Богъ обратилъ вниманіе на нашу молитву, но въ которомъ люди рѣдко находятся. Да, кто бы могъ описать, что я чувствовала? Полетомъ душа моя была доставлена ко кресту, на которомъ Христосъ нѣкогда испустилъ духъ. Это былъ полетъ,— иначе не могу его назвать,—совершенно подобный тому, которымъ душа наша приносится къ отсутствующему возлюбленному... Такимъ образомъ, приблизилась душа моя къ Тому, Кто сталъ человѣкомъ и умеръ на крестѣ, и въ ту минуту я познала, что значитъ вѣра. Неописуемая радость переполнила ея сердце; ей показалось, что у нея крылья, поднявшія ее высоко надъ слабостями и низменностью земной жизни. Она имѣла видѣніе и была твердо убѣждена, что дѣйствительно сподобилась увидѣть Христа..."

Такова была Сусанна Клеттенбергъ, когда съ нею сблизился Гете. Въ то время, когда онъ вернулся изъ Лейпцига, она была одинока: у нея умеръ отецъ, а потомъ въ теченіи четырехъ лѣтъ она потеряла одну за другою своихъ четырехъ сестеръ. О любви между нимъ и ею не могло быть, конечно, и рѣчи, тѣмъ болѣе что поэту было всего девятнадцать

лѣтъ, а экзальтированной дѣвушкѣ сорокъ пять. Самъ Гете указываетъ на это въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей „Поэзіи и правды моей жизни“. Но за то вліяніе Сусанны на поэта было несомнѣнно: она, если не излѣчила, то, по крайней мѣрѣ, успокоила встревоженную душу Гете и направила его мысли въ другую сторону.

Что Гете не былъ исцѣленъ бесѣдами на религіозныя темы, свидѣтельствуютъ стихотворенія, написанныя имъ въ 1779 году, къ которому относится его своеобразный романъ съ восторженною Клеттенбергъ. Особенно характерно сти-



Гете рисуетъ портретъ Сусанны.

хотвореніе „Къ мѣсяцу“, грустный и мечтательный тонъ котораго отлично передаетъ его настроеніе.

Снова лѣсъ и долъ покрылъ
Блескъ туманный твой:
Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной.
Ты блеснулъ—и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:
Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
Озаряетъ другъ.
Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ,—

И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ.
Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла.
Такъ надежды пронеслись,
Такъ любовь ушла.
Ахъ, то было и моимъ,
Чѣмъ такъ сладко жить;
То, чего, разставшись съ нимъ,
Вѣчно не забыть,
Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моей
Лирой согласуй.
Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце охранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,
Кто дѣлитъ съ душой родной
Втайнѣ отъ людей
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей. *)

Гете увѣковѣчилъ образъ Сусанны въ своемъ романѣ: „Учебные годы Вильгельма Мейстера“, шестая книга котораго носитъ названіе: „Признанія прекрасной души“. Прекрасная душа и есть Сусанна Клеттенбергъ. Объ этомъ онъ самъ сознается въ своей автобіографіи, гдѣ прямо указываетъ, что „Признанія“ возникли благодаря бесѣдамъ съ подругою и перепискѣ съ нею. Какъ доказываетъ Германъ Дехентъ въ своей книгѣ: „Прекрасная душа“ Гете—Сусанна Катерина фонъ-Клеттенбергъ“, въ основу „Признаній“, составляющихъ совершенно самостоятельный, независимый отъ прочихъ частей книги эпизодъ романа, легла автобіографія Сусанны, написанная ею незадолго до смерти и измѣненная имъ только въ такой степени, чтобы придать разсказу характеръ вымышленнаго, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, книга его оскорбила бы родственниковъ и знакомыхъ Сусанны.

Что міровоззрѣніе Клеттенбергъ не совпадало со взглядами Гете, разумѣется само собою: великій поэтъ былъ слишкомъ жизнерадостенъ, чтобы раздѣлять скептическіе идеалы своей подруги. Тѣмъ не менѣе онъ невольно поддавался ея вліянію. Гете посѣщалъ собранія друзей и единомышленниковъ Сусанны, пѣлъ и молился вмѣстѣ съ нею, поѣхалъ въ Маріенборнъ для ознакомленія съ мѣстными учрежденіями ре-

*) Пер. В. Жуковскаго.

лигіознаго братства, къ которому принадлежала Сусанна, примкнулъ къ благочестивому Юнгъ-Штиллингу въ Страсбургѣ. Не забудемъ, что въ то время обнаружилось сильное движеніе противъ условій религіозной и церковной жизни, застывшихъ на опредѣленныхъ догматахъ и формахъ. Люди стали жаждать живого общенія съ Богомъ, которому можно было съ глазу на глазъ сообщать о своихъ страданіяхъ. Тогда появлялись и имѣли большой успѣхъ мечтатели вродѣ Лафатера, тогда же дѣйствовали и ловили рыбу въ мутной водѣ такіе сознательные обманщики, какъ Каліостро. Этимъ и объясняется первоначальное увлеченіе Гете мистицизмомъ Сусанны. Здоровая натура его, однако, взяла въ концѣ концовъ верхъ надъ невольнымъ увлеченіемъ и онъ пошелъ по пути свободнаго изслѣдованія, руководясь велѣніями ума и требованіями облагороженнаго сердца.

Была еще одна область, въ которой живо обнаружилось вліяніе Клеттенбергъ и ея друзей. Докторъ Мюллеръ, лѣчившій Гете во время болѣзни (онъ также принадлежалъ къ мистическому кружку Клеттенбергъ), посвятилъ его въ тайны каббалы и склонилъ къ космогоническимъ занятіямъ. Гете изучалъ Теофраста и, какъ настоящій алхимикъ, работалъ надъ добываніемъ „философскаго камня“, думая въ самомъ дѣлѣ найдти путь къ искусственному изготовленію золота. Сусанна Клеттенбергъ также участвовала въ этихъ работахъ; у обоихъ были маленькія лабораторіи. Алхимія принесла Гете большую пользу впослѣдствіи, когда онъ приступилъ къ „Фаусту“. Углубляясь все больше и больше въ работы надъ добываніемъ философскаго камня, чтобы забыть очаровательную Шенкопфъ, возвратъ къ которой уже сдѣлался невозможнымъ, онъ нѣкоторымъ образомъ самъ считалъ себя Фаустомъ. По крайней мѣрѣ, въ ту минуту онъ, какъ и Фаустъ, дѣйствительно страдалъ душой и искалъ спасенія въ сладкомъ томленіи любовнаго экстаза.

И спасеніе наступило очень скоро...

ДОЧЕРИ ТАНЦМЕЙСТЕРА.

Когда Гете подъ вліяніемъ Сусанны Клеттенбергъ выздоровѣлъ, его отправили въ Страсбургъ для изученія юриспруденціи. Страсбургъ былъ городъ живой, веселый, и Гете невольно увлекся общимъ настроеніемъ и забылъ о Кетхенъ.

Процессъ забвенія прошлаго начался съ изученія танцевъ. Въ Страсбургѣ много танцовали, даже подъ открытымъ небомъ, и Гете не могъ отстать отъ общаго увлеченія, не впадая въ противорѣчіе съ обществомъ, въ которомъ находился. Онъ началъ брать уроки у мѣстнаго танцмейстера, у котораго, къ несчастію, были двѣ дочери—Люцинда и Эмилія. Первый урокъ танцевъ рѣшилъ дѣло: Гете полюбилъ Эмилію, а Люцинда полюбила Гете. Такъ какъ Эмилія любила другого, то сблизиться съ нею Гете не могъ. Это его очень огорчало. Между тѣмъ Люцинда, какъ истая француженка, не скрывала своего чувства и часто жаловалась Гете, что ея сердцемъ пренебрегаютъ. Случилось однажды въ домѣ гадальщица, и Люцинда предложила обратиться къ ней. Гадальщица дала плохое предсказаніе. Ея карты показывали, что Люцинда не пользуется любовью человѣка, къ которому она неравнодушна. Люцинда поблѣднѣла и гадальщица, догадавшись, въ чемъ дѣло, заговорила о какомъ-то письмѣ и деньгахъ, чтобы поправить дѣло, но дѣвушка прервала ее словами:

— Писемъ я не получаю, а денегъ не жду. Если я, какъ вы говорите, люблю, то, значитъ, заслуживаю, чтобы меня любили также.

Съ этими словами она расплакалась и убѣжала. Гете вмѣстѣ съ Эмиліею бросились за нею, но она заперлась и никакія просьбы не заставили ее открыть двери.

Такъ какъ романъ, начавшійся при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не могъ кончиться ничѣмъ хорошимъ, то самое лучшее было прекратить его возможно скорѣе. Сдѣлала это Эмилія, предложивъ Гете прекратить уроки танцевъ. Гете сталъ оправдываться и доказывать, что онъ никогда

не питалъ къ Люциндѣ расположенія, никогда не высказывалъ ей своихъ чувствъ, а, наоборотъ восторгался одной Эмиліею; но оправданіе только ухудшило дѣло. Эмилія чистосердечно призналась ему, что любитъ другого, которому дала даже слово, и что Гете поступитъ благородно, если оставитъ ихъ домъ, такъ какъ и она начинаетъ привязываться къ нему все болѣе и болѣе, что можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Подчиняясь горькой необходимости, Гете

Гете и дочери танцмейстера съ гадальщицею

удалился. Вотъ какъ разсказываетъ онъ объ этомъ въ своей книгѣ: „Правда и поэзія:“

—Прощайте же,—окончила она свою рѣчь, протянувъ мнѣ руку.—Я колебался.

— А въ знакъ того, прибавила она, подводя меня къ дверямъ,—что теперешнее наше свиданіе, дѣйствительно, послѣднее и что мы договорились до конца, я подарю вамъ то, въ чемъ, навѣрно, отказала-бы при другихъ обстоятельствахъ! Съ

этими словами она вдругъ повисла на моей шеѣ и крѣпко меня поцѣловала, на что я, конечно отвѣтилъ, сжавъ ее еще крѣпче въ своихъ объятіяхъ.

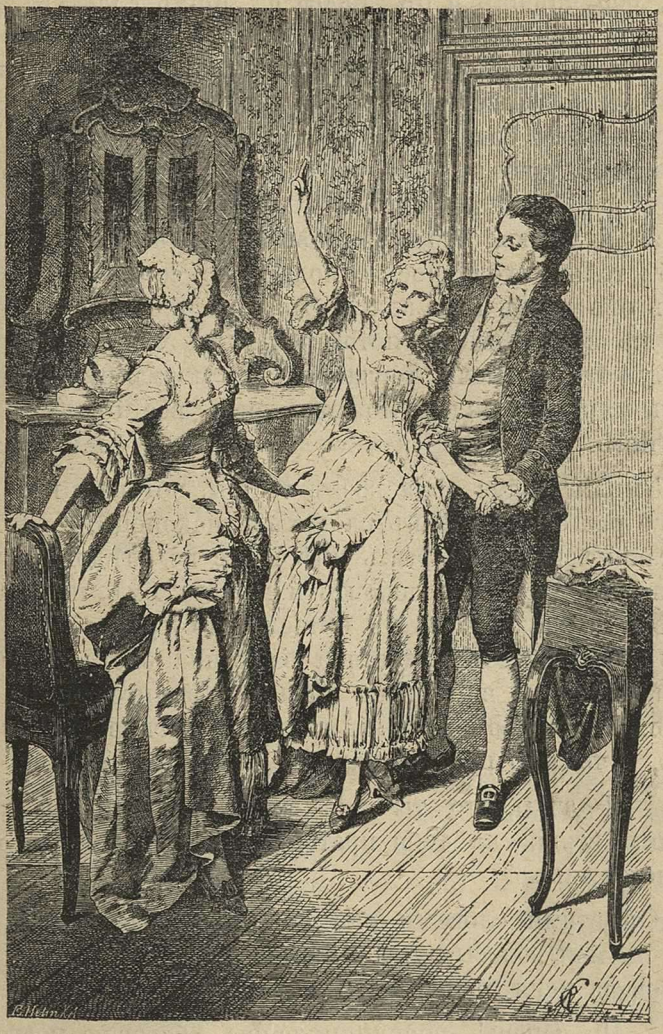
„Въ эту минуту боковая дверь внезапно отворилась и Люцинда вбѣжала въ комнату въ легкомъ, но пристойномъ платьѣ.

„Эмилія выпустила меня изъ рукъ, а Люцинда, напротивъ, за меня ухватилась и крѣпко прижала къ своему сердцу. Черныя ея волосы прильнули къ моему лицу и

Гете въ обществѣ танцмейстера и его дочерей (изъ „Goethes Werke“).

она на нѣсколько минутъ точно замерла въ этомъ положеніи. Такимъ образомъ, я дѣйствительно очутился между двумя сестрами какъ бы въ ловушкѣ, совершенно такъ, какъ за минуту передъ тѣмъ мнѣ предсказывала Эмилія. Наконецъ, Люцинда выпустила меня изъ своихъ рукъ и пристально впилась строгимъ взглядомъ въ мое лицо. Я хотѣлъ ее взять за руку и сказать что либо ласковое, но она оттолкнула меня, прошлась нѣсколько разъ быстрыми шагами по комнатѣ и, наконецъ, бросилась на диванъ, стоявшій въ углу. Эмилія подошла къ ней съ намѣреніемъ ее

успокоить, но встрѣтила самый суровый отпоръ. Тутъ произошла между двумя сестрами сцена, о которой мнѣ до сихъ поръ тяжело вспомнить, хотя въ дѣйствительности въ ней



Проклятіе Люцинды. (изъ „Goethes Werke“).
(Къ стр. 58).

не было ничего театральнаго, и она какъ нельзя больше шла къ молодымъ француженкамъ, но тѣмъ не менѣе хорошо исполнить ее хотя-бы на театрѣ могла бы только опытная актриса.

„Люцинда осыпала сестру тысячами упрековъ.

„— Это не первое сердце,—кричала Люцинда,—которое ты у меня отнимаешь. Не то-ли самое было и съ отсутствующимъ, обручившимся съ тобою на моихъ глазахъ? Я должна была это вынести и вынесла; но знаю лучше тебя, сколькихъ слезъ это мнѣ стоило. Теперь ты отнимаешь у меня и этого, не кончивъ съ первымъ! А сколькихъ не сумѣла ты удержать еще? Я откровенна и добродушна, а потому каждый, узнавъ меня, не считаетъ грѣхомъ отъ меня отступиться. Ты, напротивъ, молчалива и скрытна и потому всѣ думаютъ, что въ тебѣ сидитъ какое-то чудо. Но въ тебѣ только холодное, самолюбивое сердце, требующее жертвъ отъ всѣхъ и каждаго. Этого въ тебѣ, къ несчастію, никто не подозрѣваетъ, потому что ты умѣешь скрывать свои чувства и мысли, тогда какъ въ моемъ вѣрномъ и горячемъ сердцѣ каждый можетъ легко все прочесть, какъ и на лицѣ.

„Эмилія молча сѣла возлѣ сестры, которая все болѣе и болѣе разгорячалась въ словахъ и, наконецъ, стала говорить такія вещи, о которыхъ мнѣ вовсе не слѣдовало знать. Эмилія старалась ее успокоить и между тѣмъ подала мнѣ незамѣтный знакъ, чтобы я вышелъ. Но у ревности и подозрѣнія тысяча глазъ. Люцинда замѣтила знакъ своей сестры и, вскочивъ вдругъ съ дивана, стремительно подошла ко мнѣ. Посмотрѣвъ на меня нѣсколько мгновеній, она, казалось, о чемъ-то раздумывала и, наконецъ, сказала:

„— Я знаю, что ты для меня потерянъ, и потому оставляю всякія на тебя претензіи! Но тебѣ, сестра, онъ не достанется также!

„Съ этими словами она охватила мою голову, опустивъ въ мои волосы руки и нѣсколько разъ крѣпко, горячо поцѣловала меня въ губы.

„— Ну, теперь!—воскликнула она,—берегись моего проклятія! Цѣпь несчастій обрушится на голову той, которая въ первый разъ послѣ меня поцѣлуетъ эти губы. Попробуй-ка теперь соединиться съ нимъ! Я знала, что небо услышитъ меня въ этотъ разъ. А вы бѣгите, бѣгите прочь какъ только можете скорѣе!

„Я бросился съ лѣстницы съ твердымъ рѣшеніемъ, что нога моя не будетъ больше въ этомъ домѣ“...*)

ФРИДЕРИКА БРІОНЪ.

Гете убѣжалъ изъ объятій Люцинды, чтобы попасть... въ объятія Фридерики.

Среди многочисленныхъ романовъ, пережитыхъ великимъ поэтомъ, его романъ съ дочерью зезенгеймскаго пастора Бріона, Фридерикою, заслуживаетъ особаго вниманія. Отъ него вѣетъ свѣжестью и чистотою. Чувствуется дыханіе оживляющаго мая, грезятся цвѣты, деревья, поля и посреди всего этого нѣжный отпрыскъ идиллической деревенской природы—сама шестнадцатилѣтняя, добрая, поэтическая Фридерика, бѣгавшая по этимъ полямъ, укрывавшаяся отъ жары подъ этими деревьями, оглашавшая воздухъ радостными пѣснями среди этихъ цвѣтовъ, которыя она сама насадила.

Въ то время, когда Гете познакомился съ Фридерикою, ему было всего двадцать лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ не можетъ быть еще рѣчи объ истинной, глубокой любви. Но за то какъ сильно и обширно чувство въ эти годы! Все небо и землю, всю вселенную вмѣщаетъ въ себѣ сердце двадцатилѣтняго юноши, когда въ него попадетъ искра божественнаго огня, брошеннаго въ міръ еще въ первые дни міросданія. И такова была любовь Гете къ Фридерикѣ. Послѣ разлуки съ Люцинодою онъ долго не могъ забыть проклятія страстной француженки и избѣгалъ цѣловать дѣвушекъ, боясь, какъ-бы въ самомъ дѣлѣ проклятіе не сбылось. Но, встрѣтивъ Фридерику, онъ не былъ въ силахъ устоять. Гете поѣхалъ въ Зе-

*) „Правда и поэзія моей жизни “, стр. 342 и др. (Изд. Гербеля).

зенгеймъ случайно, не предвидя, что тамъ встрѣтится съ дѣвушкою, которая наложитъ глубокій отпечатокъ на всю его жизнь; тѣмъ болѣе велико было его восхищеніе, когда въ скромной избенкѣ зезенгеймскаго пастора передъ нимъ предстала, сіяя цѣломудренной красотою, еще нетронутая жизнью, еще только шедшая навстрѣчу будущему маленькая Фридерика. Она была въ коротенькой юбкѣ и черномъ фартукѣ; глаза блестѣли, слегка вздернутый носикъ какъ бы спрашивалъ, что это за пришелецъ, пріѣхавшій изъ шумнаго города въ ихъ тихую деревню, гдѣ все мирно и просто, гдѣ люди живутъ жизнью предковъ, отдѣленныхъ отъ нихъ цѣлыми тысячелѣтіями. И пришелецъ ей отвѣтилъ. Но что это былъ за отвѣтъ! Страсть лилась изъ его устъ, вдохновеніе сверкало въ его взорѣ. Малютка оцѣпенѣла. Она впилась глазами въ его великолѣпное лицо, она ловила жаднымъ слухомъ каждое его слово, старалась запомнить каждый его жестъ. Не мудрено: съ нею говорилъ Гете!

Глубокою поэзіею вѣетъ отъ страницъ автобіографіи германскаго олимпійца, на которыхъ, уже старикомъ, онъ вспоминаетъ встрѣчу съ деревенскою дѣвушкою въ домѣ зезенгеймскаго пастора. Гете такъ ее любилъ тогда! Онъ не говорилъ ей объ этомъ, но развѣ не краснорѣчивѣе его словъ былъ молодой пылъ, клокотавшій въ его сердцѣ въ то время, когда онъ находился около Фридерики? Въ первый же день онъ былъ страстно влюбленъ и сердце его тревожно билось при мысли, что она, можетъ быть, любила, можетъ быть даже уже помолвлена. Къ счастію, не оказалось ни того, ни другого. Фридерика, какъ весенній цвѣтокъ, только начинала жить и сама рвалась навстрѣчу тому, кто первый протянетъ къ ней руку...

На слѣдующій день все было рѣшено. Молодые люди гуляли вдвоемъ. Сколько словъ было сказано за эти краткія минуты прогулки! Потомъ они слушали проповѣдь пастора въ церкви. Слышали ли они ее на самомъ дѣлѣ? Не беззвучно-ли замирали для нихъ въ пространствѣ слова священника въ то время, когда ихъ глаза ловили другъ друга, а уста тянулись для поцѣлуя? А потомъ, днемъ, когда маленькое молодое общество у пастора устроило фанты, какъ искренно звенѣли въ воздухѣ ихъ молодые голоса и какъ жадно было прикосновеніе ихъ губъ, освященное игрою, но подогрѣтое

ВЪ СЕМЬѢ ФРИДЕРИКИ БРІОНЪ. (Въ глубинѣ—Гете). **Съ картины КАУЛЬБАХА.**

внутреннимъ пламенемъ! И вдругъ тайный поцѣлуй, настоящій, не чепорный, не формальный, среди разгара игры, втайнѣ отъ молодыхъ подругъ и товарищей... А на слѣдующій

Фридерика Бріонъ (изъ „Goethes Werke)".

день уже отъѣздъ во Франкфуртъ, отъѣздъ почти въ качествѣ жениха, хотя помолвки не было, потому что между первой встрѣчею Гете съ своей возлюбленною и высшимъ моментомъ его любовнаго экстаза прошло всего два дня!

Коня скорѣе! Сердце бьется!
И на конѣ помчался я.
Ужъ ночь на высяхъ горъ снуется,

Въ объятьяхъ вечера земля,
И вѣтви дубъ распростирая,
Какъ исполинъ, во мглѣ стоитъ;
И изъ-за листьевъ мгла густая
Глазами черными глядитъ.

Весь окруженный облаками,
Печальный мѣсяцъ внизъ смотрѣлъ,
И вѣтеръ тихими крылами
Мнѣ въ уши жалобы свистѣлъ;
И стая призраковъ ходила,—
Но чувства веселы мои...
Въ моей груди какая сила!
Какой огонь въ моей крови!

Тебя увидѣлъ я—лилася
Съ глазъ кроткихъ радость на меня,
Съ тобой душа моя слилася,
Тебѣ дыханье отдалъ я.
Въ весеннемъ розовомъ сіяньѣ
Твое лицо; взоръ нѣженъ былъ...
Я могъ желать, изныть въ желаньѣ;
Но чѣмъ я это заслужилъ?

Вотъ солнце. Ахъ, пора съ ночлега!
Тѣснитъ мою разлука грудь.
Въ твоихъ лобзаньяхъ—что за нѣга!
Въ твоихъ глазахъ какая грусть!
Опущенъ взоръ, но за гонимымъ
Онъ поднятъ вновь—его слѣдить...
Какое счастье быть любимымъ!
Какое счастіе любить!*)

Исторія европейской литературы многимъ обязана бѣдной деревенской дѣвушкѣ, внушившей сильное чувство одному изъ величайшихъ ея представителей. Для Гете послѣ встрѣчи съ Фридерикою міръ поистинѣ открылся для любви. Онъ пѣлъ, какъ «птица межъ вѣтвей, вольна и солнцу рада», говоря собственными словами поэта. Значеніе расцвѣта его души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтической его дѣятельности было тѣмъ болѣе велико, что со времени грустной исторіи съ Кетхенъ онъ почти разстался съ своей музою. Фридерика оживила въ немъ стремленіе къ творчеству. Она сама явилась для него музою. И какъ знать? Можетъ быть, не появись она на перекресткѣ двухъ полосъ душевной и умственной жизни великаго поэта, сколько жемчужинъ красоты и вдохновенія такъ-таки остались-бы погребенными въ бездонномъ сердцѣ генія всемірной поэзіи!

Къ несчастію, конецъ романа съ Фридерикою не былъ

*) „Свиданье и Разлука“, пер. М. Каткова.

похожъ на его начало. Гете не смѣлъ жениться на ней, хотя фактически уже считался ея женихомъ. Дочь бѣднаго пастора не могла сдѣлаться женою сына именитаго франкфуртскаго гражданина, который никогда не далъ-бы согласія на такой бракъ. Самъ Гете невольно поддался дурному впечатлѣнію, когда семья пастора пріѣхала въ Страсбургъ. Если въ деревнѣ Фридерика казалась лѣснымъ цвѣткомъ или нимфою, то въ городѣ, гдѣ ей пришлось-бы жить по

Гете въ Зезенгеймѣ въ обществѣ пастора и его семьи.
(изъ „Goethes Werke“).

выходѣ замужъ за Гете, она напоминала простую крестьянку. Уѣзжая изъ Страсбурга, очаровательная дѣвушка увезла съ собою такое же чувство, какое Гете привезъ съ собою изъ Зезенгейма въ Страсбургъ. Онъ продолжалъ ее любить, томился по ней, но ясно сознавалъ, что разлука неизбѣжна. Сознавала это и сама Фридерика, которая въ порывѣ самоотверженія сама постаралась облегчить ему тяжелую задачу. Ни единаго слова укоризны не сорвалось съ ея устъ, когда Гете пріѣхалъ къ ней снова, чтобы проститься навсегда. Она старалась казаться бодрою, утѣшала его, говорила о неизбѣж-

ности разлуки голосомъ, въ которомъ слышались твердая воля и рѣшимость. Однѣ только щеки ея были блѣдны, и въ глазахъ стояли слезы.

Гете долго не могъ забыть идиллiи, пережитой имъ осенью 1770 года, и образъ плѣнительной дѣвушки носился передъ его глазами даже въ минуты измѣны прежнему чувству. Въ 1771 году онъ писалъ:

Съ тѣхъ поръ какъ ты ушла—увы!—и солнце лѣтомъ
Ужъ свѣта не даетъ
И небо, заключивъ союзъ съ твоимъ поэтомъ,
Печально слезы льетъ.

Еще позднѣе, въ 1789 г., онъ писалъ:

Итакъ, съ тобою я въ разлукѣ
И нѣтъ надежды на возвратъ;
Но словъ твоихъ послѣднихъ звуки
Еще въ устахъ моихъ звучатъ.
Какъ взоръ скитальца, тщетно бродитъ
Въ далекой выси голубой,
Гдѣ пѣсню жаворонокъ заводитъ
Незримо надъ его главой,
Такъ я тоскливо устремляю
Взоръ за холмы, за лѣсъ, за лугъ,
И въ пѣсняхъ все къ тебѣ взываю:
„О, возвратись, мой милый другъ!“*)

Фридерика осталась вѣрна Гете до самой смерти: не смотря на многочисленныя предложенiя, она ни за кого не вышла замужъ. Душа ея срослась съ образомъ поэта и не разсталась съ нимъ до самой могилы.

Въ Германiи (даже въ Германiи!) находятся писатели, порицающiе Гете за то, что онъ въ концѣ концовъ отвернулся отъ идеальной дѣвушки. Такъ, Робертъ Пруцъ, одинъ изъ пламенныхъ почитателей поэта, говоритъ: „Гете искупилъ свой несправедливый поступокъ, онъ искупилъ его открытымъ, честнымъ признанiемъ своей вины. Но Немезида не избавила его отъ болѣе жестокаго, практическаго искупленiя: человѣку, которому въ юношеской надменности изъ тщеславiя и слабости не угодно было сдѣлать скромную дочь пастора своею женою, будь противъ этого хотя-бы десять тысячъ отцовъ и десять тысячъ императорскихъ совѣтниковъ,—этому человѣку никогда не была суждена рука благородной, чистой женщины; онъ никогда не зналъ счастья домашняго очага: у него въ домѣ хозяйничала метресса, которой онъ только перомъ, отчасти изъ состраданiя, отчасти со стыда, бросилъ мило-

*) Пер. Ѳ. Миллера.

стыню въ видѣ своего имени, а единственный его сынъ, оставшійся ему отъ этой дикой связи, сынъ, котораго лавры его отца подавили и сдѣлали несчастнымъ, умеръ раньше его, не

Прощаніе Гете и Фридерики. (изъ „Goethes Werke)“.

оставивъ ему, болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтнему старику, ничего кромѣ надежды послѣдовать за нимъ въ скоромъ времени“. (Lewes, 85-86). Но не слѣдуетъ упустить изъ вида,

что романы, подобные роману Фридерики и Гете, были очень часты въ XVIII столѣтіи. Тогда, особенно въ Германіи, молодые люди и дамы, весьма порядочныя, не считали постыднымъ цѣловаться съ молодыми дѣвушками безъ всякихъ мыслей о бракѣ. Атмосфера была такая. Чувствительность царила кругомъ и порождала романы за романами, иногда съ грустнымъ и даже трагическимъ концомъ, но совершенно обыкновенные и естественные съ точки зрѣнія людей того времени. Фридерика явилась только жертвою своего времени. *)

*) Въ свой „Geschichte der deutschen Frauenwelt“ I. Шерръ приводитъ весьма любопытное письмо Каролины Флаксландъ къ ея жениху Гердеру, ярко иллюстрирующее сантиментальный духъ времени. „О, какъ поживаете, милый, сладкій юноша?—писала она въ 1771 году.—Думаете-ли вы еще обо мнѣ? Любите-ли еще меня? О, простите, что я это спрашиваю. Въ вашемъ послѣднемъ божественномъ письмѣ я— „твоя дѣвушка“ и все-таки я должна задать вопросъ. Мнѣ съ нѣкотораго времени такъ много приходится имѣть съ вами дѣло во снѣ и вотъ причина; но это только сонъ, а ты—мой, мой—ахъ! вѣчно мой въ моемъ сердцѣ! Развѣ вы не слышите ничего блуждающаго вокругъ васъ, о милый человѣкъ, а теперь, при лунномъ свѣтѣ, въ которомъ я остаюсь одна при васъ,—развѣ вы ничего, ничего не слышите изъ моихъ мыслей? Развѣ нашъ ангелъ не шумитъ вокругъ васъ, не говоритъ вамъ, что я съ вами? О, симпатія, симпатія!“(т. 2 стр. 278) Впослѣдствіи, когда они женились, жизнь заставляла ихъ не разъ убѣждаться, что представляла на самомъ дѣлѣ эта „симпатія“; но и тогда сантиментальность не покидала ихъ, какъ видно изъ письма Шиллера къ Кернеру отъ 29 августа 1787 г.: „Гердеръ и его жена живутъ въ эгоистическомъ одиночествѣ и составляютъ вмѣстѣ священное двуединство, отъ котораго они держатъ въ сторонѣ всякаго смертнаго. Но такъ какъ оба горды, оба рѣзки, то божественность эта по временамъ сталкивается съ самой собою. Если они въ ссорѣ, то оба живутъ врозь въ своихъ этажахъ, и письма летятъ вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, пока, наконецъ, жена не рѣшится лично явиться въ комнату своего супруга, гдѣ, прочитавъ какое нибудь мѣсто изъ его сочеченій, скажетъ: „Кто это написалъ, тотъ—Богъ, и на него никто не можетъ сердиться“. Послѣ этого побѣжденный Гердеръ бросался ей на шею и ссорѣ наступалъ конецъ“.

ШАРЛОТТА БУФФЪ.

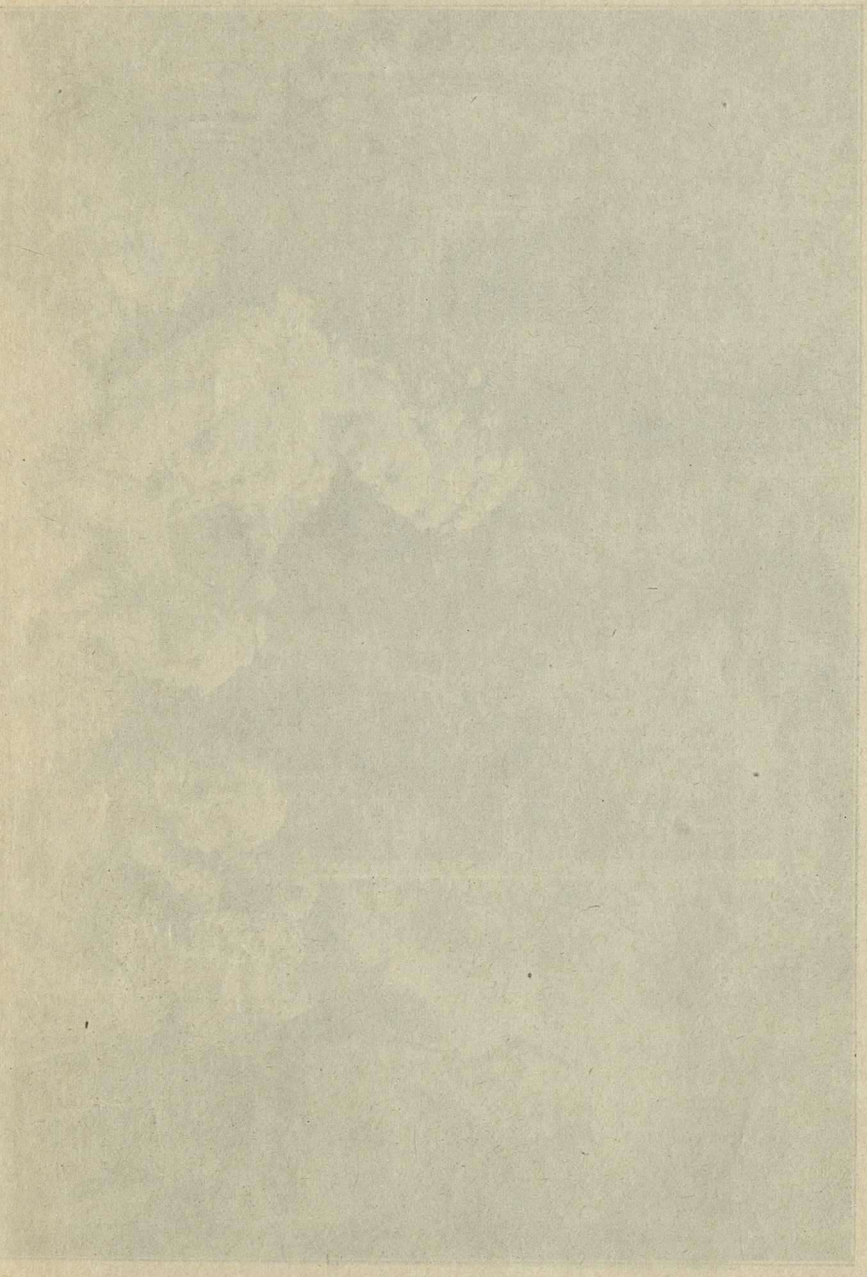
Романъ Гете и Фридерики замѣчателенъ не только какъ любопытный эпизодъ изъ жизни Гете: онъ наглядно свидѣтельствуетъ еще, какъ благотворно вліяютъ женщины на поэтовъ даже въ томъ случаѣ, если отношенія между ними сложились далеко неблагопріятно. Когда Гете встрѣтился съ прелестной дѣвушкою, страсть къ литературѣ, уснувшая въ немъ вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, о которыхъ упомянуто выше, снова пробудилась; когда онъ разстался съ нею подъ вліяніемъ другихъ, столь же несчастно сложившихся обстоятельствъ, творческая дѣятельность его опять забила ключемъ. Счастіе и горе послужили для Гёте одинаковымъ источникомъ вдохновенія. И дѣйствительно, мы видимъ, что, разставшись съ Фридерикою и желая заглушить въ душѣ тяжелыя чувства, онъ усердно занялся работою, написалъ много произведеній, въ томъ числѣ «Геца» (напечатанъ впервые въ 1832 г.), который произвелъ сильное впечатлѣніе и сразу поставилъ автора во главѣ тогдашняго теченія, извѣстнаго въ исторіи литературы подъ именемъ «бури и натиска».

Чтобы понять значеніе Геца для того времени, нужно упомянуть что Вальтеръ-Скоттъ началъ свою карьеру съ перевода этого произведенія, а Шиллеръ впослѣдствіи называлъ „Геца“ поворотнымъ пунктомъ отъ лжи и искуственности, насажденныхъ въ драмѣ ложно-классицизмомъ, къ правдѣ жизни. Тогда же, т. е. въ періодъ разлуки съ Фридерикою,онъ набросилъ планъ «Прометея» и «Фауста», обезсмертившаго его имя. Чтобы забыть образъ любимой дѣвушки, онъ углубился въ изученіе древности, что также отразилось на его прозведеніяхъ. Словомъ, передъ нами яркій примѣръ благодѣтельнаго вліянія женщины, остающагося благодѣтельнымъ даже и тогда, когда отношенія къ ней служатъ только причиною страданій.

То же мы видимъ и на несчастной любви Гёте къ Шарлоттѣ Буффъ (или, какъ онъ ее просто называлъ, Лоттѣ), безъ которой не было-бы одного изъ знаменитѣйшихъ про-

изведеній Гете —«Вертера». Онъ встрѣтился съ нею въ іюнѣ 1772 г., въ то время, когда она была невѣстою другого человѣка, нѣкоего Кестнера, встрѣтился и тотчасъ же полюбилъ, потому что ея девятнатцать лѣтъ вмѣстѣ съ нѣжной красотой и веселымъ характеромъ не могли не приковать къ себѣ поэта, сердце котораго было всегда открыто для молодости и красоты. Въ «Вертерѣ», представляющемъ художественную исторію этой любви, живо описана сцена встрѣчи съ Лоттою, сцена, которая впослѣдствіи была увѣковѣчена на полотнѣ Каульбахомъ. «Пройдя черезъ дворъ къ красивому зданію и взобравшись вверхъ по лѣстницѣ, я отворилъ дверь; моимъ глазамъ представилось самое восхитительное зрѣлище, когда-либо видѣнное мною. Въ первой комнатѣ шестеро дѣтей отъ одиннадцати до двухъ-лѣтняго возраста вертѣлось около красивой, средняго роста дѣвушки, одѣтой въ простенькое бѣлое платье съ розовыми бантами на груди и на рукавахъ. Она держала черный хлѣбъ и отрѣзывала порцію для каждаго изъ окружавшихъ ее малютокъ, сообразуясь съ возрастомъ и аппетитомъ каждаго и подавала съ такою привѣтливостью». Это была картина въ духѣ того сентиментальнаго времени (Гёте встрѣтился съ Лоттою 9 іюня 1772 года) съ его вычурностью, ходульностью и сумасбродствами и, конечно, она не могла не врѣзаться глубоко въ душу поэта, раздѣлявшаго всѣ слабости этого времени.

Началась грустная пора въ жизни Гете. Страстно влюбленный, сгорая желаніемъ сойтись ближе съ очаровательной дочерью совѣтника Буффа, онъ въ то же время сознаетъ, что не долженъ разрушать чужого счастія, основаннаго на согласіи двухъ душъ. Оставалось одно изъ двухъ: или нарушить это счастіе, или же заглушить въ себѣ яркимъ пламенемъ вспыхнувшее чувство. Но послѣдній путь былъ путемъ самоубійства. Жить безъ Лотты Гете не могъ. Можетъ быть, если бы она была такъ же свободна, какъ Фридерика, онъ въ концѣ концовъ отшатнулся бы отъ нея, но препятствіе, которое онъ встрѣчалъ въ лицѣ жениха и самой Лотты, не думавшей, повидимому, отступать отъ даннаго ею слова, только разжигало его страсть и будило въ немъ мысль о необходимости покончить съ собою. Къ этой именно порѣ относится особый интересъ Гете къ вопросу о самоубійствѣ. Онъ самъ былъ на волосокъ отъ смерти, какъ



ВЕРТЕРЪ и ЛОТТА (Гете и Шарлотта Буффъ). **Съ картины КАУЛЬБАХА.** (Къ стр. 68).

это видно изъ его автобіографіи, въ которой Гете разсказываетъ, что у него была въ то время большая коллекція оружія и въ томъ числѣ очень красивый кинжалъ. Ложась спать, онъ клалъ этотъ кинжалъ у постели и передъ тѣмъ, какъ потушить свѣчу, дѣлалъ опыты надъ собою, чтобы

Шарлотта Буффъ, по мужу Кестнеръ.

убѣдиться, сумѣетъ ли онъ его вонзить себѣ въ грудь. Опыты оканчивались неудачно, потому что, дитя своего времени, Гете въ то же время носилъ въ груди закаленное сердце реалиста, умѣющаго оставаться имъ даже въ пору крайняго расцвѣта романтизма. Положительный умъ, Гете

не могъ запустить себѣ въ грудь кинжалъ даже на два дюйма.

Замѣчательная сторона отношеній Гете къ Лоттѣ заключалась въ томъ, что онъ вовсе не скрывалъ отъ жениха Кестнера своихъ отношеній къ ней, и часто самъ женихъ не только не старался удалить его отъ невѣсты, но, наоборотъ, всячески сближалъ ихъ въ твердой увѣренности, что Гете слишкомъ честенъ, а Лотта слишкомъ благородна для низменной роли любовниковъ за спиною жениха. Кестнеръ не ошибался: невѣста его была слишкомъ цѣломудренна, а Гете... старался быть по возможности цѣломудреннымъ. Одинъ только разъ онъ не удержался и въ отсутствіи Кестнера поцѣловалъ Шарлотту. Дѣвушка въ тотъ же вечеръ разсказала все жениху и между друзьями наступило охлажденіе, продолжавшееся, впрочемъ, всего нѣсколько дней, такъ какъ Шарлотта, рѣшивъ, наконецъ, покончить съ ложнымъ положеніемъ, объявила поэту, что онъ можетъ расчитывать только на ея дружбу и больше ни на что. Вольфгангу осталось только уѣхать, что онъ и сдѣлалъ. Онъ не простился даже съ своею возлюбленною и ея женихомъ, послалъ имъ вмѣсто этого записку съ страстными изліяніями, вздохами и слезами и почти тотчасъ же рѣшивъ описать свои душевныя муки.

Плодомъ этого рѣшенія и явился „Вертеръ“. Гете почти не прибавилъ не единаго слова и, съ другой стороны, не упустилъ ничего изъ только-что пережитаго—обстоятельство, которое дало Кестнеру и Лоттѣ, успѣвшимъ къ выходу книги сдѣлаться мужемъ и женою, поводъ къ серьезному недовольству. Одинъ только посторонній элементъ ввелъ Гете въ свой романъ — самоубійство Вертера, въ лицѣ котораго изобразилъ самого себя. Но и этотъ элементъ въ сущности не былъ лишнимъ. Не говоря уже о томъ, что онъ самъ, какъ мы видѣли, былъ близокъ къ самоубійству и даже считалъ себя иногда мертвецомъ, на глазахъ Гете разыгрался случай съ такою же завязкою, какъ и въ его отношеніяхъ къ Лоттѣ, но съ трагическимъ концомъ. Дѣло идетъ о молодомъ и талантливомъ Іерузалемѣ другѣ Лессинга, издавшемъ его философскія статьи. Іерузалемъ влюбился въ чужую жену и, не будучи въ состояніи примирить мечту съ дѣйствительностью, лишилъ себя

жизни выстрѣломъ изъ пистолета. Гете ввелъ въ свой романъ этотъ моментъ, потому что самъ переживалъ такія же чувства, какъ Іерузалемъ, и, покидая любимую женщину навсегда, нѣкоторымъ образомъ совершилъ моральное самоубійство. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ самъ Гете.

Шарлотта Буффъ.

Не будемъ останавливаться долго на вліяніи, которое имѣлъ „Вертеръ“ не только на нѣмецкую литературу, но и на жизнь современнаго германскаго общества. Достаточно упомянуть, что романъ этотъ, съ одной стороны, сразу вы-

звалъ безчисленное множество подражаній, съ другой, послужилъ причиною многихъ самоубійствъ. Всѣмъ вдругъ захотѣлось сдѣлаться Вертерами и, такъ какъ не всѣ могли подняться до высоты его чувствъ, то всѣ стали ему подражать въ самоубійствѣ, что было, конечно, легче. Сантиментальность, и безъ того пустившая глубоко корни въ германскомъ обществѣ того времени, выросла до чудовищныхъ размѣровъ, превратившись для однихъ въ источникъ безпрерывныхъ радостей, для другихъ—въ источникъ безконечныхъ страданій. Даже Лессингъ, другъ и поклонникъ Гете, предчувствуя, сколько бѣдъ натворитъ „Вертеръ“, счелъ необходимымъ, по возможности, заранѣе парализовать его гибельное вліяніе, для чего написалъ романъ подъ заглавіемъ: „Вертеръ лучшій“ (Werther der Bessere); но это не помогло. Въ концѣ концовъ самъ Гете принужденъ былъ въ предисловіи къ своему роману указать, что не слѣдуетъ подражать Вертеру, примѣръ котораго, наоборотъ, доказываетъ, что истинно мужественный человѣкъ никогда не поступилъ бы такъ, какъ поступилъ Вертеръ; но и предисловіе не принесло пользы; чувствительные молодые люди того времени искали страданій и, воображая себя героями несуществующихъ романовъ, томились, мучились и лишали себя жизни. Такова сила генія.

Знала-ли Шарлотта Буффъ, какія гибельныя послѣдствія повлечетъ за собою ея романъ съ великимъ поэтомъ?

Когда Гете разстался съ Шарлоттою, ему и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ съ ней увидѣться когда-либо еще разъ. Но судьба рѣшила иначе. Произошло это черезъ много лѣтъ. Лотта уже была старушка, давно потерявшая мужа, а Гете царилъ въ Веймарѣ, превратившись изъ пылкаго, подвижного молодого человѣка въ суроваго олимпійца, безстрастно озирающаго міръ съ высоты своего величія. Поэтъ принялъ у себя бывшую возлюбленную чинно, важно, какъ это онъ тогда дѣлалъ со всѣми, но съ несомнѣннымъ радушіемъ. Лотта хорошо сохранилась. Отпечатокъ красоты лежалъ на всей ея фигурѣ, въ глазахъ, на щекахъ бывшей красавицы. Одинъ только былъ у нея недостатокъ; она тряслa головой. Когда Лотта ушла, Гете не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Въ ней еще многое осталось отъ прежней Лотты, но

это трясеніе головой! И ее я такъ страстно могъ любить когда-то! И изъ-за нея я въ отчаяніи бѣгалъ въ костюмѣ Вертера! Непостижимо, непонятно...

АНТУАНЕТА ГЕРОКЪ.

„Вертеръ“ навсегда останется связаннымъ съ именемъ Лотты, какъ связаны прочія произведенія Гете съ именами другихъ женщинъ, встрѣтившихся ему на жизненномъ пути. У Гете нѣтъ почти ни одного романа, ни одной драмы и даже ни одного стихотворенія, которые не носили-бы на себѣ печати вліянія женскаго элемента, которые не представляли бы памятника не только его творческой дѣятельности, но и сердечныхъ слабостей, и вполнѣ правы біографы великаго поэта, утверждающіе, что „жизнь и сочиненія Гете, который самъ неоднократно называлъ свои произведенія только отрывками большой исповѣди, находятся въ неразрывной связи, взаимно объясняя другъ друга, и только совокупное ихъ изученіе даетъ намъ возможность оцѣнить по достоинству его величіе и послѣдовательность его, какъ человѣка и какъ писателя“*).

Чтобы не терять хронологической нити событій, остановимся прежде всего на трагедіи «Клавиго». Читая это произведеніе, въ которомъ описано истинное происшествіе съ Бомарше (писатель Клавиго отказался отъ женитьбы на сестрѣ Бомарше, за что послѣдній отомстилъ ему, добив-

*) Проф. Ф. Фохтъ и М. Кохъ: „Исторія нѣмецкой литературы“. Пер. А. Погодина, 1901 г., стр. 595.

шись его удаленія отъ должности), не всякій знаетъ, что оно никогда не появилось бы на свѣтъ, если бы не прекрасная Герокъ, одна изъ подругъ сестры Гете. Въ веселомъ кружкѣ, въ которомъ тогда вращался молодой поэтъ, была выдумана игра въ мужья и жены, при чемъ жены выбирались по жребію. Благодаря жребію, „женою“ Гете сдѣлалась молоденькая Герокъ. Однажды, когда Гете прочиталъ въ кружкѣ записку Бомарше, въ которой авторъ «Свадьбы Фигаро» описывалъ упомянутое событіе изъ своей жизни, Антуанета сказала ему:

— Если бы я была твоею повелительницею, а не женою, то попросила бы тебя сдѣлать изъ этого мемуара театральную пьесу. Сюжетъ очень хорошій.

— Можно быть повелительницею и женою въ одно и то же время,—отвѣтилъ Гете,—и чтобы доказать тебѣ, что это такъ, я обѣщаю написать въ теченіе недѣли театральную пьесу на этотъ сюжетъ и прочесть ее въ обществѣ.

Всѣ удивились смѣлости поэта, но онъ рѣшилъ исполнить обѣщаніе. «То, что въ подобной работѣ,—говоритъ Гете,—называется творчествомъ, было для меня дѣломъ одной минуты. Молча сопровождалъ я домой мою супругу. На вопросъ, почему я такъ молчаливъ, я отвѣчалъ, что думаю о пьесѣ и уже наполовину обдумалъ; я хотѣлъ ей этимъ показать мою готовность сдѣлать ей пріятное. Въ отвѣтъ на это она крѣпко пожала мнѣ руку, и я поймалъ на лету поцѣлуй».

— Ты не долженъ забывать своей роли!—воскликнула она.—Люди говорятъ, что супругамъ не идетъ быть нѣжными.

— Пусть себѣ люди говорятъ, что хотятъ,—отвѣчалъ Гете,—мы будемъ поступать по своему.

Гете исполнилъ обѣщаніе: пьеса была написана къ сроку. Всѣ знаютъ трагедію; но знаютъ ли всѣ хорошенькую Антуанету, которою она была навѣяна?

ЛИЛИ ШЕНЕМАНЪ.

За то имя Лили на устахъ у всякаго, кто читаетъ знаменитую элегію Гете, носящую ея имя: „Паркъ Лили“. Этой дѣвушкѣ, заслуживающей особеннаго вниманія въ виду того, что она была невѣстою Гете и едва не сдѣлалась его женою, поэтъ посвятилъ много стихотвореній, изъ которыхъ назовемъ хотя бы: „Уныніе“, „Блаженство унынія“, „На морѣ“, „Осеннее чувство“, „Къ Линѣ“, „Къ Белиндѣ“ и т. д. Не мало поэтическихъ перловъ разсыпано въ этихъ стихотвореніяхъ; но ни въ одномъ изъ нихъ Гете не достигъ той глубины чувства и своеобразной граціозности формы, которыя замѣчаются въ его «Lili's Park». Чтобы дать понятіе о нихъ, слѣдовало бы привести все стихотвореніе (оно, кстати, переведено Вейнбергомъ съ сохраненіемъ оригинальнаго характера подлинника — безъ размѣра, въ лирическомъ безпорядкѣ); но оно слишкомъ длинно. Укажемъ только, что поэтъ изображаетъ себя

медвѣдемъ, намекая этимъ на нелюдимость, въ которой упрекали его друзья и пріятели. У Лили, по его словамъ, звѣринецъ съ чудеснѣйшими звѣрями, т. е. ухаживателями, и среди нихъ онъ—медвѣдь, неуклюжій, неповоротливый, но любящій, и она даритъ его своими ласками, отъ которыхъ кружится его медвѣжья голова...

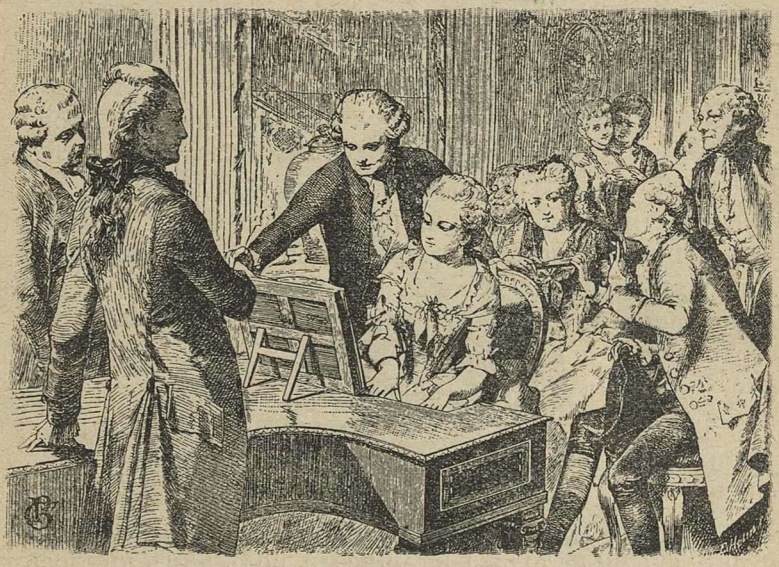
Сравненіе вѣрное. Лили или, вѣрнѣе, Елизавета Шенеманъ, съ которою Гете увидѣлся въ 1774 году, дѣйствительно, не была парою живому, но задумчивому и высокопарящему поэту. Богатая, веселая, легкомысленная, жившая всегда въ роскоши, окруженная свѣтскими людьми, постоянно вращавшаяся въ высшемъ обществѣ и преданная его удовольствіямъ, она представляла нѣчто столь противоположное великому поэту, что даже ближайшіе друзья и пріятели не могли думать о возможности брака между ними. Онъ самъ писалъ о себѣ въ это время одной знакомой: „Представьте себѣ, если можете: Гете въ галунахъ, франтъ съ головы до ногъ, среди блеска свѣчъ и люстръ, въ шумномъ обществѣ, прикованный къ карточному столу парой прекрасныхъ глазъ, разсѣянно рыскающій по собраніямъ, концертамъ, баламъ съ легкомысленной вѣтренностью волочащійся за привлекательной блондинкой,—таковъ теперешній карнавальный Гете!“.

Гете познакомился съ Елизаветою Шенеманъ въ домѣ ея матери вдовы банкира Шенемана во Франкфуртѣ. Когда онъ входилъ въ музыкальный залъ, шестнадцатилѣтняя Лили сидѣла за роялемъ и играла сонату. Когда она кончила, Гете отрекомендовался ей и знакомство завязалось. „Мы взглянули другъ на друга,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—и, не хочу лгать, мнѣ показалось, что я почувствовалъ притягательную силу самаго пріятнаго свойства“. Для пылкаго Гете этой встрѣчи было достаточно, и онъ тотчасъ же написалъ стихотвореніе, въ которомъ излилъ свои чувства.

Сердце, сердце, что съ тобою?
Что смутило глубь твою?
Жизнью ты живешь иною...
Я тебя не узнаю!
Мимо все, что ты любило;
Мимо, что тебя томило,—
И забота, и покой.
Что же сдѣлалось съ тобой?
Или этотъ образъ милый

Оковалъ мечты твои?
Иль въ тебѣ не стало силы
Презрѣть этотъ взоръ любви? *)

Лили быстро привязала къ себѣ Гете, этого неуклюжаго медвѣдя, какимъ онъ себя изобразилъ въ стихотвореніи «Паркъ Лили», и онъ былъ дѣйствительно счастливъ, когда она удостоивала его ласкою. Вотъ какъ онъ описываетъ въ своемъ стихотвореніи „Паркъ Лили“ чувства «медвѣдя», лежащаго «у ногъ красоты»;



Первая встрѣча Гете съ Лили (изъ „Goethes Werke“).

Глядитъ она: „Вотъ-то чудище! Но смѣшной!“
И съ любопытствомъ занялася мной—
„Для лѣсного медвѣдя слишкомъ кротокъ ужъ,
Для пуделя слишкомъ неуклюжъ...
Жирный какой, мохнатый,
Щетинистый, узловатый!“
Гладитъ она его ножкой по спинѣ—
Мнится ему, что онъ въ райской странѣ,
Заходили въ немъ всѣ чувства и души и тѣла,
А ей до того никакого дѣла...
Цѣлую я ея башмачки,
Жую я у нихъ каблучки,
Настолько прилично и осторожно,
Насколько это медвѣдю возможно.

*) Пер. М. Михайлова.

Тихонечко послѣ приподнимусь
И къ колѣнямъ ея чуть слышно прижмусь...
Когда ей самой пріятна забава эта,
Въ вольностяхъ такихъ нѣтъ мнѣ запрета.
Ласково у меня за ухомъ чешетъ
Или пинкомъ дружелюбнымъ потѣшитъ,—
И я мурлыкаю, тронутый весь, умиленный
Точно въ блаженствѣ новорожденный... *)

Кокетливой Лили нравился Гете. Въ минуту увлеченія она разсказала ему исторію своей жизни, жаловалась на ея пустоту, говорила, что только хотѣла испытать свою власть надъ Гете, но сама попалась въ сѣти. Молодые люди объяснились, и дѣло кончилось бы, вѣроятно, бракомъ, если бы не разница въ общественномъ положеніи, совершенно разъединявшемъ семьи стараго совѣтника Гете и вдовы банкира Шенемана. Зная педантичность отца, Корнелія, сестра Гете, рѣшительно выступила противъ этого брака. Возставали и другіе, въ томъ числѣ и родственники Лили, особенно мать, которая желала видѣть свою дочь замужемъ непремѣнно за богатымъ человѣкомъ; но Гете не слушалъ. Нѣкая дѣвица Дельфъ взяла на себя трудную задачу устроить дѣло. Однажды она сообщила влюбленнымъ, что родители согласились, и полуповелительнымъ голосомъ велѣла подать другъ другу руку. Гете подошелъ къ Лили и протянулъ ей руку. Она медленно, но твердо подняла свою и положила въ его руку, послѣ чего оба «съ глубокимъ вздохомъ» бросились другъ другу въ объятія. Послѣ этого состоялось обрученіе. Но бракъ всетаки разстроился, такъ какъ согласіе родителей было только внѣшнее и подъ нимъ крылось глухое, непримиримое взаимное недовольство. Къ этому присоединилась еще поѣздка Гете въ Швейцарію, которою друзья Лили воспользовались для того, чтобы увѣрить ее въ холодныхъ чувствахъ жениха. Въ концѣ концовъ пришлось преклониться предъ невозможностью примирить непримиримое: молодые люди разстались.

Не мало повліяло на рѣшеніе Гете еще легкомысліе

*) Впослѣдствіи, на старости лѣтъ, Гете признался, что стихотвореніе это было имъ написано въ минуту разочарованія, и не отражало того „нѣжно-трогательнаго состоянія“, въ которомъ онъ тогда находился. „Я, говоритъ онъ, хотѣлъ изобразить въ немъ совершенную его противоположность, выставить помощью ряда комическихъ картинъ, какъ слѣдуетъ умѣть отрекаться въ минуты горя и отчаянія“. („Правда и поэзія“, стр. 665).

Лили. Въ исповѣди онъ говоритъ по этому поводу: „Но что случилось! Въ городѣ наступило время ярмарки, а вмѣстѣ съ тѣмъ вынырнули на свѣтъ Божій и старые призраки. Явились домашніе друзья стариннаго торговаго дома, при чемъ оказалось, что почти каждый считаетъ себя вправѣ напомнить хорошенькой дочкѣ о прошлыхъ претензіяхъ на ея взаимность. Молодежь, хотя и вела себя сдержанно, но

Гете у ногъ Лили.
(Изъ собранія Лафатера).

по всему было видно, что все это были также интимные знакомые.. Люди среднихъ лѣтъ держали себя еще съ большимъ достоинствомъ, которое, однако, такъ и говорило, что заставить себя полюбить имъ, по ихъ мнѣнію, ровно ничего не стоитъ и что, если они выступятъ впередъ, то съ болѣе серьезными притязаніями“.

Гете долго тосковалъ по возлюбленной дѣвушкѣ. Онъ ревновалъ ее. Особенно мучила его лекомысленность Лили,

позволявшей ухаживателямъ цѣловаться открыто при всѣхъ. Гете ревновалъ и ревностью еще болѣе разжигалъ свое чувство, простаивалъ ночи подъ ея окномъ, завернувшись въ плащъ, и возвращался, довольный, когда ему случалось увидать въ окнахъ ея тѣнь. Однажды въ одну такую ночь онъ услыхалъ, что она поетъ за фортепіано. Сердце его забилось. Онъ сталъ прислушиваться... да, она поетъ его пѣсню, которая была имъ написана еще во дни любви и въ которой онъ упрекаетъ возлюбленную за то, что она влечетъ его въ блестящій свѣтъ. Вдругъ она умолкла, встала изъ-за фортепіано и стала ходить по комнатѣ. А Гете стоялъ подъ окномъ и млѣлъ, и трепеталъ, и томился...

Къ этому времени относится слѣдующее стихотвореніе Гете:

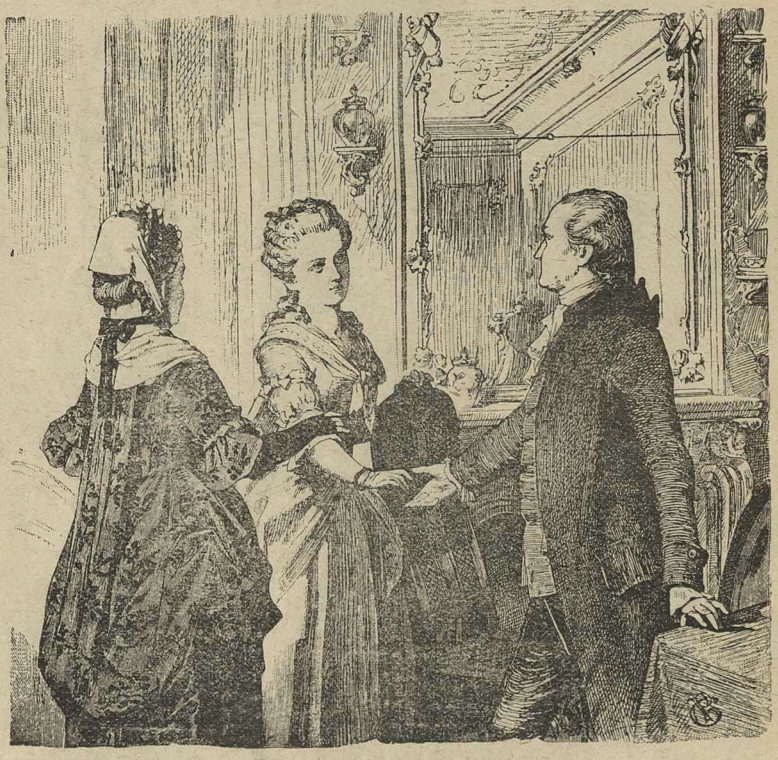
Розы, розы! Вы увяли!
Не носить васъ больше ей!
Воскресите отъ печали
Хоть меня съ тоской моей.
Вспоминаю я мгновенья,
Что я съ нею проводилъ,
Какъ съ разсвѣтомъ я въ волненьи
Въ садъ нарвать цвѣтовъ спѣшилъ,
Какъ букеты розъ прелестныхъ
Я къ ногамъ прелестной клалъ
И въ чертахъ ея небесныхъ
Счастье я свое читалъ.
Розы, розы! Вы увяли!
Не носить васъ больше ей!
Воскресите отъ печали
Хоть меня съ тоской моей!

Когда разстроился бракъ Гете съ Лили, мать молодой дѣвушки поспѣшила уговорить ее, чтобы она вышла за богатаго молодого жителя Страсбурга, нѣкоего Бернарда, приходившагося имъ родственникомъ. Лили согласилась. Однако, вскорѣ послѣ помолвки ее ждало разочарованіе: женихъ потерялъ все свое состояніе и бѣжалъ въ Америку. Несчастіе было тѣмъ болѣе велико, что вмѣстѣ со своимъ Бернардъ погубилъ также и состояніе самой Лили. Случай, однако, спасъ молодую избалованную дѣвушку, путь которой судьба неожиданно устлала шипами вмѣсто розъ, упоминаемыхъ въ приведенномъ стихотвореніи Гете: она вышла за страсбурскаго банкира, а Гете, уѣзжая въ Италію, писалъ въ своей записной книжкѣ: „Лили, прощай! Во второй разъ, Лили! Разставаясь въ первый разъ, я еще надѣялся соединить нашу судьбу. Теперь же рѣшено: мы

Гете въ домѣ Лили

должны порознь разыграть наши роли. Я не боюсь ни за себя, ни за тебя. Такъ все это кажется перепутаннымъ. Прощай".

А когда черезъ нѣсколько лѣтъ онъ посѣтилъ свою бывшую франкфуртскую невѣсту, прежнія чувства его къ ней совершенно умолкли и онъ пишетъ: «Я прошелъ къ Лили и засталъ прекрасную мартышку, играющую съ семине-



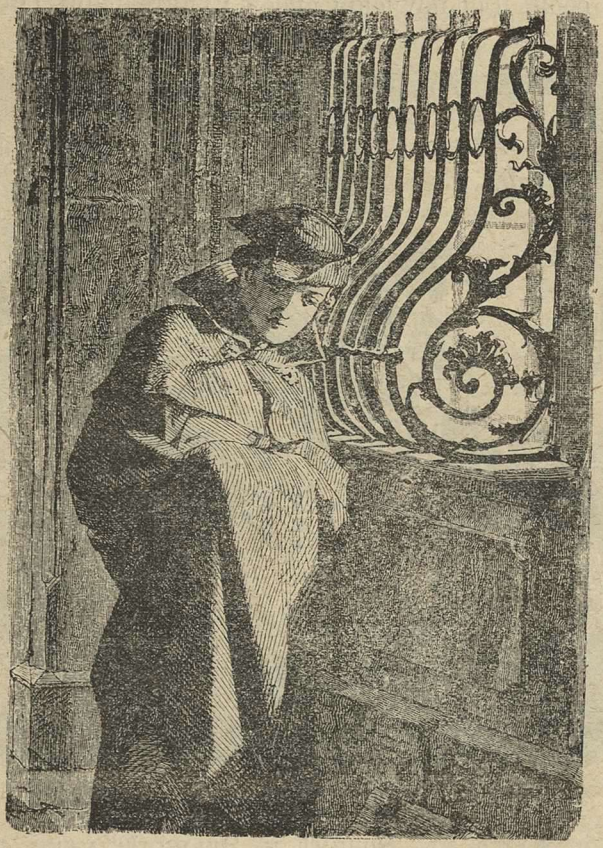
Гете объясняется Лили въ любви (Изъ „Goethes Werke")

дѣльною куклою. И здѣсь я былъ принятъ съ восторгомъ и радушіемъ. Я нашелъ, что милое созданіе очень счастливо замужемъ. Ея мужъ, повидимому, честенъ, не глупъ и дѣленъ; онъ богатъ, имѣетъ прекрасный домъ, важный бюргерскій чинъ и т. п.—все, что ей нужно».

Крылатый Пегасъ не могъ идти въ одной запряжкѣ съ выѣздною лошадью.

Впрочемъ, мѣщанское счастіе Лили продолжалось не-

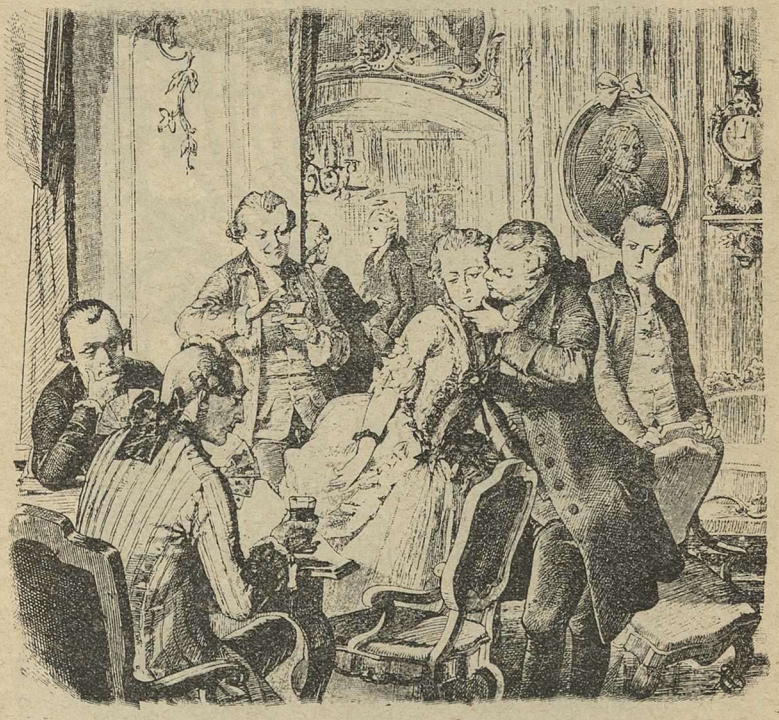
долго. Во время бурь французской революціи ея мужъ принужденъ былъ бѣжать изъ Страсбурга во Франкфуртъ отъ гильотины. Бѣжала также и Лили, переодѣвшись крестьянкою и ведя обоихъ старшихъ дѣтей за руки, а младшаго неся въ корзинѣ на спинѣ. Въ пути она встрѣтилась съ нѣсколькими прусскими офицерами, которые, узнавъ въ



Гете у окна Лили (Изъ „Gaethes Werke“) (къ стр. 80)

ней знатную даму, дали ей дрожки. Потомъ она поселилась вмѣстѣ съ мужемъ въ Эрлангенѣ, гдѣ ихъ ждали всевозможныя лишенія. Бывшій банкиръ давалъ уроки. Впослѣдствіи, когда кончились ужасы французской революціи, мужъ Лили вернулся въ Страсбургъ, гдѣ дѣла его опять пошли хорошо и они снова зажили прежней, полной довольства, веселой, мѣщанской жизнью.

Лили Шенеманъ умерла 6 мая 1817 г., но въ произведеніяхъ Гете она живетъ до сихъ поръ. „Если въ началѣ, говоритъ К. Фохтъ *), поэтъ выражалъ искренній восторгъ по поводу „Новой любви, новой жизни“, то вскорѣ онъ въ стихотвореніи: „An Belinden“ говоритъ уже о томъ, что любимая дѣвушка вертитъ имъ такъ, что онъ почти не узнаетъ самого себя. Для поученія своей мучительницы Гете нагляд-



Гете ревнуетъ Лили (къ стр. 89)

но изображаетъ въ „Эрвинѣ и Эльмирѣ“ муки раскаянія, ожидающія гордую дѣвушку, которая своими капризами обратила въ бѣгство своего вѣрнаго поклонника. Гете прославляетъ юную красоту, любовь и доброту ангела въ „Клавдинѣ изъ виллы Велла“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предостерегаетъ свою горячо любимую фею въ „Паркѣ Лили“ отъ чрезмѣрнаго довѣрія къ снисходительности лежащаго у ея

*) Исторія нѣмецкой литературы стр. 597.

ногъ укрощеннаго медвѣдя: этотъ медвѣдь еще чувствуетъ въ себѣ достаточно силы и можетъ двигать своими членами. Двадцать лѣтъ спустя, послѣ того какъ Лили, будучи уже г-жей фонъ-Тюрклеймъ, проявила настоящій героизмъ во время бѣгства ея семьи отъ Штрасбурскаго революціоннаго трибунала, она съ благодарностью вспоминала о Гете, какъ о создателѣ всего ея нравственнаго существа, о незабвенномъ другѣ, которому она обязана всѣмъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Съ другой стороны, и Гете еще въ 1830 году заявилъ, что никого не любилъ онъ такою глубокою и истинною любовью, какъ прелестную Лили. Еще въ первое время пребыванія Гете въ Веймарѣ ясный, чудный образъ дѣвушки, отъ которой онъ долженъ былъ отказаться, постоянно носился передъ нимъ, когда онъ бродилъ по полямъ и лугамъ („Вечерняя пѣснь охотника“), точно также, какъ этотъ образъ заставлялъ его вспоминать про минувшія радости и на покрытыхъ снѣгомъ высокихъ вершинахъ Готарда, среди свѣтлыхъ облаковъ („Золотому сердцу“).

ШАРЛОТТА ФОНЪ-ШТЕЙНЪ.

Но вотъ началась въ жизни Гете блестящая пора— пора пребыванія въ Веймарѣ, куда онъ поѣхалъ 7 ноября 1775 года, чтобы поступить на государственную службу, и гдѣ расцвѣлъ во всей своей яркости могучій поэтическій талантъ поэта. Его ждали тамъ слава, общее поклоненіе, милости двора, богатство.

Ждала также и Шарлотта фонъ-Штейнъ, жена веймарскаго гофшталмейстера. Портретъ ея Гете увидѣлъ еще проѣздомъ черезъ Страсбургъ и тогда же записалъ: „Очень интересно было-бы видѣть, какъ отражается въ этой душѣ міръ. Она должна видѣть свѣтъ, какъ онъ есть, но видѣть его сквозь призму любви. Поэтому, общее выраженіе этого лица кротость.“ А черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Вей-

маръ онъ уже состоялъ въ перепискѣ съ нею и называлъ прекраснѣйшею изъ женщинъ.

Эта новая любовь отразилась особенно благопріятно на творчествѣ поэта и была замѣчательна въ томъ отношеніи, что стояла какъ бы въ сторонѣ отъ прочихъ увлеченій, отличаясь отъ нихъ, какъ глубиною страсти, такъ и положеніемъ дѣйствующихъ лицъ. До встрѣчи съ г-жею фонъ-Штейнъ героинями романовъ, пережитыхъ Гете, были молодыя дѣвушки въ завѣтномъ возрастѣ 16—18 лѣтъ, и любовь ихъ, вслѣдствіе этого, носила характеръ перваго неопытнаго лепета только начинающей пробуждаться страсти. Не то Шарлотта фонъ-Штейнъ, съ которою Гете познакомился въ 1775 году и полюбилъ до того сильно, что чувствъ его хватило на цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ. Ей было 33 года! Къ тому же она была замужемъ за оберштальмейстеромъ веймарскаго двора и ее окружали семеро дѣтей малъ-мала-меньше. Правда, она была очень образована, тактична, умна; но все-таки 33 года, мужъ, дѣти, и при-томъ въ то время, когда Гете было всего 26 лѣтъ! Несомнѣнно, тутъ должно было сыграть роль какое-нибудь исключительное обстоятельство—случайность, тоска, одиночество, беззавѣтное стремленіе забыть и забыться. Тосковалъ-ли Гете? Былъ-ли онъ одинокъ въ маленькомъ, но веселомъ Веймарѣ, гдѣ онъ очутился послѣ Франкфурта и гдѣ новыя обязанности придворнаго сильно тяготили геній великаго человѣка, мѣшая свободному полету его фантазіи? До встрѣчи съ Шарлоттою Гете несомнѣнно считалъ себя несчастнымъ. Ни одной еще удачной любви! Ни одного жизнерадостнаго воспоминанія въ прошломъ! Образы Кетхенъ, Фридерики, Лили, Люцинды—все это постоянно носилось передъ его большими глазами, открыто смотрѣвшими на Божій міръ, и умъ невольно диктовалъ грустныя строки, вложенныя потомъ въ уста Фауста:

Бѣглецъ я жалкій, мнѣ чужда отрада,
Пристанище мнѣ чуждо и покой *).

И вотъ онъ встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути уже немолодую, но прелестную, умную, восторженую женщину, которая прислушивается къ голосу его тайныхъ

*) Пер. Холодковскаго.

скорбей и льетъ на его душевныя раны бальзамъ женскаго обаянія и самоотверженности. Нужно-ли прибавлять, что онъ влюбился? Онъ влюбился еще до того, какъ познакомился съ нею. Наслушавшись отъ одного изъ своихъ знакомыхъ

Шарлотта фонъ-Штейнъ.
Съ портрета, рисованнаго самой Шарлоттою между двумя зеркалами.

разсказовъ о ней, онъ не спалъ три ночи. Въ то же время и Шарлотта почувствовала къ нему влеченіе по однимъ разсказамъ. Наконецъ, они встрѣчаются. Восторгъ взаимный. Она утѣшаетъ его, успокаиваетъ, даетъ надежду на возможность новаго счастія. Для пылкаго Гете это больше,

чѣмъ нужно. Онъ опять увлекается, опять любитъ, опять оживаетъ душою и въ порывѣ увлеченія пишетъ знаменитую „Ифигенію“, въ которой описываетъ свое чувство въ неувядаемыхъ краскахъ—новое чувство стремленія въ Италію, подальше отъ холодной, душной Германіи, стремленія туда, „гдѣ цвѣтутъ лимоны“, гдѣ можно обрѣсти истинное, ничѣмъ не смущаемое счастіе. Вѣдь и Ифигенія тосковала по Греціи. Она такъ же томилась, какъ и Гете, такъ же рвалась изъ Скиѳскаго царства, какъ онъ изъ своего бездушнаго отечества—Германіи. Правда, Шарлотта была въ Германіи, а не въ Италіи; но она послужила для него только солнцемъ, которое, взойдя надъ грустною пустынею, освѣтило дорогу въ страну вѣчной весны, въ страну красокъ, цвѣтовъ, сладкихъ звуковъ и молитвъ.

Лида, кого полюбить одного лишь могло твое сердце,
Хочешь присвоить себѣ ты вполнѣ и по праву!
Но онъ и такъ твой вполнѣ, нераздѣльно и свято!
Милая, знай: мнѣ вдали отъ тебя все движенье
Шумное быстро стремительной жизни
Кажется легкой тафтой, сквозь которую я
Вижу твой ликъ непрестанно—и свѣтитъ
Мнѣ онъ, привѣтливо вѣрный, какъ вѣчныя звѣзды,
Ярко горящія радужнымъ блескомъ изъ мрака. *)

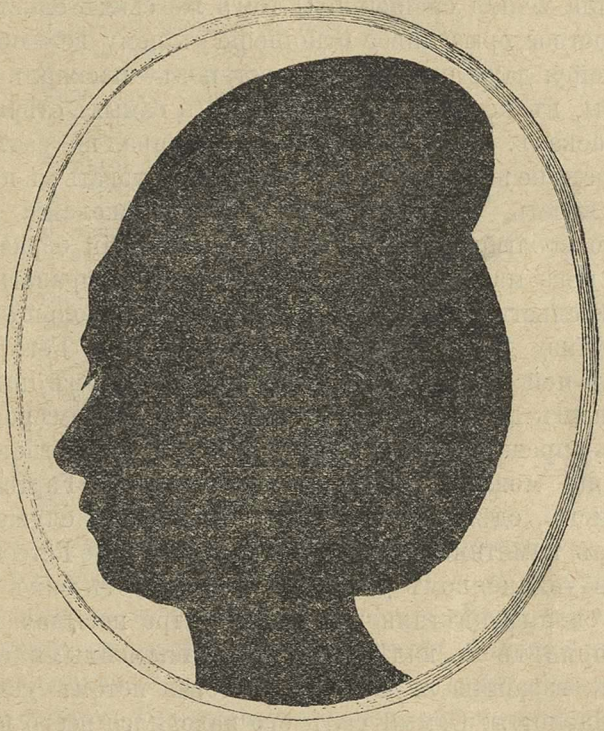
Какъ ни ложно было положеніе, созданное любовью замужней женщины къ Гете, но оно, повидимому, не вліяло ни на отношенія между влюбленными, которые свободно, открыто, „геніально“ любили другъ друга, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ, ни на творчество поэта, продолжавшее попрежнему быть пламеннымъ и величественнымъ. Къ этой порѣ относятся „Ифигенія“, „Вильгельмъ Мейстеръ“, „Братъ и сестра“, „Торжество чувствительности“, замѣчательная въ томъ отношеніи, что Гете издѣвается въ немъ надъ вертеровщиною, имъ же самимъ созданною, и множество мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ знаменитый „Лѣсной царь“ и лучшее изъ лирическихъ стихотвореній Гете „Горныя вершины“, столь образцово переведенное Лермонтовымъ.

Кстати объ этомъ стихотвореніи: въ немъ не упоминается имя какой либо женщины; но достовѣрно извѣстно, что оно написано подъ впечатлѣніемъ бурь мучительнаго романа съ Шарлоттою фонъ-Штейнъ.

*) Пер. Н. Гербеля.

Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы,—
Погоди немного,
Отдохнешь и ты.

Очевидно, безпокойному, бурному, вѣчно вдохновенному Гете также хотѣлось иногда отдохнуть и забыться. Это стихотвореніе было написано поэтомъ на деревянномъ ставнѣ герцогскаго лѣтняго домика въ Ильменау. Черезъ 48 лѣтъ



Силуэтъ Шарлотты Штейнъ.
(изъ „Physiognomische Versuche“ Лафатера).

онъ пріѣхалъ на то же мѣсто и, прочитавъ стихи на ставнѣ, вспомилъ прошлое и заплакалъ. „Да,—сказалъ онъ сквозь слезы, намекая, повидимому, на свой возрастъ,—подожди немного, скоро отдохнешь и ты!“

Если вѣрить нѣкоторымъ біографамъ Гете, любовь его къ г-жѣ фонъ-Штейнъ была платоническая, какъ и всѣ его предшествовавшія любовныя исторіи: оба они будто бы обмѣнивались страстными признаніями, писали другъ другу пламенныя письма во время разлуки, но никогда не захо-

дили за черту дозволеннаго, хотя мужъ Шарлотты бывалъ дома всего разъ въ недѣлю. Впрочемъ, признать этотъ фактъ безусловно вѣрнымъ, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе біографы Гете, нельзя, такъ какъ противъ него говоритъ весьма вѣское обстоятельство: когда Гете сошелся съ Христиною Вульпіусъ, своей будущей женой, Шарлотта воспылала гнѣвомъ и, вытребовавъ назадъ свои письма, сожгла ихъ, а съ Гете прекратила всякія сношенія. О томъ же свидѣтельствуетъ и злое, черствое, брюзгливое отношеніе къ нему возлюбленной, рѣшившейся даже на гнусный поступокъ—пасквиль въ формѣ драмы, въ которой Гете описанъ въ самыхъ отвратительныхъ краскахъ. Какъ ни любила женщина, но разъ грань стыдливости не нарушена, измѣна можетъ вызвать въ ней негодованіе, ярость, презрѣніе, но не подлое желаніе сорвать съ своего возлюбленнаго чистый человѣческій образъ и надѣть на него маску душевной пустоты и безнравственности. По свидѣтельству Брандеса, подвергшаго довольно подробному анализу драму Шарлотты фонъ-Штейнъ, Гёте выставляется въ ней глупѣйшимъ хвастуномъ, грубымъ циникомъ, тщеславнымъ до смѣшного, вѣроломнымъ, лицемѣромъ, безбожнымъ предателемъ... Между тѣмъ путешественникъ и теперь еще можетъ встрѣтить въ Веймарѣ «Гартенгаузъ» съ надписью, сдѣланною въ честь Шарлотты и служащею до сихъ поръ памятникомъ часовъ любви, которые Гёте провелъ въ этомъ уединенномъ уголкѣ. Великій поэтъ самъ ухаживалъ за своимъ цвѣтникомъ, каждое утро посылая возлюбленной привѣтъ въ видѣ цвѣтовъ съ пламенными записками, самъ взращивалъ спаржу, которая потомъ услаждала вкусъ Шарлотты. Самый садъ его находился всего въ двадцати минутахъ ходьбы отъ дома, въ которомъ жила Шарлотта. Этотъ домъ часто скрывалъ въ себѣ двухъ любящихъ существъ, наслаждавшихся счастіемъ безъ всякой помѣхи, потому что мужъ Шарлотты пріѣзжалъ только разъ въ недѣлю.

Невольно возникаетъ сомнѣніе въ справедливости доводовъ, приводимыхъ соотечественниками Гете, по справедливому мнѣнію которыхъ сожительство съ чужою женою ничего не можетъ прибавить къ славѣ великаго человѣка. Самъ поэтъ невольно выдалъ тайну своихъ отношеній къ Шарлоттѣ въ стихотвореніи „Кубокъ“, написанномъ въ под-

ражаніе Анакреону съ удивительнымъ даже для Гете искусствомъ.

Полный кубокъ съ чудною рѣзьбою
Я держалъ обѣими руками—
И вино сладчайшее пилъ жадно,
Чтобы съ нимъ пропить печаль и злобу.
Тутъ вошелъ ко мнѣ Амуръ и, глядя
На меня, онъ скромно улыбнулся,
О глупцѣ какъ будто сожалѣя:
„Другъ, сосудъ я знаю покрасивѣй;
Душу всю вложить въ него не жалко.
Что ты дашь, коли его тебѣ я
Поднесу, иной вливъ нектаръ?“
Мило, какъ сдержалъ онъ слово, Лида, *)
Давъ тебя съ твоей любовью кроткой,
Мнѣ, по ней томившемуся долго!
Каждый разъ, какъ дорогое тѣло
Я сожму въ объятьяхъ или съ губокъ
Пью бальзамъ любви несокрушимой—
Я шепчу душѣ моей съ блаженствомъ:
„Нѣтъ, изъ всѣхъ боговъ однимъ Амуромъ
Созданъ былъ такой сосудъ чудесный,
И Амуръ одинъ владѣлъ имъ въ небѣ!
Формъ такихъ не выковать Вулкану
Молоткомъ талантливымъ и умнымъ!
Пусть Ліей межъ фавнами своими
Поручитъ старѣйшимъ и умнѣйшимъ
Выжимать на высотахъ тѣнистыхъ
Соки всѣ изъ самыхъ лучшыхъ гроздьевъ;
Пусть за ихъ таинственнымъ броженьемъ
Онъ и самъ усердно наблюдаетъ—
Не добыть ему питья такого!“... **)

Гете не навсегда разстался съ Шарлоттою и въ 1804 году, когда ему было 55 лѣтъ, а ей 61 годъ, навѣстилъ ее. Визитъ вышелъ не совсѣмъ удачнымъ. Шарлотта подписывалась тогда на газету „Прямодушный“, главная цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы подорвать уваженіе къ Гете. По словамъ Брандеса, это было злобное въ своей враждѣ къ поэту и скудоумное изданіе, выступившее съ проповѣдью морали и отрицаніемъ искусства, и уже то обстоятельство, что Шарлотта читала его, служитъ достаточнымъ доказательствомъ высоты ея развитія и силы ея ненависти. Гете просидѣлъ у нея два часа и какъ разъ во время его визита былъ принесенъ нумеръ газеты. Шарлотта пишетъ объ этомъ сыну: „Я чувствую, что ему не по себѣ у меня, а наши взгляды до такой степени разошлись, что я, сама

*) Подъ этимъ именемъ Гете разумѣетъ Шарлотту. Ей же онъ посвятилъ также и другое стихотвореніе, озаглавленное „Лидѣ“.
**) Пер. П. Вейнберга.

того не желая, ежеминутно заставляю его страдать. На бѣду мнѣ принесли нумеръ „Прямодушнаго“. Тутъ и мнѣ досталось. Онъ не хотѣлъ и видѣть его и я должна была прикрыть его чѣмъ нибудь“.

Въ этихъ словахъ невольно сказалась старая боль любимой, но брошенной женщины.

„ПРЕКРАСНАЯ МИЛАНКА“

Ко всему бываетъ предѣлъ. Власть Шарлотты фонъ-Штейнъ была слишкомъ велика, чтобы поэтъ не желалъ отъ нея освободиться, и онъ бѣжалъ.

Это было 3 сентября 1786 года. Веймаръ, гдѣ царилъ тогда олимпіецъ германской поэзіи, ему надоѣлъ. Поэтъ пресытился славою, своей курьезной дипломатической ролью въ качествѣ посланника своего государя при многочисленныхъ дворахъ маленькихъ нѣмецкихъ государствъ, обязанностями въ качествѣ президента палаты депутатовъ и въ особенности своею любовью къ Шарлоттѣ, принимавшею все больше и больше прозаическій характеръ. Чтобы уйдти отъ всего, онъ углубился въ минералогію, анатомію, нумизматику, ботанику, сталъ рисовать, рѣзать,—ничто не помогало: мысль его была скована всеобщимъ вниманіемъ и поклоненіемъ высшаго веймарскаго общества, и музѣ трудно было развернуться во всю ширь. Наконецъ, онъ рѣшился и тайно поѣхалъ въ Италію.

9 сентября онъ пріѣхалъ къ Бреннерскому озеру, 14 онъ былъ въ Веронѣ, 28—въ Венеціи, 18 октября—въ Болоньѣ, 29 го—въ Римѣ. Такъ какъ слава и связанныя съ нею безпокойства могли послѣдовать за нимъ и въ Италію, то онъ даже перемѣнилъ свое имя, назвавъ себя Мюллеромъ. Въ Римѣ онъ вмѣстѣ съ Винкельманомъ отдался изученію

сокровищъ искусства и подъ ихъ вліяніемъ окончилъ свою „Ифигенію въ Тавридѣ“. Только 6 января 1787 года онъ въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Германіи написалъ своимъ веймарскимъ друзьямъ, въ томъ числѣ и Шарлоттѣ Штейнъ, что окончилъ свою трагедію и прочелъ ее въ кругу друзей,

Маддалена Риджи (съ портрета работы Ангелики Кауфманъ.)

среди которыхъ находились знаменитая художница Ангелика Кауфманъ, художникъ Тишбейнъ и др.

Увы! письмо, полученное Шарлоттою, не утѣшило ее. Не утѣшили ее также и слѣдующія письма. Наоборотъ, они ясно свидѣтельствовали объ охлажденіи и готовности за-

быть. Гете, дѣйствительно, охладѣлъ. И не потому, что онъ забылъ прелести Шарлотты, а потому, что влюбился снова, на этотъ разъ въ итальянку, съ которою встрѣтился осенью 1787 года въ Кастель-Гандольфо. Это была Маддалена Риджи, сестра одного изъ прикащиковъ богатаго англичанина Дженкинса, который занималъ тогда дворецъ Кастель-Гандольфо, бывшій одно время резиденціею папъ. Шатенка съ бѣлымъ цвѣтомъ лица и черными глазами, она отличалась веселымъ характеромъ и съ первой же встрѣчи у Дженкинса, куда Гете былъ введенъ его другомъ Винкельманомъ, призвела сильное впечатлѣніе на поэта. Во время бесѣды, завязавшейся между молодыми людьми, Маддалена жаловалась, что въ противоположность брату не знаетъ англійскаго языка, и Гете любезно вызвался научить ее этому языку. Конечно, безплатно. Можно себѣ представить, какъ происходили эти уроки. Красота и живой нравъ неотразимо дѣйствовали на впечатлительнаго поэта и онъ больше думалъ о прелестной своей ученицѣ, чѣмъ о ея познаніяхъ въ англійскомъ языкѣ.

Вдругъ—ударъ: Гете узнаетъ, что прелестная дѣвушка, успѣвшая за короткое время поглотить все его вниманіе,—невѣста! Что дѣлать? Объясниться съ нею? Помѣшать ея браку? Или, можетъ быть, разыграть роль Вертера, къ которой онъ уже однажды былъ близокъ, т. е. наложить на себя руки? Здравый разсудокъ въ концѣ концовъ восторжествовалъ и спасъ великаго поэта. Гете прекратилъ уроки англійскаго языка и сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы при встрѣчахъ съ предметомъ своей страсти сохранить полное спокойствіе духа. Его старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, что, можетъ быть, не стоило большого труда, если принять во вниманіе его частые переходы отъ одного предмета сердца къ другому и выработавшійся несомнѣнно во время этихъ переходовъ опытъ.

Когда по окончаніи лѣтняго сезона обитатели Кастель-Гандольфо переѣхали въ Римъ, Гете уже почти выздоровѣлъ отъ своей новой любви, хотя и продолжалъ сохранять теплыя воспоминанія о первыхъ дняхъ знакомства съ Маддаленою. Черезъ нѣкоторое время онъ узнаетъ, что она уже не невѣста, такъ какъ женихъ взялъ назадъ свое слово. Это снова осложнило дѣло, потому что Гете опять сталъ думать о союзѣ съ прекрасной миланкою. Но неожиданное обстоя-

тельство вывело его изъ затрудненія: огорченная отказомъ жениха, молодая итальянка заболѣла и жизнь ея была въ опасности. Гете часто навѣщалъ больную и даже ежедневно освѣдомлялся о ея здоровьѣ, но все-таки прошлое осталось невозвратнымъ.

Конецъ идиллiи Гете съ миланкою заставляетъ вспомнить „Гете и Доротею“. Сблизившись съ Ангеликою Кауфманъ, она встрѣтилась въ ея домѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который ей очень понравился и сдѣлался вскорѣ ея мужемъ. Надо было уѣзжать и Гете (въ маѣ того же года) началъ готовиться къ отѣзду, не забывая, конечно, недавняго предмета своихъ пламенныхъ мечтаній. Когда они увидѣлись, она ему сказала:

— Не скрою отъ васъ, что моимъ величайшимъ счастіемъ было встрѣтить ваше имя въ числѣ тѣхъ, которые явились во время моей болѣзни, чтобы освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Я нѣсколько разъ спрашивала, правда-ли это.

Узнавъ, когда отъѣздъ, она прибавила:

— Какъ счастливы вы, что можете доставить себѣ удовольствіе путешествовать. Намъ приходится оставатся тамъ, гдѣ Богъ насъ водворилъ. Я часто смотрю въ окно на приходящія и уходящія суда. Это мнѣ доставляетъ удовольствіе и я иногда себя спрашиваю, откуда они и куда отправляются?

„Когда я очутился на улицѣ,—разсказываетъ Гете,—на моихъ дрожкахъ не было кучера. Мальчишка вызвался его разыскать. Я поднялъ глаза къ дому. Она была у окна и окно это было столь низко, что, кажется, мы могли бы пожать другъ другу руку.

„— Видите,—сказалъ я,—не могу отъ васъ удалиться. Ухожу противъ воли.

„То, что она мнѣ отвѣтила; то, что я прибавилъ; то, что мы сказали другъ другу во время этого изящнаго діалога, которому никто не мѣшалъ, обнаруживали тайныя чувства обоихъ влюбленныхъ, знающихъ что они больше не встрѣтятся. Я не оскорблю этихъ словъ, повторивъ ихъ здѣсь. Это была послѣдняя лаконическая исповѣдь, случайно принесенная и вызванная порывомъ взаимнаго влеченія, сильнаго и нѣжнаго, которое именно вслѣдствіе этого

никогда не изгладилось ни изъ моей мысли, ни изъ моего сердца".

Этимъ кончилась исторія съ прекрасной миланкою. Больше ничего Гете не сообщаетъ о ней, да и то, что онъ сообщаетъ, до того сбивчиво и неопредѣленно (Гете даже имени ея не называетъ), что многіе по справедливости сомнѣвались въ ея существованіи, высказывая опасеніе, не слѣдуетъ-ли отнести очаровательную итальянку къ той „правдѣ", которая у Гете такъ часто смѣшивалась въ послѣдніе годы жизни съ поэзіею". Вѣдь онъ самъ называлъ свою автобіографію полу-правдою, полу-поэзіею, тѣмъ болѣе, что написана она была въ старости, когда память уже ему измѣняла, но когда поэтическій талантъ его еще сверкалъ всѣми цвѣтами радуги.

И въ самомъ дѣлѣ, кто была эта миланка? Что стало съ нею послѣ разлуки съ поэтомъ? Только въ 1890 году, когда въ пятомъ томѣ изданія „Общества Гете" были помѣщены два новыхъ письма Гете, удалось пролить нѣкоторый свѣтъ на эти вопросы. Первое письмо, посланное изъ Рима 20 Января 1789 г., написано по французски и носитъ подпись: „Карло Фиджи". Въ немъ выражается благодарность за посылку цвѣточныхъ сѣмянъ и говорится: „Вы такъ милы, что вспомнили обо мнѣ и о моей сестрѣ. Она замужемъ за сыномъ г. Вольпато. Она съ признательностью получила вашъ сувениръ". Второе письмо уже послано Гете Ангеликою Кауфманъ и помѣчено 8 Ноября 1788 г. „Я,—пишетъ знаменитая художница,—не поѣхала въ Кастель-Гандольфо. Маддалена Риджи называется теперь Вольпато. Вы, можетъ быть, его знаете. Бракъ состоялся по случаю одного посѣщенія фабрики фарфоровыхъ издѣлій, собственникомъ которой состоитъ Вольпато: молодой Вольпато хотѣлъ жениться и имѣлъ счастіе ей понравиться. Увидѣть другъ друга и полюбить другъ друга,—это было одно и то же. На этотъ разъ Маддалена не дѣлала возраженія и свадьба была отпразднована черезъ двѣ недѣли. Пока это счастливая чета и я надѣюсь, что она всегда будетъ счастливою, потому что они оба хороши".

Оба эти письма дали нить къ дальнѣйшимъ разслѣдованіямъ и въ результатѣ оказалось, что тайна перестала быть тайною. Они-то и обнаружили, что, какъ сказано, „пре-

красная миланка" называлась Маддаленою Риджи, что родилась она въ Миланѣ 29 Ноября 1765 г., что она рано осиротѣла и поселилась въ Римѣ вмѣстѣ съ братомъ за годъ и три мѣсяца до встрѣчи съ Гете въ Кастель-Гандольфо и что жила она въ хорошемъ каменномъ домѣ на Веккіо Порто, № 108. Кромѣ того—и это важнѣе всего,— былъ найденъ ея портретъ, писанный Ангеликою Кауфманъ. Маддаленѣ Риджи было въ то время 30 лѣтъ; слѣдовательно, написанъ онъ былъ уже послѣ того, какъ Гете уѣхалъ изъ Рима. Она родила мужу 6 сыновей и собиралась уже подарить ему седьмого ребенка, какъ вдругъ Вольпато умеръ, оставивъ ей огромное состояніе. Послѣ этого Маддалена вышла за управляющаго фабрики Франческо Джинуччи и отъ этого брака у нея родились сынъ и дочь. Умерла она шестидесяти лѣтъ отъ роду и похоронена въ фамильномъ склепѣ Вольпато, въ церкви Санта Пуденціона. Къ концу жизни она носила очки и нюхала табакъ.

Въ то время, когда Маддалэна Риджи умерла, Гете уже было 70 лѣтъ; но бодрость духа его еще не покинула и онъ смѣло шелъ навстрѣчу новымъ проискамъ шаловливаго Амура.

АНГЕЛИКА КАУФМАНЪ.

Ко времени пребыванія Гете въ Римѣ относится также его дружба съ нѣмецкой художницею Ангеликою Кауфманъ.

Какъ извѣстно, Ангелика Кауфманъ не принадлежитъ къ разряду геніальныхъ представительницъ кисти, полотна которыхъ дышатъ вѣчной красотой: ея произведенія, если не считать портретовъ, сантиментальны и приторны. Но въ свое время, когда сантиментальность была не недостаткомъ, а достоинствомъ, она имѣла большой успѣхъ и пользовалась широкой извѣстностью. Во всякомъ случаѣ, въ крупномъ

талантѣ отказать ей нельзя и теперь, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя-бы портретъ того же Гете, написанный ею въ свойственныхъ ей мягкихъ тонахъ. Этотъ портретъ явился отвѣтомъ на дружбу Гете, въ которой Ангелика такъ нуждалась въ то время. Незадолго передъ тѣмъ она влюбилась въ Лондонѣ, гдѣ прожила пятнадцать лѣтъ, въ какого-то субъекта. Состоялась даже помолвка. Однако, субъектъ оказался обыкновеннымъ плутомъ, къ тому же женатымъ. Игра, которую онъ затѣялъ, имѣла цѣлью мошенническимъ

Ангелика Кауфманъ (съ портрета писаннаго самой художницею.)

образомъ завладѣть состояніемъ Ангелики. Въ послѣднюю минуту обманъ былъ обнаруженъ и бракъ не состоялся, но художницѣ пришлось съ разбитымъ сердцемъ покинуть Лондонъ и поѣхать въ Венецію искать утѣшенія среди вѣчныхъ памятниковъ безмятежнаго искусства. Тамъ она и встрѣтилась съ Гете и тотчасъ же завоевала его близкую дружбу, хотя и была старше его на восемь лѣтъ.

Знакомство Гете съ Ангеликою Кауфманъ отразилось благопріятно на произведніяхъ ихъ обоихъ. Кисть Кауфманъ

начала пріобрѣтать большую широту и размахъ, а что касается Гете, то вліяніе художницы выразилось въ томъ, что муза его получила болѣе мягкій, благородный и колоритный оттѣнокъ. Между прочимъ Гете прочиталъ ей свою „Ифигенію“ и „Эгмонта“. Когда Эгмонтъ вызвалъ возраженія и недовольства среди веймарскихъ друзей Гете, поэтъ въ письмахъ къ нимъ сослался на авторитетъ Ангелики, у которой былъ списокъ съ этого произведенія. Вмѣстѣ съ нею Гёте посѣщалъ музей, гдѣ ея артистическая натура сказывалась особенно ярко. „Вмѣстѣ съ Ангеликою,—писалъ по этому поводу Гете,—очень пріятно разсматривать картины, такъ какъ у нея весьма образованный глазъ и знакомство ея съ механической стороною искусства очень велико. Къ этому она очень чувствительна ко всему прекрасному, истинному, нѣжному и необыкновенно скромна“.

Впрочемъ, портретомъ своимъ, работы Ангелики Кауфманъ, Гете не остался доволенъ. „Это красивый малый,—сказалъ онъ, но моего и слѣда тутъ нѣтъ.“—

КОРОНА ШРЕТЕРЪ.

Что между драматическими писателями и артистками, исполняющими тѣ или другія роли въ ихъ произведеніяхъ, устанавливаются порою близкія отношенія, переходящія за предѣлы обыкновенной дружбы,—фактъ слишкомъ извѣстный, чтобы на немъ долго останавливаться. Постоянная близость, чувство благодарности, а, можетъ быть, сродство между образомъ, созданнымъ поэтомъ, и реальной женщиной, старающейся иногда не только на сценѣ, но и въ дѣйствительности приблизиться къ этому образу и тѣмъ какъ бы слиться съ самимъ поэтомъ,—все это, вѣроятно, не мало способствуетъ сближенію между творцомъ и исполнительницею, и въ результатѣ получается союзъ сердецъ. Благодаря обилію драматическихъ произ-

веденій, Гете имѣлъ возможность часто сближаться съ представительницами театральныхъ подмостокъ, но особенно нѣжное чувство, отразившееся, между прочимъ, и на его поэзіи, онъ питалъ только къ Коронѣ Шретеръ.

Корона была пѣвицею; но это обстоятельство не удивитъ никого, если принять во вниманіе, что во многихъ произведеніяхъ Гете оперной пѣвицѣ приходится часто состязаться съ драматической актрисой. Молодая, красивая и умная женщина нравилась всѣмъ въ Веймарѣ и въ нее были влюблены всѣ, не исключая самого герцога. Чтобы пріобрѣсти Корону Шретеръ для веймарской сцены, герцогиня послала въ 1776 году въ Лейпцигъ, гдѣ артистка подвизалась и пользовалась большимъ успѣхомъ, Вольфганга Гете, давно уже мечтавшаго о счастіи лично познакомиться съ нею. Когда же она пріѣхала въ Веймаръ, знакомство превратилось въ тѣсную дружбу. Гете часто бывалъ у Короны, Корона часто бывала у Гёте. Не забудемъ, что въ то время не было настоящаго театра въ Веймарѣ и что придворное общество, желая удовлетворить общую потребность въ драматическихъ спектакляхъ, устроило подъ руководствомъ Гете такъ называемый «Любительскій Театръ». Кромѣ того, Гете былъ въ одно и то же время директоромъ, режиссеромъ, авторомъ пьесъ и главнымъ ихъ исполнителемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что отношенія между ними сдѣлались весьма тѣсными, а чарующая личность Гете, его слава и высокое положеніе при дворѣ сдѣлали остальное. Поэтъ каждое утро проводилъ у нея въ домѣ, гдѣ обыкновенно она пѣла, а онъ аккомпанировалъ. Иногда они оба играли на фортепьяно. Очень часто бывала она у Гете, очаровывая своею красотою и граціею не только поэта, но и его гостей, въ томъ числѣ и герцога. Судя по описаніямъ современниковъ она дѣйствительно была очень красива: у нея были темные волосы, такіе же темные блестящіе глаза, стройная осанка при высокомъ ростѣ. Къ тому же она изящно одѣвалась и превосходно рисовала. Этого было достаточно, чтобы вскружить голову и не такому чувствительному и влюбчивому человѣку, какъ Гете.

Корона Шретеръ родилась въ Губенѣ, въ 1751 году. Дочь музыканта, она унаслѣдовала отъ него страсть къ музыкѣ, но отецъ ея былъ простой человѣкъ и не могъ дать

ей правильное музыкальное развитіе. Голосъ у нея былъ большого объема, но слабъ и тусклъ, вслѣдствіе излишняго напряженія въ ранней молодости, и только благодаря необыкновенной глубинѣ чувства, которое Корона вкладывала въ исполняемыя ею вещи, пѣвицѣ удалось добиться огромнаго успѣха. Въ Варшавѣ она училась музыкѣ и живописи и тамъ же пріобрѣла „ту грацію, которая только присуща полькамъ“, какъ выражаются современники. От-

Корона Шретеръ.
(Съ картины Крауса).

туда, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, поѣхала она въ Лейпцигъ, гдѣ произвела фуроръ своимъ голосомъ и красотою. Впервые она выступила публично, когда ей было четырнадцать лѣтъ, и съ тѣхъ поръ начались ея артистическіе тріумфы. Современемъ она заняла центральное мѣсто въ мірѣ лейпцигскихъ художниковъ, писателей и любителей—актеровъ, появляясь въ многочисленныхъ пьесахъ, фарсахъ, карнавальныхъ спектакляхъ, трагедіяхъ, комедіяхъ и т. д.

Дружба съ Короною Шретеръ не осталась безъ влія-

нія на творчество Гете: для нея написалъ онъ «Прозерпину». Она же выступила впервые въ его «Ифигеніи».*) Кромѣ того, онъ увѣковѣчилъ ее въ стихотвореніи: «На смерть Миндинга»,**) къ сожалѣнію, не переведенномъ на русскій языкъ. Вотъ относящееся къ Коронѣ Шретеръ мѣсто:

Es gönnten ihr dir Musen jede Gunst,
Und die Natur erschuf in ihr die Kunst,
So häuft sie willig jeden Reiz auf sich.
Und selbst dein Name ziert, Corona, dich.
Sie tritt herbei. Seht sie gefällig steh'n!
Nur absichtslos, doch wie mit Absicht schön ***).

Корона Шретеръ отплатила поэту тѣмъ что первая положила на музыку его стихотвореніе „Лѣсной царь“. Однако, когда она умерла (въ 1802 году), Гете даже не сопровождалъ ея тѣла на кладбище: онъ забылъ ее. Sic transit gloria mundi и въ особенности любовь пылкихъ поэтовъ.

*) При постановкѣ „Ифигеніи“ на сценѣ въ роли Ореста выступилъ самъ Гете. Вотъ что пишетъ объ этомъ Гуфеландтъ: „Никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произвелъ Гете въ роли Ореста въ греческомъ костюмѣ во время исполненія его „Ифигеніи“. Казалось, что на сценѣ-Аполлонъ. Никогда еще не встрѣчалось такого соединенія физическаго и духовнаго совершенства и красоты, какъ тогда въ лицѣ Гете“. Поэту было въ то время 30 лѣтъ. Онъ представлялъ собою крѣпкаго широкоплечаго мущину, которому безразличны были холодъ и жара, который часто по цѣлымъ днямъ оставался въ сѣдлѣ или располагался ночью въ лѣсу на бивуакахъ, который на балахъ, охотничьихъ экскурсіяхъ, на гонкахъ конькобѣжцевъ или на пожарахъ обнаруживалъ больше всѣхъ неутомимости и бодрости. О немъ можно было поистинѣ сказать, что у него прекрасный духъ въ прекрасномъ тѣлѣ. Около него на сценѣ теряла значительную часть своего блеска Корона Шретеръ, исполнявшая роль Ифигеніи“.

**) Миндингъ—также былъ режиссеромъ „Любительскаго театра“.

***) Музы отнеслись къ ней съ благосклонностью, и природа создала въ ней искусство. Такимъ образомъ, она охотно накопляетъ на себѣ всякія прелести. Само твое имя—Корона—украшаетъ тебя. Она идетъ. Посмотрите, какъ она останавливается. Она безъ намѣренія, но все таки какъ будто съ намѣреніемъ прекрасна.

ЖЕНА ГЕТЕ.

Но вотъ наступаетъ совершенно новая полоса въ жизни поэта. Онъ возмужалъ. Онъ разстался со слабостями юной мятущейся души и началъ думать о великомъ счастіи семейной, жизни подъ кровомъ родного очага, среди дѣтей и присныхъ. Въ сущности это стремленіе было ему присуще, какъ всякому доброму нѣмцу, еще въ то время, когда онъ вступилъ въ зрѣлый возрастъ. Всѣ эти Кетхенъ, Фридерики, Лили, Лотты—не что иное, какъ яркое доказательство его несомнѣнной привязанности къ семейной обстановкѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что онѣ стояли только верстами на столбовой дорогѣ къ его будущей женѣ Христинѣ Вульпіусъ.

Судьба, однако, сыграла злую шутку надъ Гете. Его жена была простая женщина, всѣ достоинства которой заключались въ неистощимомъ здоровьѣ и мѣщанской красотѣ. Гете сошелся съ нею случайно, и можно быть увѣреннымъ, что въ то время, когда онъ сорвалъ съ нея вѣнецъ цѣломудрія, у него даже и отдаленной мысли не было о женитьбѣ. Познакомился онъ съ нею въ іюлѣ 1878 года. Гете прогуливался въ любимомъ паркѣ въ Веймарѣ. Вдругъ подошла къ нему молодая красивая дѣвушка и, сдѣлавъ нѣсколько реверансовъ, подала прошеніе. Гете былъ тогда министромъ и Христина Вульпіусъ—это была она—просила доставить мѣсто ея брату *). Увидѣвъ простушку, которая такъ и дышала здоровьемъ и бодростью, слабый ко всему

*) Братъ этотъ былъ знаменитый въ свое время авторъ „Риналь-до-Ринальдини“,—произведенія, которое цѣлое полстолѣтіе восхищало публику. Шерръ въ своей біографіи Шиллера разсказываетъ характерный анекдотъ объ этомъ оригинальномъ писателѣ. Шиллеръ писалъ письмо, когда вдругъ къ нему постучались въ дверь. На приглашеніе „войдите“ въ комнату вошла маленькая и тощая фигурка, одѣтая въ бѣлый фракъ и желто-зеленый жилетъ.

— Я имѣю удовольствіе видѣть господина совѣтника Шиллера,—сказала она.—Я случайно узналъ, что вы здѣсь, и пожелалъ видѣть автора „Донъ-Карлоса“, Вы, вѣроятно, не имѣете счастія меня знать,—меня зовутъ Вульпіусъ. Прошу извинить за безпокойство; теперь я доволенъ, что увидѣлъ васъ.

Съ этими словами онъ удалился.

женскому Гете тотчасъ же загорѣлся страстью. Просьба, конечно, была исполнена, и вмѣстѣ съ этимъ проложена дорога къ сердцу красотки. Христина долго не упорствовала, и между нею и веймарскимъ министромъ въ нѣсколько дней установились тѣ отношенія, которыхъ Гете не достигъ послѣ долгихъ ухаживаній за многими изъ прежнихъ красавицъ. Въ скоромъ времени у нея родился сынъ, и она окончательно переѣхала въ домъ Гете, гдѣ, за неимѣніемъ возможности быть его подругою по идеямъ, которыхъ она не понимала, сдѣлалась «хозяйкою» въ домѣ.

Такъ продолжалось дѣло много-много лѣтъ. Гете не хотѣлъ жениться на Христинѣ не только потому, что она стояла ниже его въ общественномъ положеніи, сколько потому, что не сочувствовалъ вообще браку, который отрицалъ вмѣстѣ со всякой обрядностью. Впослѣдствіи, однако,—черезъ много лѣтъ,—онъ сдѣлалъ уступку необходимости, чтобы отблагодарить Христину за долгую преданность, и женился на ней.

Можно себѣ представить, какой шумъ вызвала въ Веймарѣ вѣсть о томъ что Гете женился на Христинѣ Вульпіусъ. Это былъ безпримѣрный скандалъ. Величайшій поэтъ Германіи, посланникъ, министръ, и какая-то грубая, простая женщина, не поколебавшаяся стать его любовницею послѣ перваго намека, не устыдившаяся даже переѣхать къ нему въ домъ, чтобы торжественно засвидѣтельствовать свой позоръ передъ лицомъ всего свѣта, женщина, страдавшая къ тому же однимъ изъ отвратительнѣйшихъ пороковъ, постыдныхъ даже для мужчинъ,—пьянствомъ! Этотъ порокъ былъ ею унаслѣдованъ отъ отца, который былъ горькій пьяница и пьянствомъ довелъ всю семью до нищеты. Онъ иногда пропивалъ даже свое платье. Что онъ не заботился о дѣтяхъ, понятно само собою. Когда они подросли, имъ пришлось оставить отца и самимъ заняться изысканіемъ средствъ къ существованію: сынъ занимался литературою, дочери дѣлали искусственные цвѣты, вышивали и т. п. Этотъ братъ, замѣтимъ между прочимъ, также унаслѣдовалъ порокъ отъ отца и умеръ отъ пьянства. Съ годами страсть къ вину все болѣе и болѣе захватывала Христину и это наложило грустный отпечатокъ на семейную жизнь великаго олимпійца. Для того-ли прошелъ онъ мимо очаровательной Кетхенъ,

поэтической Фридерики, мимо увлекательной Лотты, воздушной Лили, мимо, наконецъ, неземного созданія, которое онъ встрѣтилъ въ Миланѣ послѣ того, какъ разстался съ Лили, и на которой едва не женился,—чтобы очутиться въ объятіяхъ грубой Вульпіусъ, отъ которой несло виномъ, какъ отъ открытой сорокаведерной бочки? Гоняясь за призракомъ семейнаго счастья по столбовой дорогѣ неукротимой страсти, онъ могъ, конечно, завернуть для отдыха въ

Христина Вульпіусъ, жена Гете.

какой нибудь постоялый дворъ продажной любви, чтобы, проведя тамъ бурную ночь, на утро опять пуститься въ путь, звеня колокольчикомъ на дугѣ своего добраго Пегаса; но остаться въ корчмѣ навсегда, среди зловонныхъ паровъ сивухи и кабацкихъ ругательствъ дебелой деревенской Дульцинеи,—нѣтъ, для этого нужно было какое-то особое издѣвательство рока, хохотавшаго именно надъ тѣмъ, что менѣе всего было достойно смѣха.

Біографы Гете постарались внести мягкій свѣтъ въ отношенія великаго поэта къ женѣ. Они стали рыться въ документахъ и, конечно, нашли «доказательство» того, что

Христина вовсе не была грубой, простой бабой, какъ ее рисовали, что, хотя ей и была чужда способность дѣлить мысли и высокія стремленія поэта, но за то она обладала быстрымъ, живымъ умомъ, живымъ характеромъ, любящимъ сердцемъ, большой способностью къ домашнимъ обязанностямъ, была всегда весела, всегда обходительна, любила до чрезмѣрности удовольствія и, какъ свидѣтельствуютъ вдохновенныя ею произведенія Гете была дорога не столько его уму, сколько сердцу *). Но можно считать болѣе вѣрнымъ остроумное выраженіе Шерра, который, говоря о послѣднихъ любовныхъ восторгахъ Гете къ Шарлоттѣ Штейнъ, называетъ Христину Вульпіусъ «прекрасно сформированнымъ фактомъ», восторжествовавшимъ надъ устарѣвшей и поблекшей идеею—Шарлоттою **), Послѣдняго, впрочемъ, не отрицаютъ и мягкіе біографы Гете, которые, преклоняясь передъ величіемъ поэта, не могутъ допустить и мысли, что бы онъ дѣлилъ столько лѣтъ семейной жизни съ существомъ низшаго порядка: не отрицая нѣкотораго образованія за Христиною, они особенно подчеркиваютъ то обстоятельство, что у нея были золотисто-каштановые волосы, веселые глаза, розовыя щеки, губы, вызывающія на поцѣлуй, граціозно округленный станъ, что она была наивна, весела и что Гете нашелъ въ ней одно изъ тѣхъ вольныхъ, здоровыхъ дѣтей природы, которыхъ не обезобразило искусственное воспитаніе.

Собственныя стихотворенія поэта подтверждаютъ этотъ фактъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ наиболѣе раннихъ, написанное въ первую пору совмѣстнаго сожительства съ Христиною (въ 1788 г.),—„Посѣщеніе“, которое нѣмецкій критикъ Дюнцеръ называетъ предтечею „Римскихъ Элегій“.

Подхожу къ дверямъ моей я милой—
И ихъ крѣпко запертыми вижу;
Но что въ этомъ? Ключъ въ моемъ карманѣ—
И я тихо двери отворяю.
Но, вошедши, не нашелъ я милой
Ни въ знакомой залѣ, ни въ гостиной,
И, лишь въ третью комнату вступивши,
Нераздѣтой я ее увидѣлъ
Тихимъ сномъ уснувшей на диванѣ.
Въ молодыхъ рукахъ ея вязанье
Мирно, вмѣстѣ съ спицами, лежало.
Я присѣлъ къ ней и, любуясь ею,

*) См. хотя бы трудъ Льюиса, посвященный Гете, ч. 2, стр. 78.
**) І. Шерръ „Гете въ молодости“, стр. 223.

Я глядѣлъ на свѣтлый обликъ милой
И не могъ довольно наглядѣться:
Разбудить-ли, нѣтъ-ли,—началъ думать.
На устахъ ея царила вѣрность,
На щекахъ—любовь къ родному крову,
А невинность сердца молодого
Въ глубинѣ груди ея таилась.
Умащенъ божественнымъ бальзамомъ,
Каждый членъ лежалъ непринужденно,

Бюстъ Христины, работы Вейсера.

А рука, источникъ ласкъ волшебныхъ,
Опустясь, покоилась невинно
На колѣняхъ съ начатой работой.
„О, мой другъ!“ подумалъ я: „что, если
Отъ меня скрываемую тайну
Обнаружишь вздохомъ ты иль словомъ
И себѣ, забывшися, измѣнишь?
Взоръ смежонъ твой—не горитъ онъ болѣ;
Нѣтъ огня, сжигавшаго мнѣ сердце,
Только губки тихо шевелятся,

Вспоминая сладость поцѣлуевъ;
Нѣтъ движенья въ сомкнутыхъ объятьяхъ,
Горячо меня такъ обнимавшихъ,
И рука, сопутница-шалунья
Чудныхъ ласкъ, покоится невинно.
Такъ глядѣлъ я на нее—и сердцемъ
Ликовалъ, въ груди моей стучавшимъ;
Но она такъ нравилась мнѣ спящей,
Что ее будить я не рѣшился.
Положивъ два спѣлыхъ померанца
И двѣ розы пышныя на столикъ,
Я изъ дому тихо удалился.
И проснется милая и взглянетъ—
И увидитъ пестрый мой подарокъ
И, дивяся, спроситъ, какъ попалъ онъ
Къ ней, сюда, сквозь запертыя двери?
Но съ зарей мы съ ней сойдемся снова—
И она вознаградитъ сторицей
Горечь жертвы, мною принесенной. *)

Не смотря на изящество картины, нарисованной поэтомъ, все-таки приходится сказать, что въ ней нѣтъ ничего, кромѣ внѣшней чувственности, ничего, кромѣ диѳирамба красивому тѣлу. Большой поклонникъ „вѣчно-женственнаго“, Гете, можетъ быть, болѣе всего цѣнилъ въ женщинѣ именно ея чисто женскія качества, отдавая имъ предпочтеніе передъ умомъ, характеромъ и другими атрибутами чисто мужского свойства. Иначе чѣмъ объяснить то, что даже черезъ десять лѣтъ послѣ знакомства съ Христиною Гете пишетъ письмо, въ которомъ, какъ страстно влюбленный, не успѣвшій еще отпить сколько нибудь отъ чаши наслажденія, сожалѣетъ, что не взялъ съ собою въ дорогу ничего изъ ея вещей, хотя бы туфли, которая нѣсколько разсѣяла-бы его одиночество? Благодаря той же слабости къ вѣчно женственному, онъ ей именно, этой простушкѣ Вульпіусъ, часто прикладывавшейся къ рюмкѣ, посвятилъ лучшія изъ своихъ лирическихъ произведеній—„Римскія элегіи“, стоящія совершенно одиноко въ исторіи европейской литературы по глубинѣ чувства, широтѣ мысли и благородной простотѣ выраженія. Одно не мѣшало другому. Умъ парилъ высоко, а сердце требовало земныхъ ласкъ, требовало простой семейной обстановки, здороваго обѣда, теплаго угла и смазливой хозяйки.

Недаромъ онъ писалъ въ одной изъ своихъ „Римскихъ элегій“:

---

*) Пер. П. Гербеля.

Радостно здѣсь вдохновленъ я; на этой класической почвѣ
Нынѣшній вѣкъ и минувшій понятнѣе мнѣ говорятъ.
Здѣсь я у древнихъ учусь и, что день, съ наслажденіемъ новымъ
Тщательнѣе, листъ за листомъ, разбираю творенія ихъ.
Но по ночамъ богъ любви занимаетъ пришельца иначе:
Пусть вполовину я буду ученъ—за то счастливъ вдвойнѣ!
И не учусь-ли я также, когда по изящному стану,
Тихо спускаясь рукою, изслѣдую чудныя формы
Груди возлюбленной? Только тогда постигаю, какъ должно,
Мраморъ, сличаю и мыслю, гляжу осязающимъ глазомъ,
Зрящей рукой осязаю. Ежели часъ иль другой

Спящая Христина.

(Рисунокъ самаго Гете). (Къ стих. на стр. 106—108.)

Милая днемъ и похититъ то ночь всю даритъ мнѣ взамѣну.
Часто—не все жъ цѣловаться—разумно бесѣдуемъ мы;
Сонъ-ли ее одолѣетъ—лежу я и думаю много.
Часто стихи я слагалъ, оставаясь въ объятьяхъ ея,
Звучныя мѣры гекзаметра пальцами тихо считая
На обнаженномъ плечѣ... *)

Говорятъ, что Гете женился на Христинѣ изъ благодарности,—за то, что она спасла ему однажды жизнь. Когда войскаНаполеона заняли Веймаръ, въ его домъ ворвались нѣсколько солдатъ и во время разгрома едва не убили его.

*) Пер. А. Яхонтова.

Гете спасся только благодаря мужеству и находчивости Христины, пустившей въ ходъ свои здоровенные кулаки, передъ которыми не могли устоять даже воины великаго полководца. Чтобы показать ей, какъ онъ цѣнитъ ея само отверженный поступокъ, онъ и сдѣлалъ ее женою послѣ пятнадцатилѣтней жизни внѣ брака, сдѣлалъ вопреки голосу веймарскаго общества, которое сторонилось отъ нея и избѣгало, какъ чумы. Но не лучше ли объяснить его поступокъ указаннымъ выше стремленіемъ къ прочной семейной жизни, хотя бы самаго буржуазнаго свойства? Гете цѣнилъ очень высоко жену за то, что она отдалась всецѣло заботамъ объ его удобствахъ, готовила ему вкусные обѣды, держала въ чистотѣ комнаты, убирала его письменный столъ, знала всѣ его привычки и покорно приноравливалась къ нимъ. Все это было плоско, низко, прозаично, но все это нужно было поэту. Не забудемъ, что возвышенность полета никогда не мѣшала генію быть въ жизни обыкновеннымъ человѣкомъ со всѣми его слабыми сторонами. Вѣдь и готическіе соборы, какъ бы уходящіе своими верхушками въ лазурныя небеса, построены на фундаментахъ изъ простого булыжника..

БЕТТИНА ФОНЪ-АРНИМЪ.

Женитьба не спасла Гете отъ сѣтей Амура. Онъ продолжалъ любить и быть любимымъ и на его «закатъ печальный», говоря словами Пушкина, любовь не разъ еще блистала «улыбкою прощальной».

Одною изъ этихъ улыбокъ была Бетгина, одна изъ самыхъ яркихъ представительницъ роматнизма, „Сивилла романтическаго періода литературы“, какъ пазываетъ ее І. Шерръ въ своей исторіи литературы. Странная женщина, писательница, впослѣдствіи жена фантастическаго романиста Арнима, не знавшая удержа своимъ необыкновеннымъ

фантазіямъ, она, по выраженію Льюиса, была скорѣе демономъ, чѣмъ женщиною, но не безъ проблесковъ геніальности, придающихъ блескъ безсмысленной чепухѣ, и рѣшительно ускользаетъ отъ всякой критики. „Какъ скоро,—говоритъ онъ,—вы станете судить о ней серьезно, вамъ въ отвѣтъ пожмутъ плечами и скажутъ: „Вѣдь это Брентано“, полагая, что этою фразою все сказано. Въ Германіи даже

Беттина фонъ-Арнимъ.

сложилась пословица: „Гдѣ кончается безуміе другихъ, тамъ начинается безуміе Брентано“.

Беттина провела очень грустное дѣтство. Отецъ ея (онъ жилъ во Франкфуртѣ, гдѣ родился Гете и жила въ то время его мать) былъ сухимъ дѣльцомъ—торговцемъ, а мать обладала тонкой натурою и любила искусство. Къ тому же, когда они женились, ему было 40 лѣтъ, а ей всего 18. Между ними не было ничего общаго и супруги часто даже

жили врозь. Непріятности семейной жизни повліяли на впечатлительную душу молодой дѣвушки. Затѣмъ умерли ея родители и Беттина была отдана на воспитаніе въ монастырь, гдѣ у нея развилась наклонность къ романтизму. Блескъ католическихъ обрядовъ воспламенилъ ея фантазію. Впослѣдствіи на нее произвело большое впечатлѣніе романтическое самоубійство ея подруги изъ ревности. Все это вмѣстѣ въ связи съ пламенной натурою, унаслѣдованною отъ отца—итальянца, сдѣлала то, что Беттина при всѣхъ своихъ крупныхъ способностяхъ не имѣла почвы подъ ногами, напоминая листъ, свободно бросаемый вѣтромъ.

Эта-то особа, юная, пылкая, взбалмошная и причудливая, влюбилась въ поэта, еще не видя его, и начала забрасывать его письмами съ выраженіемъ пламенныхъ восторговъ. Затѣмъ она, 22 лѣтъ отъ роду, пріѣзжаетъ вдругъ въ Веймаръ, бросается поэту въ объятія и, какъ она сама разсказываетъ въ своей знаменитой книгѣ: „Переписка Гете съ ребенкомъ“, при первомъ же свиданіи съ нимъ засыпаетъ у него на груди. Это мѣсто ея книги, которую К. Фохтъ называетъ „лучшей книгою нѣмецкой романтики“, до того любопытно, что одного его, кажется, достаточно для характеристики удивительной дѣвушки.*) „Домъ Гете,—говоритъ она,

*) Нѣмецкій критикъ вообще снисходительно относится къ Беттинѣ. „Переписка“,—говоритъ онъ,—представляетъ очень интересную книгу въ стилѣ „Правды и вымысла“ Гете; во вступленіи указано, что она предназначена для добрыхъ, а не для злыхъ. Беттину обвиняли въ поддѣлкѣ, но она вовсе и не имѣла въ виду дать точное изданіе дѣйствительной переписки; она просто стремилась изобразить Гете внѣ всякихъ стѣснительныхъ рамокъ буржуазной жизни. Беттина дитя романтики. Вильгельмъ Гриммъ посвятилъ ей „Сказки“, Бетховенъ повѣрялъ ей свои сокровеннѣйшія мысли объ искусствѣ. Но при всей своей неудержимой фантазіи, она держится въ „королевской книгѣ“ либеральныхъ взглядовъ на политическіе и религіозные вопросы. Ея взоры устремлены впередъ, а не назадъ. Свои соціально-политическія соображенія она влагаетъ въ уста старой совѣтницѣ, матери Гете; ея цѣльная натура очерчена съ большимъ юморомъ и чрезвычайно живо; однако, она влагаетъ въ уста старушки слѣдующія слова: „Только свобода даетъ умъ, только умъ даетъ свободу“. Она докладываетъ королю о тяжелой судьбѣ ткачей въ землѣ фохта и обо всемъ, что ей привелось узнать при посѣщеніи разваловъ и рынковъ бѣднѣйшаго населенія. За неурядицу и горе въ своей странѣ король долженъ возлагать отвѣтственность не на гонимыхъ „демагоговъ“, но на государственную опеку общественнаго мнѣнія, а еще болѣе на духовную цензуру, которая выдаетъ себя за главное колесо въ государствѣ. Такимъ образомъ, „Сивилла романтической школы“ выражаетъ по своему оригинально и поэтично не только политическіе взгляды молодой Германіи; она раньше многихъ поняла все значеніе труднѣйшаго вопроса о пролетаріатѣ, вопроса, выдвинутаго въ „Странническихъ годахъ Вильгельма Мейстера“ и потомъ на долгое время забытаго“ (Исторія нѣмецкой литературы, стр. 727).

—былъ расположенъ противъ колодца,—какимъ оглушительнымъ казался мнѣ шумъ воды! Я поднялась вверхъ по простой широкой лѣстницѣ. Въ стѣнѣ стоятъ гипсовыя статуи, повелѣвающія мнѣ вести себя тихо. По крайней мѣрѣ, я не могла дать о себѣ знать въ этихъ священныхъ сѣняхъ. Все мило и все-таки торжественно. Въ комнатахъ царитъ высшая, но столь заманчивая простота. „Не бойся!—говорятъ мнѣ скромныя стѣны,—онъ придетъ и не захочетъ быть чѣмъ либо больше тебя. Тутъ раскрылась дверь и въ нихъ показался онъ—торжественный и серьезный, глядя на меня неотразимымъ взглядомъ. Я, кажется, протянула къ нему руки и вскорѣ я больше ничего не понимала: Гете быстро прижалъ меня къ груди. „Бѣдное дитя! я васъ испугалъ?“ Это были первыя его слова, съ которыми его голосъ проникъ мнѣ въ сердце. Онъ повелъ меня въ свою комнату и усадилъ на кушетку, а самъ усѣлся противъ меня. Наступила длинная пауза, мнѣ было страшно въ душѣ быть прикованною къ роковой софѣ. „Не могу здѣсь выдержать!“ воскликнула я.—„Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—расположитесь, какъ вамъ удобнѣе!“ Тутъ я вскочила и бросилась ему на шею, онъ усадилъ меня на колѣни. Я давно уже не спала, какъ слѣдуетъ,—страсть къ нему уже много лѣтъ меня мучила,—и я заснула у него на груди. Когда я проснулась, началась новая жизнь. Теперь я его знаю и знаю, какъ онъ улыбается, а звукъ его голоса—какъ онъ спокоенъ и въ то же время какъ полонъ любви, и возгласы его,—какъ вырываются они изъ глубины сердца подобно звуку въ тѣни,—и какъ онъ дружески успокаиваетъ и подтверждаетъ, что въ безпорядкѣ вырывается изъ сердца. Когда у меня отъ волненія и растерянности не нашлось словъ, онъ сказалъ: „Говори глазами, я все понимаю“. Увидѣвъ, что они полны слезъ, онъ закрылъ ихъ мнѣ со словами: „Спокойствіе, спокойствіе! оно намъ обоимъ болѣе всего нужно“. Тотчасъ же я стала спокойною: у меня вѣдь было все, къ чему я давно стремилась. О, мать,—я вѣчно ей благодарна за то, что она создала на свѣтъ этого друга!“

Это была огненная, вулканическая любовь. Беттина преслѣдовала Гете клятвами, ревностью, страстными изліяніями, не смотря на то, что поэту было уже 58 лѣтъ! Онъ имѣлъ полное право сравнить эту любовь съ потокомъ въ

красивомъ сонетѣ: „Могучая неожиданность“.

Изъ мрачныхъ горъ, съ подоблачной вершины,
Потокъ навстрѣчу морю шумно мчится
И—пусть въ волнахъ любое отразится—
Спѣшитъ онъ мимо, чтобъ достичь долины.
Но Ореасъ, *) чтобъ тѣмъ повеселиться,
Вдругъ воздвигаетъ на пути тѣснины;
Покрыты лѣсомъ, встали исполины—
Вода, какъ въ чашѣ: некуда стремиться.
Волна, колеблясь, брыжжетъ, отступаетъ,
Бѣжитъ назадъ, сама себя питая;
Но не сломить преграды той суровой.
И озеро, смиряясь, утихаетъ
И звѣзды, отраженьемъ въ немъ блистая,
Прибою внемлютъ—плеску жизни новой. **)

Любовь Беттины Арнимъ, дѣйствительно, была „улыбкою печальной“ на закатѣ дней маститаго поэта. Онъ ожилъ. Благодаря отвратительной страсти Христины къ вину, семейная жизнь его стала современемъ далеко не идеаломъ счастливаго существованія. Бывали сцены, горькіе упреки; но желаніе поэта поставить жену на высоту семейной добропорядочности наталкивалось всегда на черствое упорство простолюдинки, у которой было много преданности мужу, но мало осмысленнаго отношенія къ нему. Появленіе Беттины не могло не позазаться поэту теплою струею въ холодѣ домашней обстановки и онъ невольно поддался ея очарованію. Къ сожалѣнію, и здѣсь поэта ждало разочарованіе: су-

*) Горная нимфа.

**) Стихотвореніе это, по словамъ біографовъ Гете, написано имъ въ отвѣтъ Беттинѣ, которая описала ему подробно бурю, разразившуюся въ ея присутствіи, и подлинныя слова которой (напримѣръ, „сломанныя деревья, какъ преграды потоку“) употребилъ въ сонетѣ, ибо „въ описанномъ Беттиною явленіи природы увидѣлъ изображеніе того, что онъ ощущалъ въ любви“. Похожій на неудержимо несущійся, стремящійся слиться съ океаномъ потокъ,—нашъ поэтъ уже приближается быстрыми шагами къ старости, когда вдругъ неожиданно появляется на его пути любовь дѣвушки, едва вышедшей изъ дѣтскаго возраста (Беттина). И вотъ разомъ остановленъ бѣгъ потока къ отцу Океану. „Волна, колеблясь, брызжетъ, отступаетъ, бѣжитъ назадъ“... Она вернулась въ свое озеро—„и въ немъ снова отражаются небесныя звѣзды; глубокія чувства юности снова пробуждаются въ груди поэта; для него начинается новая жизнь“. Другіе комментаторы отвергаютъ это объясненіе на счетъ происхожденія сонета. Дюнцеръ, напримѣръ, на основаніи хронологическихъ данныхъ, не допускаетъ связи этого стихотворенія съ письмомъ Беттины и видитъ въ немъ просто „удачную аллегорію любви, насколько эта послѣдняя внезапно творитъ новую чудную жизнь въ неудержимо и неустанно стремящейся впередъ душѣ человѣка“ (Примѣчанія къ стихотвореніямъ Гете въ Собраніи его сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. П. Вейнберга, 2-е изд., т. I стр. 283).

масбродныя выходки Беттины не давали покоя маститому поэту. Ея изъявленія любви были такъ бурны, настойчивы, дики, что должны были переполнить чашу и изъ источника радости превратиться въ источникъ отчаянія. Гете не воспользовался ея невинностью въ первые дни увлеченія, когда не встрѣтилъ-бы съ ея стороны ничего, кромѣ полнаго согласія, и не мало благословлялъ за это судьбу впо-

Беттина въ старости.

слѣдствіи, когда она стала ему въ тягость. Онъ часто уставалъ. Ея бурная страсть нарушала гармонію духа, которую онъ воспиталъ въ себѣ годами труда и размышленія. Происходили ссоры. Однажды,—такъ разсказываетъ сама Беттина,—они были въ веймарской герцогской библіотекѣ, гдѣ недавно былъ поставленъ бюстъ Гете. Поэтъ спросилъ, какого она мнѣнія о бюстѣ. „Да,—отвѣтила Беттина,—видно, что это былъ когда-то красивый мущина“. Гете надулся и

не хотѣлъ смягчиться, хотя Беттина употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы смягчить его. „Ну, въ такомъ случаѣ я буду цѣловать и обнимать холодный камень!“ воскликнула она и нѣжно прильнула къ бюсту.

Гете увѣковѣчилъ этотъ моментъ въ стихотвореніи „Дѣвушка“.

Ты такъ суровъ, мой милый! Ты на диво
Похожъ на бюстъ твой мраморный, холодный,
Отъ жизни, страсти и любви свободный,
И даже онъ глядитъ не такъ строптиво.
Пусть врагъ за щитъ свой прячется пугливо,
Другъ, будь открытъ душою благородной!
Меня ты избѣгаешь? Трудъ безплодный!
Тебя, какъ бюстъ, держу я терпѣливо.
Къ кому жъ изъ двухъ я обращусь? Должна-ли
Страдать я отъ обоихъ въ равной долѣ?
Онъ мертвъ, а ты, хоть живъ, глядишь не живо.
Такъ нѣтъ же! Чтобъ слова не пропадали,
Я буду цѣловать его, доколѣ
Меня не станешь отнимать ревниво! *)

Долго, однако, при такихъ условіяхъ романъ продолжаться не могъ. Бурныя выходки Беттины нарушали олимпійское спокойствіе, къ которому уже привыкъ Гете. Къ этому присоединилась еще ревность жены, косо смотрѣвшей на близость Беттины къ ея мужу. Разрывъ былъ неизбѣженъ. И онъ произошелъ. Пріѣхавъ вторично въ Веймаръ, Беттина пошла съ Христиною на художественную выставку и тамъ сумасбродными выходками вывела жену поэта изъ терпѣнія. Между обѣими женщинами началась ссора, превратившаяся въ грубыя ругательства. Гете заступился за жену и отказалъ Беттинѣ отъ дома. Она не хотѣла подчиниться печальной необходимости и дѣлала все возможное, чтобы удержать за собою расположеніе Гете, но успѣха не имѣла. Вотъ, напримѣръ, одно изъ ея писемъ, на которое Гете обыкновенно не отвѣчалъ (оно послано въ 1821 году): „Съ тобою нужно мнѣ говорить,—не съ тѣмъ, который отвергнулъ меня отъ себя, который не обратилъ вниманія на слезы и не могъ расточать ни проклятія, ни благословленія,—передъ тѣмъ отступаютъ мысли на задній планъ. Съ тобою, геній! Стражъ, зажигатель! Который мощными взмахами часто снова раздувалъ огонь въ провалившейся золѣ, съ тобою, который наслаждался этимъ съ тайнымъ восхищеніемъ, когда

*) Пер. Н. Холодковскаго.

молодой источникъ, шумя и негодуя, проломилъ себѣ путь черезъ скалы къ спокойной бухтѣ у его ногъ, ибо съ меня было довольно охватить твои колѣни. Съ глазу на глазъ! Единая жизнь! Мой восторгъ, проливающійся на тебя! Блаженство быть тобою зримымъ и видѣть тебя! Да, тогдашнее время теперь—сонъ. Молнія воодушевленія быстро уничтожила твою земную ткань и я увидѣла тебя, какимъ ты есть, сыномъ красоты,—теперь это сонъ. Я сама себя—серьезную, спокойную, страшную тайну—положила къ твоимъ ногамъ тебѣ въ жертву, похоронила тихо и глубоко, какъ незрѣлое сѣмя въ своей скорлупѣ. Тобою, твоей прощающею любовью должно оно было зрѣть. Въ каждой непроизвольной ошибкѣ, въ каждомъ грѣхѣ хотѣла я сознаться съ пламенемъ моего сердца, котораго ты не найдешь во второй разъ. Но все это только сонъ. Десять лѣтъ одиночества воздвиглись надъ моей головою и отдѣлили меня отъ источника, изъ котораго я черпала жизнь. Моей послѣдней мыслію было, что придетъ снова время, когда я буду ему принадлежать, ибо на этотъ разъ мысли мои похоронили себя и сердце мое закрылось. Это будущее время, о другъ, вѣетъ надо мною подобно вѣтрамъ пустыни, которые погребли столько существованій подъ легкимъ летучимъ пескомъ, и никакой голосъ не разбудитъ меня вновь, кромѣ твоего. И это также останется только сномъ. Тогда я часто молилась объ одномъ,—чтобы мнѣ пришлось облобызать твое послѣднее дыханіе, потому что мнѣ очень хотѣлось-бы прикоснуться своими губами къ твоей взлетающей душѣ. Да, Гете! Вы, времена уже прошедшія, повернитесь на дальнемъ горизонтѣ еще разъ ко мнѣ. Вы носите картину моей юности, покрытой густой вуалью. Нѣтъ, ты не можешь быть тѣмъ, что ты есть,—твердымъ и холоднымъ подобно камню! Пусть такъ будетъ въ этомъ мірѣ; но тамъ, гдѣ твои пѣсни восходятъ къ престолу, гдѣ ты, ихъ творецъ и творецъ твоего міра, будешь покоиться послѣ того, какъ создашь дѣло своихъ дней,—тамъ дай мнѣ быть съ тобою ради моей любви, внушенной мнѣ хлопотливыми духами болѣе возвышенаго міра подобно тому, какъ медъ прививается дикому плодовому дереву въ пустомъ стволѣ тысячами дѣловитыхъ пчелъ“.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это сумасбродное письмо на Гете, которому уже было поч-

ти семьдесятъ лѣтъ. Онъ не отвѣчалъ на него и оставилъ безъ отвѣта также и другія ея письма. А когда она въ третій разъ пріѣхала въ Веймаръ, онъ не принялъ ее, не смотря на всѣ ея мольбы.

Нелѣпый романъ кончился нелѣпой развязкой.

МИННА ГЕРЦЛИБЪ.

Изслѣдователю вопроса о вліяніи женскаго элемента на творчество Гете невольно приходится отмѣтить, что великій германскій поэтъ какъ бы застраховалъ себя въ глазахъ женщинъ отъ старости. Онѣ его всегда считали молодымъ. Даже въ то время, когда онъ, патріархъ германской поэзіи, стоялъ уже на рубежѣ предѣльнаго человѣческаго возраста, вокругъ него роемъ кружились веселыя женскія существа, какъ бы образуя живой вѣнокъ вокругъ его величавой старости. Съ другой стороны, и онъ находилъ въ себѣ почти до конца дней достаточно силъ и бодрости духа, чтобы отвѣчать достойнымъ образомъ на зазыванія жизнерадостныхъ бабочекъ и, забывъ свои годы, сановитость государственнаго мужа и свое мѣсто въ литературѣ, сбросить съ себя мантію олимпійскаго величія и стать рядомъ съ ними, чтобы принять дѣятельное участіе въ ихъ беззаботномъ хороводѣ.

Одинъ изъ этихъ веселыхъ танцевъ на жизненномъ пиру былъ имъ исполненъ въ обществѣ молодой Минны Герцлибъ, пріемыша книгопродавца Фромана, дѣвушки, полюбившей старика-поэта всѣмъ пыломъ начинающейся молодой жизни и внушившей ему цѣлый рядъ сонетовъ и романъ „Сродство душъ“, въ которомъ, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ подобнаго рода, описаны его чувства и отношенія къ возлюбленной.

Съ Минною Герцлибъ Гете встрѣтился въ Іенѣ. Ему было тогда 58 лѣтъ. Въ своемъ сонетѣ „Ростъ“ онъ разсказываетъ, какъ возникло это знакомство и какъ чувства его къ ней сначала съ оттѣнкомъ родительской любви, потомъ съ характеромъ братской дружбы, превратились въ концѣ концовъ въ пламенную страсть. Это произошло вскорѣ послѣ того, какъ онъ освятилъ свои отношенія къ Христинѣ Вульпіусъ церковнымъ бракомъ. Поэтъ повидимому очень сожалѣлъ о сдѣланномъ, такъ какъ бракъ этотъ отнималъ у него возможность соединиться съ предметомъ

Минна Герцлибъ.

сердца. А соединиться онъ могъ, потому что, не смотря на неравенство лѣтъ (Миннѣ Герцлибъ было всего 19 лѣтъ), молодая дѣвушка отвѣтила старику Гете полной взаимностью. Любовь эта внушала большое опасеніе друзьямъ молодой дѣвушки и поэта и они поспѣшили предупредить серьезныя послѣдствія, отправивъ дѣвушку въ Цооллихау, что дѣйствительно оказалось спасительнымъ средствомъ. Что касается Гете, то онъ повидимому хотѣлъ развестись съ женою, чтобы очистить себѣ дорогу къ Миннѣ, но въ концѣ концовъ отказался отъ этой мысли, такъ какъ высокое

положеніе, занимаемое имъ при веймарскомъ дворѣ, превратило бы разводъ въ неслыханный скандалъ. Чтобы утѣшиться въ этомъ печальномъ положеніи, Гете, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, отдался поэзіи и плодомъ этого, какъ сказано, явился цѣлый рядъ сонетовъ и драматическое произведеніе „Сродство душъ“, въ которомъ Минна выведена подъ именемъ Отиліи. Къ сожалѣнію, не всѣ сонеты Гете переведены на русскій языкъ и, поэтому, приходится воспроизвести только одинъ изъ тѣхъ, которые относятся къ Герцлибъ („Предостереженіе“).

Въ день страшнаго суда, какъ надъ нами
Гласъ трубный грянетъ, мертвыхъ воздвигая,
О каждомъ праздномъ словѣ, не скрывая,
Отвѣтъ дадимъ мы грѣшными устами.
Но что-жъ со всѣми станется словами,
Которыя съ любовью и тоскою
Я расточалъ, мой другъ, передъ тобою,
Коль было все—лишь праздными рѣчами?
Подумай-же и взвѣсь все безусловно,
Мой другъ, пока поправить въ нашей власти,
Чтобъ не случилась страшная невзгода:
Вѣдь, если все я повторю дословно,
Что наболталъ тебѣ въ порывахъ страсти,—
То день суда длиннѣе будетъ года!*)

Романъ съ Гете былъ единственнымъ свѣтлымъ моментомъ въ жизни Минны Герцлибъ. Въ годы изгнанія ей нѣсколько разъ приходилось встрѣчаться съ молодыми людьми, къ которымъ она чувствовала глубокую привязанность и которые отвѣчали ей тѣмъ же; но тѣ или другія причины всегда становились между нею и избранникомъ сердца. Впослѣдствіи она вернулась въ Іену, гдѣ и вышла, 32 лѣтъ отъ роду, замужъ за професора Вальха; но бракъ ея не былъ счастливъ. Любопытно, что и мужъ ея оказался гораздо старше ея на цѣлыхъ 20 лѣтъ. Это былъ большой ученый, но узкій человѣкъ, педантъ, ограниченный умъ и къ тому же необыкновенно некрасивый,—словомъ, полная противоположность самой Герцлибъ. Она нѣсколько разъ ему отказывала, но онъ продолжалъ упорствовать и такъ какъ Минна была бѣдная дѣвушка, а профессоръ занималъ высокое положеніе въ обществѣ и къ тому же былъ весьма состоятеленъ, то въ концѣ концовъ она и дала согласіе.

---

*) Пер. Холодковскаго.

Для бѣдной женщины со вступленіемъ въ бракъ началась ужасная жизнь. Она не выносила мужа и тѣмъ не менѣе принуждена была жить съ нимъ: „Это ужасно,—писала она одному своему другу,—но если я, работая у себя въ комнатѣ, услышу его голосъ въ передней, то начинаю дрожать всѣмъ тѣломъ, хотя бы даже и знала, что онъ ко мнѣ не войдетъ“. Единственнымъ удѣломъ ея были слезы и она ихъ обильно проливала. Гете зналъ, какъ несчастна женщина, которую онъ такъ страстно любилъ, и написалъ ей стихотвореніе: „Утѣшеніе въ слезахъ“, которое такъ гармонировало съ ея настроеніемъ.

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ.
Въ твоихъ глазахъ печали слѣдъ:
Ты, вѣрно, плакалъ, другъ?

„О чемъ грущу, то въ сердце мнѣ
Запало глубоко.
А слезы... слезы въ сладость намъ:
Отъ нихъ душѣ легко“.

Къ тебѣ ласкаются друзья—
Ихъ ласки не дичись;
И что-бы ни утратилъ ты,
Утратой подѣлись.

„Какъ вамъ, счастливцамъ, то понять,
Что понялъ я тоской?
О чемъ... Но нѣтъ; оно мое,
Хотя и не со мной“.

Не унывай же, ободрись:
Еще ты въ цвѣтѣ лѣтъ
Ищи—найдешь: отважнымъ, другъ,
Несбыточнаго нѣтъ.

„Увы, напрасныя слова!
Найдешь—сказать легко...
Мнѣ до него, какъ до звѣзды
Небесной, далеко“.

На что-жъ искать далекихъ звѣздъ?
Для неба—ихъ краса.
Любуйся ими въ ясну ночь,
Не мысля въ небеса.

„Ахъ, я любуюсь въ ясный день—
Нѣтъ силъ и глазъ отвесть;
А ночью... ночью плакать мнѣ,
Покуда слезы есть“. *)

Эту пѣсню несчастная Минна Герцлибъ всегда пѣла

*) Пер. В. Жуковскаго.

про себя. Въ концѣ концовъ она покинула мужа. Но разлука съ нелюбимымъ человѣкомъ не дала ей счастья. Ее мучила совѣсть. Ей казалось, что она совершила большое преступленіе, выйдя за человѣка, съ которымъ не могла жить. Постоянныя тревоги, тоска, отсутствіе надежды на лучшее будущее, раскаяніе сдѣлали то, что она сошла съ ума и умерла въ домѣ умалишенныхъ.

Гете поставилъ ей нетлѣнный памятникъ: онъ изобразилъ ее въ „Сродствѣ душъ“, о которомъ самъ говоритъ: «Въ этомъ романѣ высказалось сердце, болящее глубокою, страшною раною и въ то же время боящееся выздоровленія, боящееся заживленія этой раны. Тутъ, какъ въ погребальной урнѣ, я схоронилъ съ глубокимъ волненіемъ много грустнаго, много пережитаго. 3 октября 1809 года я совсѣмъ сдалъ романъ съ рукъ, но не могъ при этомъ совершенно освободиться отъ чувствъ, его породившихъ».

МАРІАННА ВИЛЛЕМЕРЪ.

Любовью къ несчастной Минѣ Герцлибъ не кончились сердечныя тревоги Гете. Черезъ пять лѣтъ, т. е. когда поэту было шестьдесятъ пять лѣтъ, онъ встрѣтился съ очаровательною женою банкира Виллемера, Маріанною, и оба тотчасъ же полюбили другъ друга до того сильно, что, читая теперь, черезъ много лѣтъ, стихотворныя изліянія Гете и такіе же отвѣты его возлюбленной, совершенно забываешь огромную разницу въ лѣтахъ обоихъ. Такъ и кажется, что передъ нами два совершенно молодыхъ человѣка, въ прошломъ которыхъ не записано еще ни одной страсти и которые спѣшатъ насладиться новооткрывшимся для нихъ счастіемъ возможно сильнѣе и полнѣе.

Впрочемъ, Маріанна могла увлечь и не одного Гете. Во-первыхъ, она была необыкновенно красива, а во-вторыхъ, она обладала артистической натурой и привлекательнымъ характеромъ, производя чарующее впечатлѣніе на всѣхъ, съ кѣмъ бы ее ни сталкивала судьба. Къ тому же она была артистка (первое время) и поэтесса, произведенія которой цѣнились до того высоко Вольфганомъ, что онъ ихъ помѣ-

Маріанна Виллемеръ.

стилъ въ своемъ „Западно-восточномъ Диванѣ“—великолѣпномъ произведеніи, въ которомъ удивительнымъ образомъ сплелись европейскіе и восточные мотивы. Кстати сказать, само это произведеніе врядъ-ли когда либо появилось бы на свѣтъ, еслибы Гете не встрѣтился съ Маріанною. Ей онъ посвятилъ свой „Диванъ“ или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ стихотвореній, соединенныхъ подъ общимъ заголовкомъ, и ее же вывелъ подъ именемъ Зюлейки, часто встрѣчающимся

въ этихъ стихотвореніяхъ, а себя подъ именемъ Гатема. Вотъ одно изъ нихъ, озаглавленное: „Къ Зюлейкѣ“.

Случай—не союзникъ вора,
Самъ онъ всѣхъ воровъ хитрѣй!
Всю любовь укралъ онъ скоро,
Что жила въ душѣ моей.
И весь даръ мой заповѣдный
Онъ вручилъ тебѣ—владѣй!
И съ тѣхъ поръ живу я, бѣдный,
Только милостью твоей.
Но въ очахъ твоихъ прекрасныхъ
Блещетъ жалость ужъ къ рабу,
Я жъ въ твоихъ объятьяхъ страстныхъ
Вновь хвалю свою судьбу. *)

Маріанна отвѣтила на это стихотвореніемъ, которое Гете помѣстилъ тотчасъ же рядомъ со своимъ. Оно озаглавлено: „Зюлейка Гатему“,

Нѣтъ, ты мой—и мой навѣчно.
Отъ любви любовь крѣпка:
Прелесть страсти, другъ сердечный,
Краше перстня и вѣнка.
Гордо я подъемлю брови
Отъ твоихъ высокихъ думъ:
Бытіе мое въ любови,
А душа любови—умъ. **)

Маріанна писала ему подъ особымъ шифромъ, который былъ извѣстенъ только Гете. Поэтъ отвѣчалъ ей такимъ же образомъ. Одно изъ стихотвореній, посланныхъ Маріанною престарѣлому предмету своего сердца въ шифрованной формѣ, дышетъ необычайной страстью.

Dich zu eröffnen
Mein Herz verlangt mich.
Kraft hab ich keine,
Als ihn zu lieben.
So recht im Stillen,
Was soll das werden?
Will ihn umarmen
Und kann es nicht ***).

За мѣсяцъ до своей смерти Гете отослалъ Маріаннѣ ея письма и стихи, въ числѣ которыхъ было стихотвореніе «Къ западному вѣтру». Въ этомъ стихотвореніи жена банкира Виллемера восклицала:

---

*) Пер. Н. Холодковскаго.

**) Пер. Бестужева.

***) Сердце мое жаждетъ тебѣ открыться. Я ничего не въ состояніи дѣлать, какъ только любить его въ полной тишинѣ. Чѣмъ это кончится? Я хочу обнять его и не могу.

Sag ihm, aber sag's bescheiden:
Seine Liebe sei mein Leben. *)

Отсылая своей возлюбленной ея стихотворенія и письма, Гете, конечно, хотѣлъ скрыть отъ современниковъ и потомства любовь молодой женщины, не имѣвшей на нее права въ силу обѣта, который она дала мужу у алтаря церкви; но Гете былъ слишкомъ великъ, чтобы тайна его

Маріанна Виллемеръ.

сердца осталась дѣйствительной тайною, и западный вѣтеръ, къ которому Маріанна обращалась съ просьбою тихонько разсказать поэту о ея любви, разболталъ эту тайну на весь цивилизованный міръ и сдѣлалъ ее достояніемъ исторіи.

Любовь Гете къ Маріаннѣ осталась платоническою, тѣмъ болѣе что мужъ Маріанны вскорѣ уѣхалъ изъ Веймара, и влюбленнымъ пришлось разстатся навсегда.

---

*) Скажи ему, но тихонько, что въ его любви моя жизнь.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ ГЕТЕ.

Современники Гете, которымъ были извѣстны его сердечныя слабости, знали, что онъ и въ могилу сойдетъ съ пѣснею любви на устахъ. И дѣйствительно, уже будучи семидесяти пяти лѣтъ отъ роду, онъ, какъ юноша, влюбился въ восемнадцатилѣтнюю Ульрику Левецовъ.

Это была замѣчательная во многихъ отношеніяхъ любовь. Ничего нѣтъ удивительнаго, если старикъ влюбляется въ молодую дѣвушку; не удивительно также, если молодая дѣвушка рѣшается выйти за старика, прельщенная блестящей перспективою. Но странно, даже невѣроятно, если молодая дѣвушка, почти ребенокъ, искренно влюбится въ преклоннаго старика, у котораго нѣтъ самаго существеннаго для взаимнаго счастія—будущаго. Между тѣмъ Ульрика полюбила старика Гете искренней, пылкой любовью, не изсякшей въ ея душѣ въ теченіи многихъ - многихъ лѣтъ и послѣ кончины Гете - -до самой смерти Ульрики.

Любовь Гете и Ульрики фонъ-Левецовъ замѣчательна еще тѣмъ, что Ульрика, отличавшаяся необыкновенной продолжительностью жизни (она прожила 96 лѣтъ), почти до послѣднихъ дней девятнадцатаго столѣтія сохранила живую память о величайшемъ поэтѣ всѣхъ временъ и народовъ. Почти легендою дышатъ подробности, проникавшія иногда въ печать изъ уединеннаго замка въ Чехіи, пріютившаго въ своихъ стѣнахъ послѣдній предметъ любви Гете. Ульрика умерла въ 1898 году, донеся до могилы не умиравшее воспоминаніе о геніальномъ человѣкѣ, который едва не сдѣлался ея мужемъ. Что думала она въ грустные годы преклонной старости, мысленно уходя назадъ къ далекимъ, почти сказочнымъ временамъ, когда орелъ германской поэзіи остановилъ на ней свои проницательные взоры, готовясь унести ее на старыхъ, но все еще сильныхъ крыльяхъ увлеченія? Она ни за кого не вышла замужъ, потому что развѣ можно было найти человѣка, который былъ бы въ

состояніи занять въ ея сердцѣ мѣсто, принадлежавшее когда-то Гете? Онъ былъ старъ, но она помнила, что Гете все еще отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Тѣло его было стройно и упруго, по лбу не протянулось ни одной морщины, на головѣ не было и признака плѣши, а глаза сверкали ослѣпительнымъ блескомъ. Ульрика помнила, что у нихъ уже все было условлено, что не доставало только

Ульрика Левецовъ, послѣдняя любовь Гете.

формальнаго акта—женитьбы, но что пришли друзья и пріятели и возстали противъ этого „неестественнаго“ брака, который въ глазахъ общества могъ-бы показаться смѣшнымъ. Неестественный? Смѣшной? Но почему ея юное сердце такъ страстно пламенѣло тогда, охваченное нѣгой и блаженствомъ? Почему проходила она мимо сотенъ бодрыхъ и сильныхъ молодыхъ людей, сулившихъ ей много лѣтъ взаимнаго счастія, и остановила вниманіе на немъ, только на

немъ, съ его орлиными, никогда не потухавшими глазами, съ его сѣдой, но красивой, какъ бы выточенной изъ мрамора головой?

Гете стоило много усилій, чтобы преодолѣть свою любовь и покинуть Ульрику. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его удивительныя элегіи, посвященныя Ульрикѣ, главнымъ образомъ „Маріенбадская элегія“.

Was soll ich nun vom Wiedersehen hoffen,
Von dieses Tages noch geschlossner Blüthe?

Ему это было тѣмъ болѣе трудно, что великій герцогъ веймарскій Карлъ-Августъ, его другъ и покровитель, уже имѣлъ, невѣдомо для Гете, разговоръ съ матерью Ульрики, обѣщая подарить ея дочери домъ и первое мѣсто въ веймарскомъ обществѣ, если она выйдетъ за Гете. Мать послѣ этого говорила съ дочерью, которая, конечно, дала полное согласіе. Бракъ, однако, все таки разстроился, потому что сильны предразсудки и бракъ между семидесятипятилѣтнимъ старикомъ и восемнадцатилѣтнею дѣвушкою считался неестественнымъ. Современники Гете не понимали, что не преклонный старикъ хотѣлъ сдѣлать Ульрику своею женою. Это былъ Гете, великій германскій олимпіецъ, который, какъ и боги древняго Олимпа, никогда не старѣлся, никогда не дряхлѣлъ, потому что самъ былъ богомъ.

Не хотѣлось бы разстаться съ Гете, не приведя анекдота, который обошелъ всю германскую печать во время недавняго празднованія 150-лѣтней годовщины со дня рожденія Гете. Знаменитая итальянская пѣвица Анжелика Каталани, гремѣвшая въ началѣ текущаго столѣтія по всей Европѣ, благодаря удивительной колоратурѣ и силѣ голоса, не имѣла ни малѣйшаго понятія о литературѣ. Однажды ей пришлось сидѣть на обѣдѣ при веймарскомъ дворѣ рядомъ съ Гете. Она не прочла ни единой строки изъ его произведеній и даже не знала, кто такой Гете; но величественная наружность и уваженіе, съ которымъ всѣ относились къ нему за столомъ, невольно обратили ея вниманіе и она спросила сосѣда по другую руку, кто это сидитъ съ нею рядомъ.

— Сударыня,—отвѣтилъ ей сосѣдъ,—это знаменитый Гете.

— Скажите, пожалуйста, на какомъ инструментѣ онъ играетъ?

— Онъ не музыкантъ, сударыня, а авторъ „Страданій Вертера“.

— Ахъ, да, да,—отвѣчала Каталани,—вспоминаю!

И она обратилась къ Гете:

— Вы не можете себѣ представить, какая я поклонница Вертера.

Ульрика Левецовъ въ кругу своей семьи.

— Гете слегка поклонился въ знакъ благодарности.

— Никогда еще въ жизни,—продолжала веселая пѣвица,—ни одно произведеніе не заставляло меня такъ искренно смѣяться. Это—великолѣпный фарсъ!

— Виноватъ,—сказалъ удивленный поэтъ,—„Страданія Вертера“—фарсъ?

— Говорю же вамъ, что никогда еще не смѣялась такъ

искренно, какъ тогда. И теперь еще мнѣ хочется смѣяться, когда вспомню.

Дѣло выяснилось. Оказалось, что Каталани видѣла на сценѣ одного парижскаго театра пародію на романъ „Страданія Вертера“, въ которой сантиментальность гетевскихъ героевъ была выставлена въ смѣшномъ свѣтѣ. Гете былъ очень огорченъ и весь вечеръ не могъ избавиться отъ дурного впечатлѣнія.

Только просмотрѣвъ длинную галлерею женщинъ, игравшихъ роль въ жизни Гете, можно понять истинный характеръ многихъ его произведеній, а также познакомиться съ идеаломъ женщины вообще у олимпійца германской поэзіи. Гете творилъ, потому что любилъ. Каждая страсть, каждое увлеченіе будили его поэтическій геній и съ лиры поэта срывались чарующіе звуки. Можно сказать, что вся вообще поэтическая дѣятельность Гете представляетъ результатъ длиннаго ряда женскихъ вліяній—хорошихъ и дурныхъ, пріятныхъ и непріятныхъ, глубокихъ и поверхностныхъ, долгихъ и кратковременныхъ. При желаніи можно было-бы прослѣдить это вліяніе по всѣмъ произведеніямъ Гете, гдѣ оно пробѣгаетъ тончайшей паутиною, неуловимою для посторонняго читателя, но ясно замѣтною для посвященнаго глаза. Съ этой стороны творчество великаго поэта появляется въ совершенно новомъ свѣтѣ: по крайней мѣрѣ, при чтеніи его произведеній невольно возникаютъ въ памяти живые образы героинь, игравшихъ ту или другую роль въ жизни олимпійца германской поэзіи, начиная со свѣтлой фигуры его матери, продолжая скромной Фридерикою или Шарлоттою Штейнъ и кончая невѣсткою поэта Оттиліею, принявшею его послѣдній вздохъ и подслушавшею въ послѣднюю минуту его знаменитое восклицаніе: «Больше свѣта!»

Любопытно, однако, отмѣтить, что дѣвушки и женщины, съ которыми встрѣчался Гете, далеко не соотвѣтствовали кругу его идей, а иногда даже просто не были въ состояніи даже познакомиться съ его произведеніями, вслѣдствіе низкаго уровня развитія. О высокомъ умѣ, о блестящихъ способностяхъ, о талантахъ и говорить нечего. Впрочемъ, самъ Гете въ женщинѣ прежде всего цѣнилъ хозяйку дома, подругу для мужа и мать для дѣтей. Въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать „вѣчно-женственное“, о

которомъ онъ говоритъ въ „Фаустѣ“ и которое красной нитью проходитъ по всѣмъ его произведеніямъ. Въ „Посланіи“, написанномъ въ 1794 г., онъ даже прямо высказывается противъ образованія женщинъ.

Ты говоришь: „Какъ умѣетъ,
Пусть тамъ справляется съ жизнью и съ чтеніемъ книжекъ толпа!“
Но ты подумай: дѣвицы есть, дочери юныя въ домѣ:
Ихъ-то знакомить со зломъ, вольнодумецъ-писатель, зачѣмъ? *)

Невѣстка Гете, Оттилія, на рукахъ которой умеръ поэтъ.

И затѣмъ Гете переходитъ къ перечисленію занятій, которымъ, по его мнѣнію, должны посвящать себя дѣвушки въ домѣ. Старшей изъ нихъ онъ совѣтуетъ дать ключъ отъ погреба, чтобы

заботу имѣла
Только о винахъ отцовскихъ, когда съ виноградника прямо
Иль отъ купца, принесенныя тѣсно, наполнятъ они
Погребъ съ широкими сводами. Дѣла ей будетъ не мало,
Если держать въ чистотѣ и порядкѣ захочетъ ряды
Бочекъ пустыхъ и бутылокъ.

*) Пер. А. Яхонтова.

Неутомимо потомъ она черпаетъ и наполняетъ
Всѣ бутылки, чтобъ полный янтарной игрою напитокъ
Всѣхъ оживлялъ за веселымъ и гостепріимнымъ столомъ.

Другой дѣвушкѣ въ домѣ онъ совѣтуетъ предоставить кухню—готовить „вкусный обѣдъ каждый день такъ, чтобъ при томъ для кармана не слишкомъ было тяжело". Ранней весною она должна заботиться о цыплятахъ или о кормленіи гогочущихъ утокъ, а лѣтомъ въ огородѣ помышлять о запасахъ на зиму.

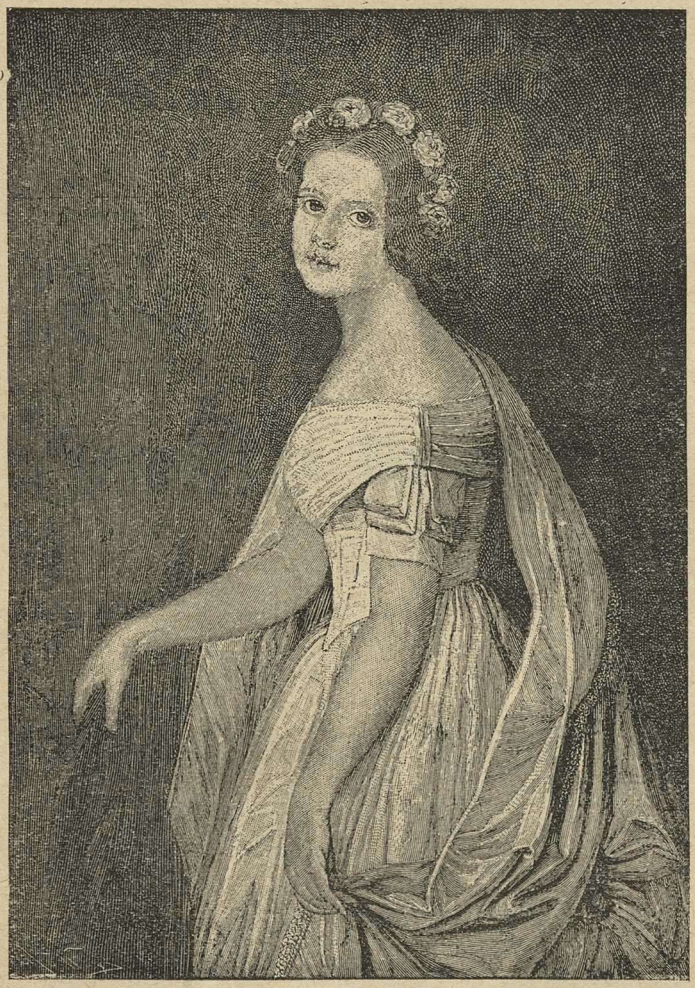
Такъ занята всегда дѣвушка; тихо домашнія зрѣютъ
Въ ней добродѣтели, чтобы потомъ осчастливить супруга.
Если-жъ читать, наконецъ, пожелаетъ,—навѣрно, возьметъ
Книгу о кухонномъ дѣлѣ, какихъ ежегодно усердно
Пѣлыя сотни пекутъ типографскіе наши станки.

Третьей сестрѣ Гете совѣтуетъ завѣдывать садомъ, „который, конечно, не обреченъ лишь на то, чтобы сыростью домъ окружать". Если есть еще дочери, которыя любятъ сидѣть за женской работою, то еще лучше: для иголки всегда найдется въ домѣ работа. Однако, имъ нельзя забывать и развлеченій.

Между тѣмъ какъ шитье,
Штопанье, стирка и глаженье все умножаются въ домѣ,
Дѣвушкѣ любо порою въ аркадски опрятной одеждѣ
Съ сотнями складокъ гулять, бѣлой юбкой и шлейфомъ своимъ
Улицу, садъ подметая, иль, въ залѣ кружась танцовальной,
Пыль поднимать. Не шутя, если-бъ въ домѣ моемъ родовомъ
Съ дюжину было дѣвицъ, никогда-бы найдти имъ работу
Не затруднился-бъ я—сами ее измышляютъ онѣ—
И ни одной тогда книгѣ, въ теченіе цѣлаго года,
Черезъ порогъ мой, конечно, не удалось бы пройдти.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что въ жизни Гете не играла выдающейся роли ни одна женщина, отличавшаяся широкимъ образованіемъ и склонностью къ умственному труду. Большинство его возлюбленныхъ—простушки и имъ главнымъ образомъ посвящены возвышеннѣйшія строфы его стихотвореній. Истинный грекъ въ душѣ, Гете радовался жизни и пилъ изъ полной чаши наслажденій, избѣгая всего, что можетъ внести горечь въ его оживляющій напитокъ. Этимъ объясняется обиліе женщинъ, встрѣтившихся на его жизненномъ пути, и тому же, можетъ быть, приходится приписать необыкновенное богатство красокъ, разсыпанныхъ въ его произведеніяхъ. Можно сказать

съ увѣреностью, что поэзія и любовь шли рядомъ у Гете и обусловливали другъ друга. Недаромъ самъ поэтъ сказалъ о себѣ въ одной изъ своихъ „Римскихъ элегій“:



Внучка Гете—Альма.

Доброе имя мнѣ трудно сберечь: я знаю, съ Амуромъ,
Нѣжнымъ владыкой моимъ, слава враждуетъ давно. *)

*) Пер. Холодковскаго.

II.

Фридрихъ Шиллеръ,

ФРИДРИХЪ ШИЛЛЕРЪ.

ФРИДРИХЪ ШИЛЛЕРЪ *)

Въ исторіи литературы Гете и Шиллеръ навсегда останутся близнецами. Они жили въ одно время, увлекались одними идеалами и находились на одной высотѣ творческаго полета. Правда, дѣятельность того и другого представляла противоположные полюсы германскаго духа того времени; но въ этомъ именно и обнаружилось единство обоихъ поэтовъ. Какъ у древняго Януса, у литературы разрозненной Германіи конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтій были два лица: одно суровое и строгое, съ широко открытыми глазами, уходящими въ глубь земныхъ вещей; другое—свѣтлое и возвышенное, съ отуманеннымъ влагою взоромъ, устремленнымъ въ безконечность небеснаго простора.

Въ одномъ только расходились Гете и Шиллеръ: счастіе ихъ было не одинаковое. Въ то время, какъ Гете, этотъ баловень судьбы, пользовался всѣми благами жизни, довольный и счастливый, не зная тревогъ, не имѣя даже смутнаго понятія о томъ, что такое борьба за существованіе,—Шиллеръ велъ жизнь жалкаго горемыки, нуждался, трепеталъ

*) Пособія: Ludwig Bellermann. Schiller. Leipzig, Berlin und Wien, 1901. —Julius Burggraf. Schillers Frauengestalten. Zweite Auflage. Stuttgart 1900,—І. Шерръ. Шиллеръ и его время (М. 1875 г.), а также нѣкоторыя изъ книгъ, послужившихъ пособіями для главы о Гете, статьи иностранныхъ журналовъ и др.

за завтрашній день и въ концѣ концовъ принужденъ былъ покинуть родину, гдѣ ему пришлось вести тяжелое существованіе неудачника. Даже послѣ того, какъ цѣною долгихъ трудовъ и лишеній ему удалось подняться на головокружительную высоту творческаго генія, ему предложили въ награду профессуру безъ жалованья! Поэтъ-идеалистъ имѣлъ полное право воскликнуть въ своемъ стихотвореніи „Счастье“:

Блаженъ, кто богами, еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ,
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца!
Великій божественный жребій счастливца постигнулъ;
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ,
Любимецъ Хариты плѣняетъ, труда не пріемля.
Великимъ да будетъ, кто собственной силы созданье,
Душою превыше и тайныя Парки и рока;
Но счастье и грацій улыбка не силѣ подвластны.

Тяжела и мелочна была обстановка, въ которой родился Шиллеръ. Тяжело и мелочно было время, въ которое ему пришлось впитать въ себя первыя впечатлѣнія бытія. Была грозная пора просвѣщеннаго абсолютизма, охватившаго тогда всю Европу, не исключая даже такихъ ничтожныхъ государствъ, какъ виртембергское герцогство, во главѣ котораго находился развращенный деспотъ съ ногъ до головы—Карлъ-Евгеній. Гнетъ былъ наслыханный. Благородные люди за одно неосторожное слово бросались въ тюрьмы, гдѣ оставались долгіе годы, не зная даже, въ чемъ они провинились. Люди цѣлыми партіями продавались въ Америку. При дворѣ царили блескъ и роскошь—грустная копія съ великолѣпнаго, но отживавшаго свой вѣкъ версальскаго двора. Могъ ли правильно развиться при такихъ условіяхъ благородный поэтическій цвѣтокъ, случайно упавшій на эту каменистую почву? Между тѣмъ Шиллеру нужно было развиваться подъ непосредственнымъ вліяніемъ герцога. Онъ находился въ близкомъ общеніи съ нимъ, долженъ былъ переносить тяжесть его деспотической ферулы, долженъ былъ унижаться, льстить,—онъ, который вѣчно грезилъ о благородствѣ душъ, о возвышенномъ строѣ жизни, о братствѣ, равенствѣ, свободѣ, какъ чистыхъ идеяхъ! Это было великое несчастіе не для одного Шиллера: оно было несчастіемъ и для всемірной литературы, у которой насильно отрывали одного изъ первенцевъ, собиравшагося унести съ собою весь міръ въ безмятежныя высоты идеала.

Нужно ли говорить, что такой поэтъ-несчастливецъ не могъ быть особенно счастливъ и въ отношеніяхъ къ женщинамъ? Какая противоположность въ этомъ отношеніи съ Гете! Великій олимпіецъ германской письменности не зналъ, что у розы существуютъ шипы. Между нимъ и предметомъ его страсти никогда не возникало преграды, кромѣ его собственной совѣсти, приказывавшей часто останавливаться тамъ, гдѣ остановка болѣе всего соотвѣтствовала требованію долга и чувству добропорядочности. Какъ Цезарь, Гете могъ относительно каждой красавицы, встрѣчавшейся ему на пути, сказать: „Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“. Куда могъ „приходить“ злосчастный Шиллеръ, этотъ пасынокъ своей родины, на которой онъ не испыталъ ничего, кромѣ жестокой борьбы и гоненій? Кого могъ онъ „видѣть“ въ своемъ мрачномъ углу, гдѣ нужда свила себѣ теплое гнѣздо со всѣми ея прелестями—болѣзнями, тоской, отчаяніемъ? И кого, наконецъ, могъ «побѣждать» этотъ рыцарь идеала, вѣчно бесѣдовавшій со своей томной музою, у которой были блѣдные глаза и безкровныя щеки? Недаромъ грустной ироніей и тайной завистью вѣетъ отъ немногихъ строкъ его «Идеаловъ», въ которыхъ поэтъ явно намекаетъ на Гете:

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ея воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ счастія ключомъ,
И слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ истины лучомъ. *)

*) Пер. Жуковскаго.

ЛАУРА И МИННА.

Не смотря, однако, на суровую обстановку, поэтъ, обладавшій тонкими нервами и впечатлительной душой, не могъ не чувствовать инстинктивнаго влеченія къ тому, что вѣчно прекрасно, потому что вѣчно женственно. Квартира его состояла изъ одной комнаты, одинъ уголъ которой былъ занятъ экземплярами «Разбойниковъ», незадолго передъ тѣмъ имъ изданныхъ, а другой заваленъ тарелками, вилками, ножами, бутылками и картофелемъ—главнымъ, а иногда единственнымъ предметомъ его питанія; но въ душѣ его невольно пробуждались смутныя чувства, говорившія ему о другомъ мірѣ. Шиллеръ часто грезилъ. И въ его воображеніи противъ воли возникали дивные образы, проходили длинныя вереницы красивыхъ женщинъ съ божественными формами и наивными лицами. Онѣ носились веселымъ вихремъ передъ его духовнымъ взоромъ, онѣ пѣли ему райскія пѣсни о блаженныхъ садахъ, гдѣ нѣтъ ни заботъ, ни нужды, ни горя, гдѣ вѣчной зеленью одѣлись деревья и по тѣнистымъ аллеямъ блуждаютъ счастливыя пары, невидимыя для свѣта съ его черствой моралью и засушенными или засохшими взглядами на жизнь.

Къ этой именно порѣ жизни Шиллера и относятся всѣ удивительныя стихотворенія его, посвященныя Лаурѣ. Кто была эта Лаура? Долго рылись біографы надъ разысканіемъ таинственной красавицы, которой цивилизованное человѣчество обязано невянущими цвѣтами поэзіи, и, наконецъ, пришли къ заключенію, что это была Лаура Петрарки, Лаура, которая живетъ и до сихъ поръ въ памятникѣ, изваянномъ ей изъ великолѣпныхъ сонетовъ флорентинскимъ поэтомъ! Ей именно посвящалъ Шиллеръ свои юные восторги, съ нею, жившею до него за нѣсколько сотъ лѣтъ, дѣлилъ онъ грустныя думы своего одиночества, во мракѣ безмолвной ночи или въ блѣдные сумерки чуть брезжущаго утра.

Въ то время, когда Шиллеръ писалъ этотъ удивительный циклъ стихотвореній, посвященныхъ Лаурѣ, онъ жилъ

Вильгельмина Андреа, предполагаемая „Лаура“ Шиллера.

въ Штутгартѣ, въ меблированной комнатѣ у нѣкоей Луизы-Доротеи Вишеръ, смазливой блондинки, вдовы одного ка-

питана. Вишеръ любила кокетничать со своими жильцами и впослѣдствіи едва не бѣжала съ однимъ молодымъ студентомъ въ Вѣну. Очень можетъ быть, что образъ этой женщины витали передъ глазами Шиллера, когда сердце его особенно настойчиво начинало требовать женскихъ ласкъ; но что она не была первообразомъ Лауры, считается несомнѣннымъ.

Есть, впрочемъ, предположеніе, что Лаурою была не сама Вишеръ, а ея племянница, очаровательная Вильгельмина Андреа. У отца ея, д-ра Якова-Эбергардта Андреа, было семь дочерей и всѣ онѣ отличались умомъ и красотою; но самою выдающеюся изъ нихъ была несомнѣнно Вильгельмина, служившая предметомъ восторговъ не для одного Шиллера. И другіе поэты, извѣстные въ то время, какъ, напримѣръ, Стейдлинъ, Концъ и Рейнгардъ, воспѣвали ее на всѣ лады. Бѣгство поэта изъ родного города, къ которому поэтъ долженъ былъ прибѣгнуть, вынужденный суровой обстановкою, заставило Шиллера разстаться съ очаровательною дѣвушкою, послуживъ въ то-же время причиною того, что только что начавшемуся роману между молодымъ поэтомъ и Вильгельминою не суждено было кончиться благопріятно для Шиллера: мать Вильгельмины, вдова, находясь въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, отдала руку своей дочери состоятельному чиновнику. Шиллеръ узналъ о выходѣ замужъ Вильгельмины на чужбинѣ и оплакалъ это событіе впослѣдствіи въ глубокопрочувствованномъ стихотвореніи „Примиреніе“:

Ты самъ нашелъ въ надеждѣ утѣшенье,
А вѣра счастіе даетъ.
Проси всѣхъ мудрецовъ рѣшить сомнѣнье,
Но знай—того, что унесло мгновенье,
Того вся вѣчность не вернетъ. *)

Какъ ни правдоподобно, однако, предположеніе, что подъ Лаурою Шиллеръ имѣлъ въ виду Вильгельмину Андреа,—позднѣйшіе изслѣдователи отказались отъ него. Въ то время, когда Шиллеръ писалъ свой циклъ стихотвореній, посвященныхъ Лаурѣ, мысль его слишкомъ высоко парила, чтобы привязаться на время къ чему либо земному. Шиллеръ жилъ тогда, дѣйствительно, въ эонахъ, о которыхъ онъ говоритъ

*) Пер. Д. Цертелева.

въ „Тайнахъ Воспоминанія“, и реальная женщина изъ грубой современности внесла-бы несомнѣнно диссонансъ въ его восторженное настроеніе. Ему нуженъ былъ образъ болѣе возвышенный, болѣе обаятельный—вѣчный. И онъ остановился на Лаурѣ, опоэтизированной Петраркою, божественные сонеты котораго какъ бы сняли съ нея шелуху современности. И по мѣрѣ того, какъ поэтъ проникался образомъ средневѣковой красавицы, мысль его, подогрѣтая поэтическимъ воображеніемъ, начала облекать ее въ реальныя формы, и она вдругъ предстала передъ нимъ въ видѣ женщины, потерявшей обликъ поэтической фикціи и превратившейся въ реальное существо, связанное несомнѣнными узами съ самимъ поэтомъ. Этому особенно способствовало то обстоятельство, что Шиллеръ увлекался въ то время ученіемъ Платона. Какъ и Платонъ, онъ доказывалъ, что все, существующее теперь, существовало также всегда, хотя и въ безплотной формѣ душъ, составлявшихъ въ небесныхъ эмпиреяхъ нераздѣльное цѣлое.

Да, мы были—внутренно была ты
Въ тѣхъ эонахъ (имъ же нѣтъ возврата)
Связана со мною... *)

Идеалистъ-Шиллеръ не могъ не увлекаться ученіемъ Платона и въ особенности, восхитительнымъ древнегреческимъ миѳомъ, по которому мущина и женщина составляли когда-то единое существо. Зевсъ разрубилъ это существо на двѣ части, которыя, однако, продолжаютъ стремиться другъ къ другу, чтобы снова составить одно цѣлое. Въ этомъ пунктѣ Шиллеръ сблизилъ свое ученіе о любви съ ученіемъ о всемірномъ тяготѣніи, отождествивъ оба начала и найдя для обоихъ одинъ и тотъ же источникъ въ безсознательномъ стремленіи вещей къ взаимному сцѣпленію и сліянію. Любовь, по идеямъ Шиллера, не земное чувство и не случайное явленіе, а проявленіе силы, проникающей все во вселенной и составляющей его основу. Обобщая ученіе Эмпедокла, по воззрѣніямъ котораго любовь группируетъ и соединяетъ разрозненные элементы первобытнаго хаоса, Шиллеръ доказывалъ, что сила эта имѣетъ также и этическій характеръ, что она соединяетъ не только грубые элементы, но и души, блуждающія разрозненно

*) „Тайна Воспоминанія“ (Лаурѣ), пер. А. Григорьева.

во мракѣ, и ведетъ ихъ къ совершенству. Воззрѣніе это сблизило поэта съ шотландскимъ философомъ Фергюссономъ, который въ своей философіи морали также считаетъ любовь руководящимъ факторомъ всего существующаго. И оттого-то получаетъ такой мистическо-привлекательный характеръ стихотвореніе „Тайна Воспоминанія“, посвященное Шиллеромъ все той же таинственной Лаурѣ, которая въ его воображеніи является воплощеніемъ всего высокоженственнаго:

Плачь, Лаура, Бога въ насъ не стало.
Мы — обломки дивнаго начала.
И не зная удовлетворенья,
Ненасытно въ насъ живетъ влеченье,
Къ Божеству стремленье.

Отъ того-то вся преданность счастью —
Вѣчно льнуть къ устамъ съ безумной страстью.
Эта жажда пить твое дыханье,
Слить съ твоимъ свое существованье
Въ вѣчное лобзанье.

Отъ того-то, какъ рабы, охотно
Отдаваясь власти безотчетно,
Силы духа быстрой чередою
Черезъ жизни мостъ бѣгутъ съ тобою
Жизнью жить одною.

Отъ того, владыку оставляя,
У тебя во взглядѣ память рая
Обрѣли — и, тяжкій гнетъ проклятья
Позабывъ, сливаются въ объятья
Вновь они, какъ братья.

Ты сама... пускай глаза сокрыты,
Но горятъ зарей твои ланиты...
Мы родные: изъ страны изгнанья
Въ край родной летимъ мы въ мигъ слiянья
Въ пламени лобзанья.*)

Первоначально взглядъ свой на любовь Шиллеръ высказалъ еще въ то время, когда ему было всего 19 лѣтъ. Онъ сидѣлъ на ученической скамьѣ и въ произнесенной имъ въ то время торжественной рѣчи „О добродѣтели и ея послѣдствіяхъ“ выставилъ своимъ главнымъ тезисомъ, что любовь объединяетъ духовный міръ такъ же, какъ сила тяготѣнія соединяетъ элементы реальнаго міра. Впослѣдствіи онъ еще болѣе развилъ свое ученіе въ теософіи Юлія, главнымъ образомъ въ главѣ: „Любовь“. Когда „чистый солнечный свѣтъ прояснилъ всѣ его понятія“, Юлій понялъ, что

*) Пер. Аполлона Григорьева.

любовь является „прекраснѣйшимъ феноменомъ одушевленнаго творенія, всемогущимъ магнитомъ духовнаго міра, источникомъ благоговѣнія и возвышеннѣйшихъ добродѣтелей“. Въ области поэтическаго вдохновенія этотъ взглядъ Шиллера нашелъ яркое отраженіе въ его „Фантазіи Лаурѣ“:

Назови, Лаура, силу обаянья,
Что влечетъ другъ къ другу оба естества,
Назови, Лаура, тайну волшебства,
Вызвавшую дивно двухъ сердецъ сліянье?
Ходомъ неизмѣннымъ міровыхъ планетъ
Управляетъ та же вѣковая сила,
И какъ будто дѣти матери во слѣдъ—
Такъ въ орбитѣ солнца движутся свѣтила.
И лучей полдневныхъ золотой потокъ
Съ жадностью впиваетъ каждая планета,
Пьетъ она изъ кубка пламени и свѣта,
Какъ изъ мозга члены—животворный сокъ.
Солнечная искра ищетъ единенья
Съ солнечною искрой, и со всѣхъ сторонъ,
Сферы гармонично приводя въ движенье,
На любви основанъ міровой законъ. *)

Не напоминаютъ ли эти строфы заключительнаго аккорда „Божественной Комедіи“ Данте:

Мои желанія и волю
Я отдалъ произволу той любви,
Которой солнце движется и звѣзды.

У великаго итальянскаго поэта любовь „движетъ солнце и звѣзды“; у великаго нѣмецкаго поэта, пылавшаго идеальной страстью къ своей возлюбленной, любовь также движетъ сферы міровыя **). Ясно, что чувство, выраженное въ этомъ стихотвореніи, только рефлективное. Подобно тому, какъ нищій, воображая себя въ минуты голода за праздничнo убраннымъ столомъ, дѣйствительно чувствуетъ удовольствіе отъ богатыхъ яствъ и напитковъ, нарисованныхъ его разстроеннымъ воображеніемъ,—страдавшій отъ житейскаго голода Шиллеръ также переживалъ мысленно пламенную страсть, волновавшую когда-то родственныхъ ему по генію поэтовъ, также радовался ихъ радостями, страдалъ ихъ горемъ и также отливалъ въ звонкіе стихи свои выдуманныя, но реализированныя чувства.

Столь же фантастическій характеръ носитъ также удивительная женская головка, обрисованная имъ въ другихъ

*) „Фантазія („Лаурѣ“,) пер. Н. О. Чюминой.
**) Въ подлинникѣ сходство еще болѣе замѣчательно:
Sphären in einander lenkt die Liebe,
Weltsysteme dauern nur durch sie.

стихотвореніяхъ, посвященныхъ Миннѣ. Одно время думали, что подъ Минною поэтъ разумѣлъ ту-же Вильгельмину Андреа; но предположеніе это также было оставлено. Между тѣмъ, стихотворенія, навѣянныя выдуманнымъ образомъ, такъ и дышатъ правдою. Въ нихъ чувствуется біеніе настоящей жизни, и воображеніе невольно рисуетъ контуры прекрасной, но грѣшной женщины, когда юный, неопытный, ничего еще не видѣвшій, но все уже предугадывавшій своимъ поэтическимъ откровеніемъ поэтъ шепчетъ въ порывѣ искренняго негодованія:

Странно мнѣ, непостижимо,
Минна-ль милая идетъ?
Какъ, она проходитъ мимо
И меня не узнаетъ!
Съ свитой франтовъ выступаетъ
И, тщеславія полна,
Гордо вѣеромъ играетъ...
Нѣтъ, да это не она!
Съ лѣтней шляпки перья вѣютъ—
Подаренный мной нарядъ.
Эти ленты, что алѣютъ,—
„Минна, стыдно!“—говорятъ.
И цвѣты на ней. Не я-ли
Эти выростилъ цвѣты?
Прежде, чѣмъ они завяли,
Измѣнила, Минна, ты *)

Бѣдный поэтъ! Онъ, у котораго не было почти хлѣба и который дни и ночи проводилъ въ тяжкомъ трудѣ,—онъ рисовалъ себя въ положеніи страстно влюбленнаго юноши, подносящаго наряды и цвѣты легкомысленной, но любимой дѣвушкѣ!

*) Пер. Бенедиктова.

МАТЬ ШИЛЛЕРА.

Были, впрочемъ, и реальныя женщины, оказавшія нѣкоторое вліяніе на молодого Шиллера. Сюда относится прежде всего мать поэта.

Мать Шиллера.

На примѣрѣ Гете мы видѣли, какое огромное значеніе имѣетъ иногда въ жизни поэта мать, знаемъ также, что многіе біографы и критики Гете приписываютъ необыкновенный расцвѣтъ его творческой дѣятельности именно вліянію матери, сумѣвшей рано подмѣтить въ своемъ ребенкѣ поэтическія наклонности и культивировать ихъ. Отчасти это можно сказать и относительно матери Шиллера. Конечно, разница между обѣими женщинами была очень велика. Богато одаренная мать Гете была сама любознательна и всѣмъ,

что узнавала, дѣлилась со своимъ сыномъ; мать-же Шиллера была простая женщина, отличительными особенностями которой служили домовитость, безотчетная преданность своимъ обязанностямъ и въ особенности глубокая религіозность. Вся ея жизнь заключалась въ подготовленіи души къ переходу въ безпечальную вѣчность, гдѣ она надѣялась найдти награду за борьбу и тревоги земного существованія. Эта глубокая религіозность и была ею передана поэтическому сыну и она же положила глубокій отпечатокъ на все его творчество. Впослѣдствіи Шиллеръ разстался съ религіозными чувствами, навѣянными на него въ дѣтствѣ набожностью матери, и замѣнилъ ихъ культомъ красоты, имѣвшимъ очень мало общаго съ догматами христіанства; но вѣра въ провидѣніе и безсмертіе духа, а также вѣра въ высшее назначеніе человѣка, составлявшія основу идейной жизни его матери, остались въ душѣ поэта навсегда.

Ты, чья мысль духовъ родила,
Ты, чей взоръ міры зажегъ,—
Пьемъ—тебѣ, великій Богъ,
Жизнь міровъ и душъ свѣтило. *)

Даже убѣжденіе въ томъ, что горе земной юдоли сторицей вознаградится на томъ свѣтѣ, было у него непоколебимо долгое время и отразилось на многихъ его произведеніяхъ.

Вѣрьте правящей Десницѣ!
Наши скорби, слезы, вздохъ
Въ ней хранятся, какъ залогъ,
И искупятся сторицей **)

Какъ вліяла религіозность матери на Шиллера, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, переданнаго старшею сестрою поэта Кристофиною. ***) Однажды въ Пасху, во время прогулки съ обоими старшими дѣтьми, мать стала въ тысячу первый разъ разсказывать о земной жизни Христа. Разсказъ захватилъ не только дѣтей, но и самую мать, и они всѣ вдругъ съ благоговѣніемъ опустились на колѣни и сложили руки для молитвы. Картина была во всякомъ случаѣ любопытная: колѣнопреклоненная благочестивая мать въ порывѣ религіознаго экстаза и рядомъ съ нею двое дѣтей, въ

*) „Пѣснь Радости“, пер. Тютчева.
**) Тамъ же.
***) Послѣ смерти Шиллера Кристофина, по просьбѣ вдовы покойнаго, передала нѣкоторымъ его друзьямъ воспоминанія о поэтѣ.

томъ числѣ будущій великій поэтъ, также колѣнопреклоненныя, прижавшіяся головами въ священномъ страхѣ къ ея груди! Шиллеръ всю жизнь помнилъ эту картину.

Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что въ Шиллерѣ съ ранняго возраста обнаружилась любовь ко всему религіозному. „Часто,—разсказываетъ его сестра Кристофина, вскакивалъ онъ на стулъ и начиналъ проповѣдовать. Мать или сестра должна была привязать ему черный передникъ и на

Мать Шиллера въ старости.

голову надѣть шапочку. При этомъ онъ имѣлъ очень серьезный видъ. Всѣ присутствующіе должны были его слушать, а если кто либо разсмѣется, онъ убѣгалъ и уже не выходилъ. Въ этихъ дѣтскихъ проповѣдяхъ всегда былъ опредѣленный смыслъ. Шиллеръ комбинировалъ разныя изреченія, выученныя имъ въ школѣ, и съ важностью ихъ прочитывалъ. Кромѣ того, изъ проповѣдей пастора онъ замѣтилъ, что онѣ должны состоять изъ нѣкоторыхъ частей, и ту же

форму придавалъ своимъ дѣтскимъ чтеніямъ". Не чувствуются-ли въ этой ранней религіозной экзальтаціи проблески будущаго идеализма, провозвѣстникомъ котораго Шиллеръ явился въ поэзіи и который въ сущности является тою-же религіею, перенесенною только съ небесъ на землю?

Поэтъ очень любилъ свою мать, высоко ставя ея простоту и домовитость, и несомнѣнно ее именно имѣлъ въ виду, когда складывалъ слѣдующія строки своей „Пѣсни о Колоколѣ":

А въ нѣдрахъ семейства
Съ стыдливостью скромной
И мать, и хозяйка
Въ заботѣ всегдашней
Кругъ правитъ домашній.
И дѣвочекъ, мальчиковъ
Учитъ, смиряетъ
И съ мудрой заботой
Прилежной работой
Порядокъ ведетъ
И множитъ доходъ,
И копитъ богатства въ прилавкахъ сосновыхъ,
И нитки съ жужжащихъ прядетъ веретенъ,
И въ шкафахъ хранитъ, и нарядныхъ, и новыхъ,
Блестящую шерсть, ослѣпительный ленъ,
И, домъ украшая изяществомъ строя,
Не знаетъ покоя. *)

Когда умеръ отецъ Шиллера, поэтъ принялъ на себя заботу о благополучіи горячо любимой матери. „Все, что нужно для вашей удобной жизни,—писалъ онъ ей,—должно быть у васъ, лучшая мать, и теперь на мнѣ лежитъ обязанность, чтобы никакія заботы васъ не тревожили. Послѣ столь тяжкихъ страданій вечеръ вашей жизни долженъ быть веселымъ или въ крайнемъ случаѣ спокойнымъ".

Шиллеръ исполнилъ свое обѣщаніе, потому что мать, умирая, воскликнула: „Ахъ, въ мірѣ нѣтъ еще одного такого сына!".

*) Пер. Д. Минъ.

СЕСТРЫ ШИЛЛЕРА.

Рядомъ съ матерью благодѣтельно вліяли на развитіе Шиллера сестры. Ихъ было три: старшая Кристофина, средняя Луиза и младшая Нанетта.

Кристофина Рейнвальдъ, урожд. Шиллеръ.

Кристофинѣ, бывшей на два года старше Шиллера, выпала на долю роль подруги и руководительницы младшаго брата. Она никогда съ нимъ не разставалась, вмѣстѣ съ нимъ училась, вмѣстѣ съ нимъ играла и ей же первой повѣрялъ маленькій Шиллеръ свои завѣтныя думы. Она была самой ревностной слушательницею его проповѣдей, тѣмъ болѣе, что подъ вліяніемъ матери въ ней, какъ и въ Шиллерѣ, ра-

но обнаружилась религіозная экзальтація. Постоянныя бесѣды съ нею на религіозныя темы сдѣлали то, что поэтъ въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ написалъ трагедію „Христіане“, въ которой восхвалялъ самопожертвованіе первыхъ христіанъ во время гоненій. Онѣ же въ связи съ благочестіемъ матери сдѣлали то, что Шиллеръ рѣшилъ стать священникомъ. Даже черезъ восемь лѣтъ поэтъ счелъ нужнымъ засвидѣтельствовать свои глубокія религіозныя чувства въ экзаменаціонной работѣ.

Впослѣдствіи, какъ сказано, Шиллеръ отрѣшился отъ своихъ прежнихъ религіозныхъ взглядовъ, но это не повредило его дружбѣ съ сестрою. Она попрежнему была повѣренною его тайнъ, попрежнему давала ему совѣты, когда онъ въ нихъ нуждался, и, что всего важнѣе, попрежнему интересовалась развитіемъ его таланта и даже была у него чѣмъ-то вродѣ секретаря. По крайней мѣрѣ, она переписывала его произведенія и дѣлала это съ такою любовью, что въ концѣ концовъ усвоила даже почеркъ брата, вслѣдствіе чего трудно было отличить ея почеркъ отъ почерка Фридриха.

Когда Шиллеръ возмужалъ и все существо его переполнилось „бурею и натискомъ“, Кристофина не отходила отъ него, умѣряя его пылъ и сглаживая невольныя шероховатости необузданной натуры. Можно съ увѣренностью сказать, что о ней именно думалъ Шиллеръ, когда воскликалъ въ стихотвореніи „Достоинство женщины“:

Истины отвергнувъ власть,
Сила грубая мущины
Устремляется въ пучины,
Гдѣ царитъ мятежно страсть.
Сердцемъ вѣкъ неутоленнымъ,
Обольщаемъ суетой,
Онъ въ погонѣ за мечтой
Рвется къ звѣздамъ отдаленнымъ.
Съ силой чарующей женщины взглядъ
Вновь бѣглеца призываетъ назадъ
Въ міръ настоящаго. Скромно стыдливой
Въ домѣ родномъ расцвѣтала она,
Вѣчнымъ завѣтамъ природы правдивой—
Матери общей—оставшись вѣрна. *)

Къ сожалѣнію, жизнь Кристофины была не изъ свѣтлыхъ. Она вышла за больного старика ипохондрика, нелю-

*) Пер. О. Чюминой.

димаго библіотекаря Рейнвальда, бывшаго когда-то другомъ ея брата. Онъ превратилъ ея жизнь въ пустыню, заставляя принимать участіе въ его работахъ по изслѣдованію языковъ давно исчезнувшихъ народовъ. Книги, которыя были ей пріятны, она могла читать только украдкою. Единственнымъ ея утѣшеніемъ были стихотворенія и драмы брата, которыя она знала почти всѣ наизусть. Шиллеръ, матеріальное положеніе котораго къ этому времени улучшилось, помогалъ ей совѣтами и деньгами, облегчая по возможности тяжелый крестъ, выпавшій на ея долю. Въ 1815 году, наконецъ, Рейн-

Сестра Шиллера Луиза.

вальдъ умеръ; но Кристофина уже была старухою и никакія радости не могли искупить долгихъ мучительныхъ лѣтъ совмѣстной жизни съ нелюдимымъ человѣкомъ.

Кристофина пережила брата на цѣлыхъ 42 года.

Такою же продолжительностью жизни отличалась также и вторая сестра Шиллера—Луиза, существо безразличное, съ слабой волею, безъ рѣзкой индивидуальности. Никакого вліянія на творчество брата она не имѣла.

Не то младшая сестра—Нанетта. Поэтъ ее обожалъ. Впрочемъ, ее всѣ любили, такъ какъ вмѣстѣ съ красотой она соединяла въ себѣ большія умственныя способности, милый

характеръ и артистическую натуру. Когда она родилась, Шиллеръ находился въ Штутгартѣ, въ военной академіи; увидѣлъ ее онъ въ первый разъ, когда ей уже было три года, послѣ чего опять вскорѣ разстался съ нею надолго и встрѣтился снова, когда ей было уже 15 лѣтъ. У нея были такіе же вьющіеся волосы, какъ и у брата, и такіе же, какъ у него, умные глаза. Брата она обожала и постоянной ея мечтою было увидѣться съ нимъ возможно скорѣе. Его произведенія были для нея святынею и, чтобы дать живое воплощеніе женскимъ образамъ, имъ созданнымъ, она хотѣла даже сдѣлаться актрисою. Въ домѣ ее очень любили, называя „короною дома“. Къ сожалѣнію, Шиллеръ не долго наслаждался счастіемъ совмѣстнаго пребыванія съ нею подъ однимъ кровомъ: въ городѣ появилась эпидемія, отъ которой она и умерла. Нанетта заразилась отъ больного учителя, котораго она навѣстила на смертномъ одрѣ. Весь городъ оплакивалъ смерть прелестной, многообѣщавшей дѣвушки.

Шиллеръ былъ неутѣшенъ и въ порывѣ отчаянія написалъ „Жалобу Цереры“, гдѣ въ уста матери, потерявшей дочь, вложилъ слова, отражающія его собственныя чувства:

Въ тотъ предѣлъ, гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ,—свободной тѣнью
Полетѣла-бъ я тогда;
Близъ супруга на престолѣ
Мнѣ предстала-бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ-бы взоръ склонился,
И меня узналъ-бы онъ,
И надъ нами-бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ. *)

*) Пер. Жуковскаго.

ФРАНЦИСКА ФОНЪ-ГОГЕНГЕЙМЪ.

Первая реальная женщина, поразившая сердце и воображеніе Шиллера, была Франциска фонъ-Гогенгеймъ, метреса виртембергскаго герцога Карла.

Нанетта Шиллеръ.

Она была не столько красива, сколько граціозна и мила. Происходя изъ бѣдной дворянской фамиліи, она вышла за горбатаго, но богатаго барона Лейтрумъ, которому, кромѣ горба, суждено было носить еще рога. Герцогъ увидѣлъ Франциску, когда ей было 22 года, и тотчасъ плѣнился ея красотою. Чтобы имѣть графиню поближе къ се-

бѣ, онъ далъ ея мужу мѣсто при дворѣ, при чемъ обязанности барона заключались въ томъ, что онъ долженъ былъ ѣхать впереди герцога въ то время, когда герцогъ отправлялся въ свой увеселительный дворецъ въ Лудвигсбургѣ вмѣстѣ съ его женою. Баронъ важно расхаживалъ по дворцовымъ комнатамъ, не понимая язвительныхъ насмѣшекъ и намековъ окружавшихъ лицъ, которымъ хорошо было извѣстно, что герцогъ теперь въ объятіяхъ Франциски. Если присутствіе горбатаго барона мѣшало, какой-нибудь придворный сообщалъ ему великую новость, что въ столицѣ появился удивительный звѣрь—горбатый верблюдъ, у котораго выросли вдругъ рога. Баронъ въ концѣ концовъ понялъ и безропотно сошелъ со сцены, предоставивъ женѣ полную свободу дѣйствій.

Франциска оказалась прелестной женщиной. Она отучила герцога отъ его дикихъ деспотическихъ наклонностей, совершено естественныхъ въ то время просвѣщеннаго абсолютизма, заставила его полюбить домашнюю жизнь, отрѣшиться отъ безпрерывной жажды наслажденій и въ концѣ концовъ, послѣ смерти герцогини, вступить съ нею въ бракъ. Когда Шиллеръ былъ въ военной академіи, которую герцогъ съ Францискою часто посѣщали, послѣдняя была еще метрессою; тѣмъ не менѣе на семнадцатилѣтняго юношу она произвела большое впечатлѣніе. Оборотная сторона ея отношеній для него не существовала: онъ былъ слишкомъ юнъ, чтобы усмотрѣть въ ея поведеніи противорѣчіе съ незыблемыми правилами нравственности. Франциска была для него только женщиною, т. е. носительницею благородныхъ началъ, которыми фантазія его одарила всѣхъ представительницъ прекраснаго пола. Къ тому же она была знатная дама, находившаяся у всѣхъ на виду и творившая добро вездѣ, гдѣ только можно было, и въ особенности въ военной школѣ герцога, гдѣ она не разъ своимъ заступничествомъ избавляла воспитанниковъ отъ суроваго наказанія. Вполнѣ, поэтому, понятно, что Шиллеръ поспѣшилъ надѣлить ее всѣми высокими качествами женщины, созданной его воображеніемъ, и ее, любовницу герцога, въ стихахъ, поднесенныхъ ей въ день рожденія, называлъ воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей!.. «Она,—восклицаетъ поэтъ, обращаясь къ Францискѣ,—утѣшаетъ нуждающихся, одѣваетъ обнаженныхъ, уто-

ляетъ жаждущихъ, питаетъ голодныхъ. Печальные дѣлаются веселыми при одномъ взглядѣ на нее, и смерть убѣгаетъ передъ нею боязливо съ ложа больного. О, друзья, да не откажемся мы отъ нашего уваженія къ ней. Пусть наше сердце будетъ памятникомъ Францискѣ! Мы никогда не осквернимъ нашихъ сердецъ низменными мыслями!»

Это не были пустыя слова. Шиллеръ былъ влюбленъ въ Франциску, какъ и всѣ воспитанники академіи, влюбленъ потому, что она была женщина и отличалась, на его взглядъ, необыкновенной красотою, влюбленъ безъ цѣли и

Нанетта Шиллеръ въ дѣтствѣ.

смысла, самъ не сознавая своихъ чувствъ, подобно подсолнечнику, который невольно тянется къ солнцу, не зная и не будучи въ состояніи понять, что влечетъ его туда невѣдомая сила...

Вы всемогущи однимъ: присущей вамъ прелестью тихой;
Тамъ, гдѣ не властенъ покой, тамъ не поможетъ гроза.
Силы я жду отъ мужей, блюдущихъ величье закона,
Жены царятъ и царили лишь обаяньемъ своимъ.
Славились, правда, иныя силою духа и дѣла,
Но отреклися онѣ отъ лучшаго въ мірѣ вѣнца.
Женщину лишь красота вѣнчаетъ на царство побѣдно:
Гдѣ появилась,—царитъ однимъ обаяньемъ своимъ *).

*) „Могущество женщины“, пер. О. Чюминой.

Сохранился анекдотъ, связанный съ именемъ Франциски. Молодой, чувственный и деспотическій герцогъ часто навѣщалъ школу вмѣстѣ съ Франциской, которую называлъ „Францюшкою“ (die Franzel). Узнавъ, что Шиллеръ искусно копируетъ многихъ лицъ, онъ предложилъ ему сдѣлать опытъ и въ его присутствіи скопировать его самого—герцога. Шиллеръ долго отказывался, но, наконецъ, принужденъ былъ исполнить просьбу высокаго покровителя школы и сталъ изображать, какъ герцогъ экзаменуетъ воспитанниковъ, при чемъ ученикомъ выбралъ самого герцога. Послѣдній отвѣчалъ довольно плохо и молодой поэтъ, подражая герцогу, воскликнулъ: „Тысяча проклятій! Это оселъ!“. И, схвативъ Франциску за руку, онъ зашагалъ къ дверямъ. Нѣсколько пораженный, герцогъ крикнулъ: „Эй, послушай! Оставь мою Францюшку!“

Въ воспоминаніи Шиллера Франциска сохранилась именно такою, какою она казалась ему въ молодые годы, о чемъ свидѣтельствуетъ его «Коварство и любовь», въ которой Франциска выведена подъ именемъ лэди Мильфордъ. Эта драма, которую Куно Фишеръ назвалъ величайшей мѣщанской трагедіею XVIII вѣка,—истинная дань благодарности фавориткѣ герцога и въ то-же время памятникъ возвышеннаго взгляда на женщину, какъ на источникъ любви и счастія. Лэди Мильфордъ или, что то же, Франциска фонъ-Гогенгеймъ, — единственное свѣтлое явленіе среди придворныхъ. Она любитъ Фердинанда, который влюбленъ въ простушку Луизу, но она не мститъ соперницѣ и жертвуетъ своею любовью. Она—наложница „герцога“, остающагося въ пьесѣ Шиллера за кулисами, но несомнѣнно срисованнаго съ герцога Карла-Евгенія виртембергскаго, подъ желѣзнымъ режимомъ котораго пришлось Шиллеру испытать столько горя въ молодые годы; но она ненавидитъ развратный и преступный дворъ, ее томитъ положеніе фаворитки и она смягчаетъ его по мѣрѣ силъ добрыми дѣлами. „Гордость,—восклицаетъ она при свиданіи съ любимымъ человѣкомъ,—боролась у меня въ душѣ съ моею судьбой. Когда герцогъ привезъ меня сюда, глазамъ моимъ сразу явилось ужаснѣйшее зрѣлище... Сластолюбіе великихъ міра сего—ненасытная гіена, въ неутолимомъ голодѣ вѣчно ищущая себѣ добычи. Оно уже стра-

шно свирѣпствовало въ этой странѣ, разлучая женіховъ и невѣстъ, разрывая даже священные узы брака; здѣсь подтачивало скромное счастіе семьи, тамъ проникало тлетворной заразою въ молодое, неопытное сердце, и умирающія ученицы съ пѣною на устахъ, въ послѣднихъ судорогахъ проклинали своего учителя. Я встала между агнцемъ и тигромъ, потребовала отъ него въ минуту страсти торжественной клятвы,—и эти безчеловѣчныя жертвы прекратились... Печальный періодъ этотъ смѣнился еще болѣе печальнымъ. И

Франциска фонъ-Гогенгеймъ.

дворъ и сераль наполнились исчадіями Италіи. Вѣтренныя парижанки играли страшнымъ скипетромъ и народъ истекалъ кровью отъ ихъ прихотей. Царству ихъ былъ положенъ конецъ. Я видѣла ихъ жалкое паденіе: я была больше всѣхъ ихъ кокетка! Я взяла бразды у тирана, разслабшаго въ моихъ объятіяхъ. Отечество твое, Фердинандъ, впервые почувствовало надъ собой человѣческую руку и довѣрчиво склонилось ко мнѣ на грудь... Я отворяла темницы, разрывала смертные приговоры и сократила не одну страшную вѣчность каторги. Въ неизлѣчимыя раны лила я, по крайней мѣрѣ, утоляющій бальзамъ; я повергала во прахъ могучихъ преступниковъ и своею наложническою слезой спасала не

разъ проигранное дѣло невинности". *)

Какъ все это напоминаетъ Франциску фонъ-Гогенгеймъ, которая такъ же, какъ и лэди Мильфордъ, имѣла большое вліяніе на развратнаго и жестокосердаго герцога Карла-Евгенія, не останавливавшагося даже передъ продажею молодыхъ людей въ солдаты чужому государству, чтобы на вырученныя деньги зажить веселой жизнью или купить подарокъ своей любовницѣ! **) Недаромъ жена Шиллера писала впослѣдствіи: „Какъ дѣйствовала на него эта среда, показываетъ характеръ лэди Мильфордъ. Какъ бы могъ онъ внести эти картины въ кругъ своихъ юношескихъ идей и изображать ихъ съ такой трогательной правдою, если-бы самъ не былъ свидѣтелемъ этихъ отрицательныхъ явленій?"

ШАРЛОТТА ВОЛЬЦОГЕНЪ.

Но вотъ наступила пора, когда сердце Шиллера потребовало истинной, а не выдуманной любви. Онъ переродился. Блѣдный образъ Лауры, воскрешенный юношескимъ воображеніемъ, исчезъ; исчезло также и доброе лицо Франциски, которою онъ такъ увлекался на ученической скамьѣ,—образовалась пустота, которую нужно было наполнить, тѣмъ болѣе что положеніе врача на службѣ у деспотическаго герцога мало внесло жизнерадостнаго въ жизнь поэта и оно могло быть смягчено только близостью любимой женщины. Но гдѣ ее найдти? Гете, какъ извѣстно, былъ болѣе счастливъ въ этомъ отношеніи. Онъ не искалъ женщинъ, потому что царственная осанка и орлиный взоръ

*) „Коварство и Любовь", „Собраніе сочиненій Шиллера", изд. Брокгаузъ—Эфрона, т. 2, стр. 34—35.

**) Фактъ этотъ также упомянутъ Шиллеромъ (см. пьесу, стр.61).

создавали ему поклонницъ вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся. Не то Шиллеръ. Блѣдный, некрасивый, немощный, онъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Правда, у него былъ поэтическій талантъ, который могъ замѣнить все,—но въ то время геній его не расцвѣлъ еще въ такой степени, чтобы освѣтить его жизненную дорогу и указать путь къ женскому сердцу.

Первый лучъ блеснулъ поэту въ то время, когда ему уже было 23 года. Шиллеръ переживалъ тогда тяжелое время. Царственный „покровитель“, герцогъ Карлъ-Евгеній,

Генріета Вольцогенъ.

узнавъ, что поэтъ написалъ „Разбойниковъ“, запретилъ ему писать комедіи и вообще заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ медицины. Это переполнило чашу терпѣнія поэта и онъ бѣжалъ изъ Штутгарта. Началось время тяжелыхъ лишеній. Такъ какъ онъ былъ дезертиръ, то никто не хотѣлъ печатать его произведенія: это могло бы навлечь на виновнаго гнѣвъ герцога. Шиллеръ переходилъ пѣшкомъ изъ одного города въ другой, закладывалъ свои вещи, чтобы не умереть съ голода, и, можетъ быть, совсѣмъ сбился-бы съ пути, если-бы не неожиданная помощь со стороны матери одного изъ его товарищей, Генріеты Вольцогенъ, предло-

жившей ему поселиться въ ея имѣніи Бауэрбахѣ, близъ Мейнингена. У Генріеты была одна дочь, Шарлотта, и четверо сыновей, воспитывавшихся въ академіи. Этой-то дѣвушкѣ и суждено было первой заронить въ душу поэта искру настоящей любви.

Какъ можно судить по ея портрету, Шарлотта не была красива. Кромѣ того, она не отличалась рѣзко очерченной индивидуальностью характера, не была даже особенно образована и не знала большого толка въ литературѣ, хотя первое крупное произведеніе Шиллера, „Разбойники“, произвело на нее сильное впечатлѣніе, и она съ удовольствіемъ привѣтствовала друга своихъ братьевъ. Но что значило все это для Шиллера, всегда мечтавшаго о любви и даже сочинявшаго женщинъ за отсутствіемъ подлинныхъ? Поэтъ тотчасъ же влюбился въ Шарлотту. Конечно, онъ не признался ей въ любви, потому что, пламенный наединѣ съ собою, онъ былъ робокъ, когда оказывался въ обществѣ любимой женщины.

Отъ матери Шарлотты не укрылась любовь поэта и она постаралась положить ей конецъ съ самаго начала, такъ какъ тяжкое матеріальное положеніе Шиллера не могло обѣщать счастье ея дочери. Къ тому же, укрывая у себя бѣжавшаго поэта, она боялась дурныхъ послѣдствій для ея сыновей, на которыхъ злопамятный герцогъ могъ выместить свой гнѣвъ. По ея требованію, Шиллеръ долженъ былъ покинуть Бауэрбахъ. Это была большая ошибка, которая стоила поэту немалыхъ огорченій и, можетъ быть, сильно отразилась бы на дальнѣйшей его жизни и творческой дѣятельности, если бы г-жа Вольцогенъ не поняла вскорѣ своего безсердечнаго поступка и не вернула поэта назадъ. Во время этого второго пребыванія въ Бауэрбахѣ Шиллеръ еще болѣе привязался къ Шарлоттѣ. Когда въ домѣ Вольцогенъ появился бывшій товарищъ Шиллера, Винкельманъ, съ явнымъ намѣреніемъ предложить любимой имъ дѣвушкѣ руку и сердце, поэтъ воспылалъ ревностью и излилъ свои горькія чувства въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ. То же сдѣлалъ онъ и въ письмахъ къ матери Шарлотты. Эти письма—сплошной вопль о счастіи, котораго у него не было. „Было время,—писалъ онъ,—когда надежда на безсмертную славу льстила мнѣ, какъ комплиментъ женщинѣ. Теперь мнѣ

все равно, и я дарю вамъ свой поэтическій лавръ для ближайшаго блюда bœuf á la mode и уступаю вамъ свою трагическую музу въ служанки для стойла, если у васъ есть скотъ. Какъ мелко даже величайшее величіе поэта въ сравненіи съ желаніемъ жить счастливо!“

Къ сожалѣнію, Шарлотта осталась равнодушна къ пылкому поэту, такъ какъ чувства ея принадлежали ученику академіи, съ которымъ она познакомилась въ Штутгартѣ. Съ другой стороны, и въ г-жѣ Вольцогенъ пробудилась прежняя боязнь насчетъ ея дочери и она опять предложила

Шарлотта Вольцогенъ.

Шиллеру удалиться. Скрѣпя сердце, поэтъ уѣхалъ въ Мангеймъ.

Съ какимъ чувствомъ покидалъ Шиллеръ тихій уголокъ, служившій ему въ одно и то же время убѣжищемъ и раемъ, гдѣ онъ, какъ Адамъ, впервые увидѣлъ женщину, которую можно было-бы назвать своею! Свою грусть онъ излилъ годъ спустя въ письмѣ къ матери Генріеты. «Тихія радости семейной жизни,—писалъ онъ,—придали-бы бодрости моимъ занятіямъ, очистили-бы мою душу отъ дикихъ привычекъ. О, если бы я нашелъ дѣвушку, которая была бы дорога моему сердцу, или если бы я могъ назваться ва-

шимъ сыномъ! Богата ваша Лотта не будетъ, но она будетъ счастлива». Шиллеръ понималъ неосуществимость своего сватовства и тутъ же прибавилъ: „Мнѣ страшно за мою безумную надежду, но я надѣюсь, моя дорогая, что вы простите мнѣ мой глупый капризъ.“ Мать, конечно, была настолько тактична, что приняла изліяніе Шиллера за „капризъ“, чѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи, можетъ быть, она пожалѣла объ этомъ, такъ какъ дочь ея, о счастіи которой она такъ заботилась, удаляя отъ нея поэта, не была счастлива: романъ Шарлотты съ воспитанникомъ академіи не кончился ничѣмъ, а замужество за совѣтникомъ Лиліенштейномъ стоило ей жизни, такъ какъ она умерла отъ первыхъ же родовъ.

Очень возможно, что идеальная Луиза Миллеръ, одна изъ центральныхъ фигуръ трагедіи „Коварство и любовь“, написанной въ то время, срисована съ Шарлотты. Увлекшись теченіемъ художественной идеи, поэтъ внесъ въ свою трагедію другую обстановку, но героиню ея, бѣдную дочь музыканта, страстно влюбленную въ Фердинанда, надѣлилъ благородными чертами, несомнѣнно списанными съ Шарлотты Вольцогенъ. Какъ и Шарлотта, Луиза Миллеръ проста, добра, готова на самопожертвованіе. Въ концѣ концовъ Луиза даже умираетъ отъ руки любимаго человѣка, заподозрившаго ее въ невѣрности. Не намекъ-ли это на смерть Шарлотты, въ кончинѣ которой также былъ причастенъ, хотя и невольно, человѣкъ, выбранный ею въ спутники жизни,—мужъ?

МАРГАРИТА ШВАНЪ.

Къ несчастію, а, можетъ быть, и къ счастію, въ душѣ Шиллера въ это время произошла страшная путаница. Долго скрываемая и заглушаемая по-

Анна-Маргарита Шванъ.

требность любить и быть любимымъ прорвалась неожиданно при первой же вспышкѣ серьезнаго чувства, какъ прорывается и затопляетъ берега рѣка при неожиданномъ удаленіи плотины. У Шиллера вдругъ оказалось нѣсколько предметовъ сердца. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія актрисы Циглеръ и Бауманъ, Маргарита Шванъ, образованная, кра-

сивая дѣвушка, любившая искусство и литературу, и въ особенности Шарлотта Кальбъ.

Шиллеръ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ отцомъ Маргариты Шванъ, мангеймскимъ книгопродавцемъ, безъ котораго его „Разбойники“, можетъ быть, еще долгое время не были бы поставлены на сцену. Онъ почти всѣ вечера проводилъ въ его домѣ. Шванъ былъ не только состоятельнымъ, но очень образованнымъ человѣкомъ и высоко ставилъ науку и искусства. Въ его домѣ были ученые, художники, офицеры, выдающіеся артисты. Онъ былъ вдовъ и, поэтому, роль хозяйки играла у него восемнадцатилѣтняя дочь Маргарита. Она долго путешествовала, получила хорошее образованіе, была знакома съ литературою и къ тому же отличалась красотою, но характера была гордаго и высокомѣрно относилась къ ухаживаніямъ многочисленныхъ воздыхателей. За неприступность ее прозвали „Гордою лебедкою“. *) Къ Шиллеру она относилась нѣсколько мягче, что объясняется его литературной славою. Она съ удовольствіемъ присутствовала по вечерамъ на чтеніяхъ поэта въ домѣ ея отца, зная, что въ томъ или другомъ мѣстѣ его новаго произведенія она навѣрно найдетъ намекъ на себя.

Нужно-ли прибавлять, что Шиллеръ съ первой-же минуты влюбился въ Маргариту? На его пути опять появилась женщина; его сердце снова разгорѣлось и жаръ нетронутой страсти, безпрерывно клокотавшій въ его груди, снова озарилъ его грустное существованіе. Къ пасхѣ 1784 года въ Мангеймѣ уже поговаривали о возможности брака между поэтомъ и Маргаритою. Самъ Шиллеръ считалъ возможнымъ этотъ бракъ и въ письмахъ къ родителямъ восторженно описывалъ прелести своей будущей жены. Но, увы! судьба опять оказала плохую услугу горемыкѣ-Шиллеру: легкомысленная дѣвушка не могла считать бѣднаго поэта выгодной для себя партіею и она, поигравъ имъ немного, бросила, какъ ненужную вещь. Однако, поэтъ не терялъ надежды и въ слѣдующемъ году, переѣхавъ въ Лейпцигъ, забрасывалъ отца молодой дѣвушки письмами, въ которыхъ говорилъ, что употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать его дочь счастливою, если она согласится на бракъ съ нимъ, и что

*) Шванъ, по нѣмецки, лебедь.

онъ даже готовъ для этого бросить поэзію и заняться исключительно медициною. Однако, ничто не помогло: его мольбы разбились о неприступность тщеславной дѣвушки.

Впослѣдствіи Шиллеръ былъ очень радъ, что Маргарита не приняла его предложенія, такъ какъ она была-бы для него неподходящею женою. Она вышла 31 года замужъ за какого-то маленькаго чиновника и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ несчастнаго супружества умерла. Смерть любимой дѣвушки опечалила Шиллера, но не привела его въ отчаяніе: во-первыхъ, разлука охладила его жаръ, а, во-вторыхъ, сердце его въ то время уже было занято другою женщиною—Шарлоттою Кальбъ, могучей натурою, „титанидою“, какъ ее называли, женщиною, которая сумѣла понять поэта и вознаградить его, хотя и поздно и своеобразно, за весь жаръ, растраченный въ пустынѣ великимъ, но несчастнымъ поэтомъ.

АКТРИСЫ.

Прежде чѣмъ, однако, принять изъ рукъ Шарлотты Кальбъ чашу наслажденія, котораго столь долго и столь напрасно жаждало его истерзанное сердце, Шиллеру еще суждено было пройдти сквозь длинный строй новыхъ разочарованій. На этотъ разъ виновницами явились представительницы театральнаго міра, съ которыми Шиллеру часто приходилось сталкиваться во время постановокъ его драмъ на сцену. На первомъ планѣ, конечно, нужно поставить знаменитую Каролину Циглеръ, жену Гейнриха Бека, даровитаго актера, очень напоминавшаго Шиллера, какъ своею наружностью, такъ и благородствомъ натуры и возвышенными взглядами на искусство.

Каролина Циглеръ была вся поэзія. Шиллеръ приходилъ въ восторгъ, когда она исполняла его Леонору или Луизу (въ „Коварствѣ и Любви“), роль которой была самою блестящею въ ея репертуарѣ. Знатнаго происхожденія, она посвятила себя сценѣ, не смотря на то, что ея семья рѣшительно выступила противъ этого. Вскорѣ она примирила родственниковъ, такъ какъ въ короткое время пріобрѣла большую извѣстность. Шиллеръ обожалъ эту женщину, но къ чувствамъ влюбленнаго не прибавлялось желанія обладать любимымъ предметомъ. Поэтъ былъ слишкомъ чистъ, чтобы внести грѣхъ въ уважаемую семью. Къ сожалѣнію,

Каролина Циглеръ.

роковая судьба, преслѣдовавшая всѣхъ женщинъ, на которыхъ онъ останавливалъ свой выборъ, не пощадила и Каролину: она неудачно упала при исполненіи „Эмиліи Галотти“ и умерла отъ послѣдствій паденія. Когда она скончалась, ей еще не было и двадцати лѣтъ.

Не столь трагично, но не менѣе печально кончились отношенія между Шиллеромъ и другой актрисою—Катериною Бауманъ, къ которой перешли роли умершей Циглеръ. Бауманъ отличалась еще въ „Разбойникахъ“, въ которыхъ исполняла роль Амаліи, вслѣдствіе чего поэтъ ее просто на-

зывалъ Амаліею. Къ этой дѣвушкѣ Шиллеръ чувствовалъ сильное влеченіе и даже хотѣлъ жениться на ней. Однажды —это было 18 января 1785 г.—давали въ Мангеймѣ „Коварство и любовь“. Выведенные изъ терпѣнія отрицательными отзывами Шиллера, актеры нарочно играли скверно,что сильно возмутило поэта. Одинъ только Бекъ и Катерина Бауманъ старались. Въ благодарность за это Шиллеръ рѣшилъ ее проводить домой. Тамъ, прощаясь, онъ всунулъ ей въ руку свой портретъ. Польщенная подаркомъ, но не зная, что онъ означаетъ,—признательность-ли автора актрисѣ, выступившей въ его пьесѣ, или доказательство другого, болѣе глубокаго чувства, она спросила, какъ ей смотрѣть на портретъ. Шиллеръ совсѣмъ растерялся и пролепеталъ:

— Нѣтъ, вижу, я совсѣмъ глупецъ. Не скажу вамъ.

И съ этими словами онъ убѣжалъ. Такъ признаться въ любви могъ только Шиллеръ; но артистка не разобрала за этой неловкостью манеръ слабости великаго человѣка. Къ тому же поэтъ еще былъ попрежнему необыкновенно тощъ, мало обращалъ вниманія на костюмъ и не могъ прельстить своей наружностью никого, не говоря уже объ опытной актрисѣ. Какъ было изящной талантливой артисткѣ, приковывавшей къ себѣ всеобщее вниманіе, идти рядомъ съ такимъ человѣкомъ? Бауманъ колебалась. Голосъ сердца, невольно склонявшагося въ пользу идеалиста, который не зналъ и не желалъ знать никакихъ условностей, говорилъ одно, а практическій умъ твердилъ другое. Въ концѣ концовъ холодный разсудокъ взялъ верхъ: Бауманъ прошла мимо Шиллера, толко замѣтивъ его, но не остановившись.

Одинокій поэтъ остался одинокимъ.

МИННА КЕРНЕРЪ и ДОРА ШТОКЪ.

Однако, уже была близка пора, когда на жизненномъ пути Шиллера должна была появиться Шарлотта Кальбъ, своею дикой страстью, своей необузданной натурою, своимъ презрѣніемъ ко всякимъ житейскимъ правиламъ перевернувшая вверхъ дномъ все его существованіе. Это была буря въ жизни поэта, которая многое исковеркала, многое возродила и во всякомъ случаѣ заставила его, пылкаго и шаткаго, вѣчно мятежнаго и стремительнаго, остановиться на время и отлиться въ окончательную форму.

Передъ бурею, однако, поэта ждало затишье. Произошло это въ 1784 году, когда поэтъ оказался въ особенно плачевномъ матеріальномъ положеніи. Онъ былъ обремененъ долгами. Не смотря на то, что его „Разбойники“ и „Коварство и Любовь“ ставились во всей Германіи, у него не хватало самаго необходимаго (авторскій гонораръ былъ ничтоженъ въ то время), и поэтъ началъ уже приходить въ отчаяніе. Вдругъ онъ получаетъ по почтѣ посылку изъ Лейпцига. Иниціаторомъ этой посылки былъ Христіанъ Готфридъ Кернеръ, впослѣдствіи лучшій другъ Шиллера и отецъ извѣстнаго поэта. Онъ, его невѣста, Минна Штокъ, ея сестра, Дора Штокъ, и влюбленный въ послѣднюю молодой писатель Фердинандъ Губеръ высоко цѣнили произведенія Шиллера и, чтобы выразить ему свой восторгъ, послали сообща подарокъ: Минна вышила для него портфель, Дора—свой портретъ и портреты остальныхъ трехъ, ею же нарисованные, Кернеръ положилъ на музыку пѣсню „Амалію“ изъ „Разбойниковъ“ и написалъ пламенное письмо. Именъ своихъ они не назвали, но Шиллеръ ихъ узналъ въ скоромъ времени. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ подарокъ на бѣднаго поэта. «Такой подарокъ изъ совершенно незнакомыхъ рукъ, не вызванный ничѣмъ, кромѣ одного только уваженія, объясняемый ничѣмъ другимъ, кромѣ признательности за нѣсколько часовъ удовольствія, испытаннаго при чтеніи моихъ произведеній,—писалъ

онъ г-жѣ Вольцогенъ,—такой подарокъ для меня болѣе высокая награда, чѣмъ громкіе общіе клики толпы, единственная сладкая награда за тысячи грустныхъ минутъ. И когда я иду дальше и думаю, что въ мірѣ, можетъ быть, имѣется много такихъ кружковъ, которымъ пріятно меня знать, и что, можетъ быть, черезъ сто и больше лѣтъ, когда мой прахъ давно уже будетъ разсѣянъ, моя память будетъ благословляема и обо мнѣ будутъ вспоминать со слезами на глазахъ и съ восторгомъ,—тогда, дорогая, я радъ своему призванію поэта и примиряюсь съ Богомъ и своею судьбою, которая часто бываетъ жестока".

Минна Штокъ, невѣста, а потомъ жена Кернера.

Грустная жизнь, однако, быстро разсѣяла радость поэта и онъ даже не послалъ своимъ лейпцигскимъ поклонникамъ письма въ видѣ благодарности. Онъ сдѣлалъ это только черезъ полгода, послѣ чего получилъ новое письмо съ приглашеніемъ пріѣхать въ Лейпцигъ. Это письмо имѣло рѣшительное вліяніе на Шиллера и онъ отвѣтилъ (10 февраля 1785 г.) своимъ новымъ друзьямъ, что исполнитъ ихъ желаніе. „Въ эти двѣнадцать дней во мнѣ произошелъ переворотъ, благодаря которому это письмо получаетъ больше значенія, чѣмъ я думалъ, и который создаетъ эпоху въ моей жизни... Люди, порядки, земной шаръ и небо мнѣ опротивѣли. У меня здѣсь нѣтъ ни одной души, ни единой,

которая наполнила бы пустоту моего сердца, нѣтъ подруги, друга"... И поэтъ приводитъ затѣмъ слова своего Донъ-Карлоса: „Здѣшній горизонтъ тяжело тяготѣетъ надо мною, какъ сознаніе убійства".

Такъ какъ у Шиллера не было денегъ на переѣздъ, то лейпцигскіе друзья, по его просьбѣ, вошли въ соглашеніе съ однимъ мѣстнымъ издателемъ, который согласился купить у Шиллера издаваемый имъ журналъ „Рейнская Талія". 9 апрѣля 1785 года поэтъ уѣхалъ изъ Мангейма и черезъ недѣлю уже былъ въ Лейпцигѣ. День 17 апрѣля долженъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ жизни поэта. Съ этого дня онъ обрѣлъ, наконецъ, среду, въ которой могъ себя считать своимъ, и въ особенности обрѣлъ друга, самаго вѣрнаго изъ всѣхъ своихъ друзей—Кернера, доцента мѣстнаго университета и ученика Канта. Чтобы понять, какая дружба установилась между обоими молодыми людьми, достаточно указать хотя бы на то, что они два года—съ сентября 1785 до іюля 1787 года—ежедневно, иногда до глубокой ночи, вели безконечные разговоры и обмѣнивались самыми задушевными мыслями и желаніями. Это была поистинѣ счастливая пора въ жизни Шиллера. Онъ нанялъ дачу въ окрестностяхъ Лейпцига, гдѣ жила семья Кернеровъ, и тамъ проводилъ со своими новыми друзьями всѣ вечера. Сколько было теплыхъ словъ и какъ пылали лица молодыхъ дѣвушекъ во время общей дружеской бесѣды! Это былъ союзъ пяти друзей, какъ бы рожденныхъ для вѣчной дружбы. Письма Шиллера, относящіяся къ четѣ Кернеровъ и четѣ Губеровъ, напоминаютъ диѳирамбы. Тогда же подъ вліяніемъ этой дружбы онъ написалъ свой гимнъ: „Пѣснь радости".

—Кто небесъ провидѣлъ сладость,
Кто любилъ на сей земли,
Въ миломъ взорѣ черпалъ радость,—
Радость нашу раздѣли:
Всѣ, чье сердце сердцу друга
Въ братской вторило груди;
Кто жъ не могъ любить—изъ круга
Прочь съ слезами отойди! *)

Кружокъ, дѣйствительно, былъ интересный, такъ какъ каждый дополнялъ то, чего не доставало другимъ. Минна,

*) Пер. Тютчева.

жена Кернера, страстная натура, придавала ему оживленіе; Дора, невѣста Губера, изящная, чистая, прелестная дѣвушка, —свѣжесть и меланхолію; Кернеръ—философскую глубину, а Шиллеръ—высокій полетъ. Къ нимъ, конечно, присоединилось еще не мало знакомыхъ и друзей, но ядро составляли они. Въ домѣ Кернера читались и разбирались литературныя произведенія, обсуждались злобы дня. Кромѣ того, тамъ много пѣли и играли. О жизнерадостномъ настроеніи Шиллера свидѣтельствуютъ его юмористическія стихотворенія, написанныя въ то время. Однажды семейство Кернеровъ уѣхало къ знакомымъ въ Пильницъ. Шиллеръ хотѣлъ порабо-

Дора Штокъ.

тать надъ „Донъ-Карлосомъ“ и, оставшись дома, уединился во флигелѣ, подлѣ котораго была прачешная. Минна Кернеръ, думая, что поэтъ ѣдетъ также, захватила съ собою ключи, не оставивъ для поэта ничего, даже хлѣба и дровъ. Между тѣмъ день былъ осенній, холодный, а прачки, не предупрежденныя о присутствіи Шиллера, все время болтали. Работать нельзя было и, когда на слѣдующій день семейство возвратилось, поэтъ поднесъ хозяйкѣ дома шуточное стихотвореніе, въ которомъ описывалъ свои бѣдствія.

Dumm ist mein Kopf und schwer, wie Blei,
Die Tabaksdose ledig,

Mein Magen leer—der Himmel sei
Dem Trauerspiele gnädig. *)

Къ тому же времени относится шутка въ драматической формѣ, написанная ко дню рожденія Кернера. Шиллеръ назвалъ эту шутку „Утромъ Кернера“, а самъ Кернеръ окрестилъ ее названіемъ: „Я брился“. Въ пьескѣ изображается, какъ Кернеръ, вставъ рано утромъ, радуется, что погода хороша и зоветъ слугу, чтобы тотъ его побрилъ передъ уходомъ на службу. Но тутъ появляются препятствія: Шиллеръ, требующій рукопись для своего журнала „Талія“, знакомый, который приноситъ музыкальныя произведенія, профессоръ Бекеръ, являющійся съ разными новостями, Дора, которая требуетъ побольше денегъ на хозяйство, портной, которому нужно примѣрить жилетъ, сапожникъ съ сапогами, Минна съ кофе, Губеръ со статьею о Ріенци.

Минна (входитъ). Постарайся, Кернеръ, быть на засѣданіи Уже пробило 10 часовъ.

Кернеръ. Я готовъ. Поцѣлуй меня, мышенокъ

Минна. Хочешь-ли еще одну чашку, Кернеръ?

Кернеръ Дай еще одну чашку.

Губеръ. (входитъ). Я принесъ тебѣ Ріенци, Кернеръ. Если у тебя есть время. я прочту его. (Сапожникъ становится на колѣни и примѣряетъ сапоги. Готлибъ брѣетъ, Минна приноситъ чашку. Губеръ ходитъ взадъ и впередъ, читая.)

Губеръ. Римъ былъ два раза всемірной...

Сапожникъ. Высокіе или низкіе каблуки, г. оберъ консисторіальратъ?

Кернеръ. Средніе.

Губеръ... всемірной имперіею...

Минна. Достаточно-ли сладокъ кофе, Кернеръ?

Кернеръ. Да, мышенокъ.

Губеръ. Римъ былъ два раза всемірной имперіею...

Минна (даетъ ему пощечину).

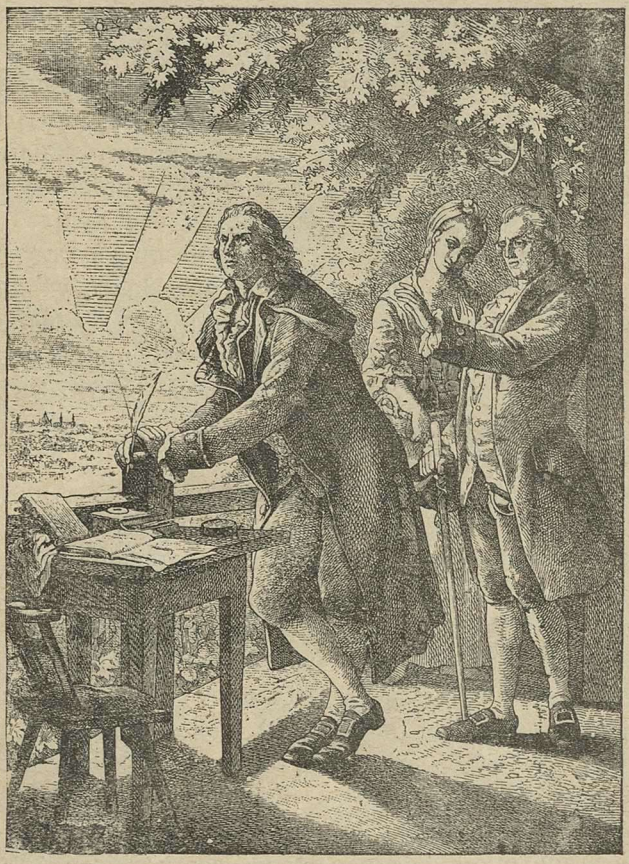
И такъ далѣе. Одинъ мѣшаетъ другому, другой третьему и вдругъ бьетъ часъ и въ консисторію идти уже поздно. Всѣ—Дора, Шиллеръ, Минна и Губеръ—восклицаютъ въ одинъ голосъ: „Боже мой, какъ ты провелъ все утро!“ На это Кернеръ отвѣчаетъ: „Я хотѣлъ побриться“.

Результатомъ пребыванія Шиллера среди дрезденскихъ друзей были „Донъ Карлосъ“, въ которомъ описана въ столь

*) Голова у меня глупа и тяжела, какъ свинецъ, табакерка пуста, въ желудкѣ нѣтъ ничего,—да смилуется небо надъ трагедіею.

трогательной формѣ дружба между Донъ Карлосомъ и маркизомъ Позою, и разсказы:„ Преступленіе отъ потери чести“ и „Духовидецъ“, въ которомъ отражается уже образъ другой дѣвушки, также оказавшей нѣкоторое вліяніе на творчество поэта,—Генріеты Арнимъ.

Воспоминаніе о Кернерѣ, его женѣ, Миннѣ, и ея сестрѣ,



Шиллеръ въ домѣ Кернеровъ.

Дорѣ Штокъ, всегда было дорого поэту. Съ однимъ только Губеромъ онъ разсорился, послѣ того какъ Губеръ разошелся съ невѣстою, Дорою. Прекрасная дѣвушка такъ-таки и не вышла замужъ. Черезъ нѣкоторое время она переселилась въ Берлинъ вмѣстѣ съ сестрою и Кернеромъ, получившимъ мѣсто въ одномъ министерствѣ, и осталась въ его домѣ до конца жизни.

ГЕНРІЕТА АРНИМЪ.

Какъ, однако, ни чувствовалъ себя Шиллеръ хорошо въ семьѣ Кернеровъ, но онъ все-таки сознавалъ, что онъ тамъ чужой. И какъ ни относились къ нему горячо Минна Кернеръ, жена его друга, и ея сестра, Дора Штокъ, невѣста другого друга, но эти отношенія не могли вознаградить его за долгіе годы одиночества, только временно прерваннаго романомъ съ Шарлоттою Кальбъ, и напрасной жажды истинно любить и быть истинно любимымъ. Теплыя бесѣды съ друзьями наполняли его душу блаженствомъ, но, вернувшись домой, онъ все-таки грустно усаживался за письменный столъ и мысль его опять уходила далеко, въ средніе вѣка, гдѣ виталъ образъ Лауры—воплощеніе недоставшей ему любви. Немудрено, что при встрѣчѣ съ первою же свободной дѣвушкою поэтъ опять загорѣлся всѣмъ пыломъ нерастраченной страсти.

Дѣло происходило зимою 1786 года. Увидѣвъ въ знакомомъ домѣ вдову саксонскаго офицера, г-жу Арнимъ, съ двумя дочерьми, Шиллеръ тотчасъ почувствалъ влеченіе къ старшей изъ нихъ, Маріи-Генріетѣ, обращавшей на себя всеобщее вниманіе своей красотой и изяществомъ манеръ. Шиллеръ познакомился съ нею и даже получилъ доступъ въ ея домъ, но встрѣтилъ въ лицѣ матери таинственнаго сфинкса, поведеніе котораго тщетно старался разгадать. Г-жа Арнимъ была очень любезна съ поэтомъ и даже сближала его съ дочерью, но въ то-же время не только не подавала ему надеждъ на руку Генріеты, но всѣми силами производила давленіе на дочь, стараясь, повидимому, предупредить въ ней малѣйшую искру привязанности къ поэту. Впослѣдствіи дѣло выяснилось: г-жа Арнимъ не считала Шиллера подходящимъ для ея дочери мужемъ, но на любовь его, знаменитаго въ то время поэта, смотрѣла какъ на средство, которое можетъ поднять престижъ дѣвушки въ глазахъ общества. Это былъ чисто дѣловой маневръ, котораго благородный поэтъ не хотѣлъ понять, но послѣдствіямъ котораго принужденъ былъ покориться. Г-жа Арнимъ не только са-

ма прибѣгала ко всякимъ маневрамъ, но и дочерей своихъ вышколила, научивъ ихъ въ широкой мѣрѣ искусству ловить жениховъ. И дочери, послушныя волѣ матери, дѣлали

Шиллеръ у Кернеровъ.

все возможное, чтобы толпившійся около нихъ кругъ воздыхателей постоянно увеличивался. Если кто нибудь изъ пойманныхъ кандидатовъ предлагалъ руку, ему не отказывали, но въ то-же время ему не давали прямого отвѣта, такъ

какъ могъ подвернуться другой, болѣе выгодный женихъ. Такъ, между прочимъ, поступили и съ Шиллеромъ. Генріета подавала ему надежды, но одновременно съ этимъ подавала также надежды и одному банкиру—еврею и какому-то выродившемуся графу. Она условилась съ Шиллеромъ, что, если на окнѣ ея будетъ горѣтъ свѣча, то она принять его не можетъ, такъ какъ хочетъ провести вечеръ только съ родными; на самомъ же дѣлѣ оказывалось, что въ это время у нея находился другой поклонникъ.

Бѣдному поэту любовь къ Генріетѣ Арнимъ стоила не мало: почти весь доходъ съ представленій „Донъ Карлоса“ поступилъ въ ея семью въ видѣ подарковъ и даже денежныхъ суммъ. Кернеры, которые хорошо понимали дѣло, рѣшили положить конецъ отвратительной комедіи, разыгрываемой практической женщиною при помощи дочерей, и убѣдили поэта уѣхать на время въ Тарандтъ. Шиллеръ послушался и средство оказалось дѣйствительнымъ. Когда онъ вернулся въ Лейпцигъ, о любви его къ Генріетѣ осталось только слабое воспоминаніе.

ШАРЛОТТА КАЛЬБЪ.

Солнце, наконецъ, выглянуло. И, какъ это всегда бываетъ послѣ долгихъ сѣрыхъ дней, оно сразу засіяло всѣми своими лучами и начало жечь: Шиллеръ встрѣтился съ Шарлоттою Кальбъ.

Шарлотта Маршалькъ фонъ-Остгеймъ, по мужу Кальбъ, провела бурную молодость. Правильнаго воспитанія она не получила, но недостатокъ этотъ искупался природнымъ умомъ и богатымъ воображеніемъ. Какъ разсказываетъ Шерръ, она еще до конфирмаціи успѣла познакомиться съ книгами самаго разнообразнаго содержанія,—Библіею, Кораномъ, Вольтеромъ, Руссо, Шекспиромъ, Клопштокомъ, Виландомъ, служившими для нея „безбрежнымъ чтеніемъ“—

выраженіе, которое впослѣдствіи примѣнилъ къ ней ея любимецъ Жанъ-Поль Рихтеръ. Если прибавить къ этому тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя юною Шарлоттою изъ семейной жизни, ея несчастный бракъ съ нелюбимымъ человѣкомъ, то не трудно представить себѣ эту женщину, которая боролась между напряженнымъ героизмомъ и жаждою любви, между огнемъ и холодомъ и которую еще черезъ двѣнадцать лѣтъ Жанъ-Поль называлъ „женщиною съ всемогущимъ сердцемъ, титанидою“. Она же послужила ему образцомъ для Линды въ „Титанѣ“. Въ молодыхъ годахъ Шарлотта, если и не была красавицею, то обладала тѣмъ качествомъ, которое въ наше время называютъ пикантностью. Еще въ 1796 году Жанъ-Поль писалъ о ней: „У нея два великихъ достоинства: большіе глаза, какихъ я никогда не видалъ, и великая душа. Она такъ же хорошо говоритъ, какъ хорошо пишетъ Гердеръ въ своихъ письмахъ о гуманизмѣ. Она полна, даже лицомъ, и если поднимаетъ свои почти постоянно опущенные глаза, то это походитъ на то, какъ луна то выглянетъ изъ облаковъ, то снова спрячется за ними“.

Шиллеръ жилъ тогда въ Мангеймѣ. Тамъ же онъ и сошелся съ Шарлоттою, пріѣхавшею туда съ мужемъ. „Титанида“, конечно, не могла не обратить на себя вниманія страстнаго поэта. Съ другой стороны, и сама Шарлотта не могла не поддаться вліянію поэтической личности Шиллера, о которомъ до конца жизни сохранила самое свѣтлое воспоминаніе. „Въ цвѣтѣ лѣтъ,—писала она впослѣдствіи,—все существо Шиллера отличалось богатымъ разнообразіемъ; его глаза блестѣли юношескимъ мужествомъ; гордая осанка, глубокая мысль, смѣлое и неожиданное сужденіе—все поражало въ немъ. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ и сочувствовалъ моимъ идеямъ. Нѣсколько времени оставался онъ у меня, потомъ взялъ шляпу и сказалъ: „Мнѣ пора въ театръ“. Послѣ ужъ я узнала, что въ этотъ вечеръ шла его пьеса „Коварство и любовь“ и онъ просилъ актеровъ не упоминать имени „Кальбъ“ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой пьесы). Вскорѣ онъ возвратился веселый; радость сверкала въ его глазахъ. Не стѣсняясь, говорилъ онъ откровенно, съ чувствомъ, съ сознаніемъ; мысль слѣдовала за мыслью, рѣчь его лилась свободно, какъ рѣчь пророка. Во

время разговора онъ увлекся, и это увлеченіе отличалось какою-то женственностью. Его взоръ горѣлъ страстью. Въ то время эта жизнь только что расцвѣла.“ Словомъ, между поэтомъ и «титанидою» началась близость, которая ведетъ къ взаимной любви и счастію.

Въ это-то время Шиллеръ переживалъ тяжелый душевный кризисъ. Увлекающійся, восторженный, влюбляющійся во всякую женщину, съ которою сталкивала его судьба, но ни разу еще не встрѣтившій взаимности, поэтъ очутился въ противорѣчіи съ самимъ собою и въ одинъ прекрасный день долженъ былъ признаться, что одинаково влюбленъ въ нѣсколькихъ женщинъ: въ Шарлотту Вольцогенъ, Маргариту Шванъ, Каролину Циглеръ, Катерину Бауманъ и Шарлотту Кальбъ, и на всѣхъ ихъ одинаково хотѣлъ-бы жениться... Въ стихотвореніяхъ Шиллера, „Борьба“ и „Легкомысліе страсти“, написанныхъ въ то время, мы находимъ яркій отголосокъ этой путаницы чувствъ.

Нѣтъ, прочь, суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?
Не требуй жертвъ напрасныхъ отъ меня,
Когда ужъ погасить въ груди моей не можешь
Ея палящаго огня.
Я клялся, да я клялся мощной воли
Признать надъ сердцемъ власть...
Теперь... вотъ твой вѣнокъ—онъ мнѣ не нуженъ болѣ,
Возьми его—и дай мнѣ пасть!
Разорванъ нашъ союзъ! Она, я знаю, любитъ...
И вдругъ отречься отъ нее!
О, нѣтъ! Пусть страсти пылъ на вѣкъ меня погубитъ:
Въ моемъ паденіи блаженство все мое! *)

Словомъ, получилось нѣчто невыразимо сложное, запутанное, которое, какъ Гордіевъ узелъ, можно было разрубить, но не распутать. Чтобы разрубить этотъ узелъ душевной смуты, Шиллеръ уѣхалъ изъ Лейпцига. Но передъ отъѣздомъ между отчаявшимся поэтомъ и Шарлоттою Кальбъ произошла удивительная сцена, характерная столько же для самихъ героевъ, сколько для всей эпохи бури и натиска.

— Мое сердце,—воскликнулъ Шиллеръ, прощаясь съ Шарлоттою,—зажглось отъ вашего чистаго пламени; вы одушевили и успокоили меня. Родство нашихъ душъ указываетъ на высшую гармонію; я знаю только одно, что мы живемъ во цвѣтѣ юности, которая служитъ объясненіемъ нашихъ

*) „Борьба“, пер. А. Майкова.

пламенныхъ сердецъ. Но я вѣрю, что ты не погасишь этого пламени. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ моя мысль покрылась мрачнымъ покровомъ, моя душа познала страданіе; но я услышалъ тебя, твоя мысль отвѣчала моей. Наши души, какъ огонь и потокъ, слились во-едино. Я полюбилъ тебя и былъ бы всегда твоимъ, если бы у меня достало мужества для этой любви. Но пускай мое сердце не знаетъ этой страсти, которая меня восхищаетъ и страшитъ.

Шарлотта отвѣтила:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала васъ, я начала требовать отъ жизни больше, чѣмъ прежде. Никогда прошедшее не представлялось мнѣ такимъ ничтожнымъ. Вы хотите разорвать нашъ союзъ? Но знайте, что васъ послала мнѣ судьба и мнѣ больно разстаться съ тѣми свѣтлыми минутами, которыми она дарила насъ. О, еслибъ вы были свободны отъ земныхъ заботъ и не такъ стремились къ славѣ, разрушающей весь душевный міръ! Мнѣ тяжела разлука, но вы знакомы съ уединеніемъ, съ божественнымъ покоемъ. Надежда! Вѣра! Мы чувствуемъ оба, что, кто называетъ душу своею, тотъ не разлучается никогда... Вы мнѣ говорите „ты“ и я отвѣчаю вамъ „ты“! Правдѣ незнакомо слово „вы“. Счастливые знаютъ только „ты“, и пускай это „ты“ будетъ печатью нашего вѣчнаго союза!

Сцена была томительная, и можно себѣ представить, съ какимъ облегченнымъ сердцемъ уѣхалъ Шиллеръ изъ Мангейма. По пріѣздѣ въ Лейпцигъ онъ тотчасъ написалъ отцу Маргариты Шванъ письмо, въ которомъ просилъ руки его дочери. Мы уже знаемъ, что поэта ждала неудача. Старикъ Шванъ считалъ положеніе поэта слишкомъ неопредѣленнымъ, чтобы согласиться на бракъ Шиллера съ его дочерью, и послалъ ему отказъ. Такъ Шиллеръ и остался между двумя берегами, отчаливъ отъ одного и не приставъ къ другому.

Впослѣдствіи, поселившись въ Веймарѣ—средоточіи тогдашней умственной аристократіи Германіи,—Шиллеръ снова увидѣлся съ Шарлоттою и между ними завязались прежнія добрыя отношенія. Въ первомъ же письмѣ оттуда къ Кернеру поэтъ писалъ: „Шарлотта—великая, оригинальная душа, цѣлая наука для меня, способная вдохновить болѣе возвышенный умъ, чѣмъ мой. Съ каждымъ днемъ я

нахожу въ ней новыя достоинства, которыя, какъ прекрасные виды громаднаго ландшафта, поражаютъ и восторгаютъ меня... Повидимому, здѣсь не мало толковъ обо мнѣ и Шарлоттѣ. Мы рѣшились не скрывать нашихъ отношеній и насъ стараются не стѣснять, когда мы желаемъ быть одни. Виландъ и Гердеръ уважаютъ Шарлотту". Уже изъ этого письма видно, что сближеніе въ Веймарѣ состоялось полное, но оно еще болѣе обнаруживается изъ слѣдующаго письма, въ которомъ поэтъ открыто признается въ совершившемся фактѣ: „О моихъ отношеніяхъ къ Шарлоттѣ начинаютъ громко поговаривать, но во всѣхъ этихъ разговорахъ нѣтъ и тѣни оскорбленія для насъ; даже сама герцогиня Амалія была настолько любезна, что пригласила насъ обоихъ къ себѣ. Причину этого приглашенія объяснилъ мнѣ Виландъ. Здѣсь на подобныя связи смотрятъ снисходительно и сама герцогиня не прочь имъ покровительствовать. Г-нъ Кальбъ (мужъ Шарлотты) писалъ мнѣ, что пріѣдетъ въ концѣ сентября; дружба его ко мнѣ не измѣнилась, не смотря на то, что онъ любитъ свою жену и знаетъ про наши отношенія. Но его самолюбіе можетъ пострадать отъ вмѣшательства посторонихъ людей въ это дѣло и услужливаго наушничества".

Любопытно, что, не смотря на все свое свободомысліе, Шиллеръ мучился сознаніемъ, что, вступая въ связь съ замужнею женщиною, онъ совершаетъ преступленіе. Эти сомнѣнія выражены имъ особенно ярко въ названномъ стихотвореніи „Свободомысліе страсти", гдѣ, конечно, поэтъ старается утѣшать себя самого доводами холоднаго разсудка... „Мнѣ,—восклицаетъ онъ,—стало страшно передъ столь близкимъ счастьемъ и я его не добылъ. Но почему пугаться клятвонарушенія? Потому-ли, что обычай, который законъ сдѣлалъ священнымъ, освятилъ тяжкій проступокъ случая? Нѣтъ, я безстрашно возстаю противъ союза, въ которомъ раскаявается краснѣющая природа. О, не дрожи. Ты клялась, какъ грѣшница: клятвонарушеніе—благочестивый долгъ раскаянія. Моимъ было сердце, которое ты потеряла передъ алтаремъ. Небо не играетъ человѣческими радостями".

Тѣ же душевныя сомнѣнія и протестъ свободнаго духа противъ условностей жизни выражены Шиллеромъ также и въ „Донъ Карлосѣ", который онъ писалъ въ разгаръ дружбы съ Шарлоттою Кальбъ. Поэтъ не отважился вывести свою

любовь къ замужней женщинѣ, потому что, можетъ быть, боялся выдать свою тайну; но онъ все-таки изобразилъ запретную любовь—любовь наслѣдника престола Дона Карлоса къ своей мачехѣ Елизаветѣ.

Карлосъ.
Вы никогда любви не знали?
Королева.
Я не люблю ужъ больше.
Карлосъ.
Потому что
То запрещаютъ сердце вамъ, обѣты?

Генріета Арнимъ (къ стр. 178).

Королева.
Оставьте, принцъ, меня—и никогда
Подобными вопросами не мучьте!
Карлосъ.
То запрещаютъ сердце вамъ, обѣты?
Королева.
То запрещаетъ долгъ. Несчастный, для чего
Намъ разлагать судьбы жестокой звенья,
Когда мы ей должны повиноваться?
Карлосъ.
Должны? Должны повиноваться?
Королева.
Какъ?
Что значитъ этотъ грозный тонъ?
Карлосъ.
А то,
Что Карлосъ не намѣренъ покориться,

Когда хотѣть онъ вправѣ; не намѣренъ
Играть несчастнаго на этомъ свѣтѣ,
Когда ему законъ попрать лишь стоить,
Чтобъ быть счастливымъ. *)

Шиллеръ въ концѣ концовъ „попралъ законъ.“ Это была первая любовь, увѣнчавшаяся счастіемъ взаимности, и поэтъ, какъ тотъ-же Донъ Карлосъ, могъ воскликнуть:

Дай мнѣ сперва опомниться. Не бьются-ль
Еще всѣ ужасы такого счастья
Въ груди моей? Надѣялся-ль на то я?
Осмѣливался-ль я мечтать объ этомъ?
Гдѣ человѣкъ, привыкшій видѣть Бога?
Чѣмъ былъ я? Чѣмъ я сталъ теперь? Да это
Другое небо, это солнце—
Другое солнце: я любимъ. **)

Какъ, однако, ни утѣшалъ себя софизмами Шиллеръ, но онъ все-таки сознавалъ, что лучше всего будетъ, если Шарлотта разведется съ мужемъ.

Влюбленные и начали говорить объ этомъ. Однако, дѣло ограничилось только разговорами, что въ скоромъ времени и отразилось неблагопріятно на ихъ отношеніяхъ. По крайней мѣрѣ, Шиллеръ вскорѣ написалъ другу, что чувствуетъ охлажденіе къ Шарлоттѣ, а черезъ нѣкоторое время отношенія между влюбленными, дѣйствительно, начали принимать оборотъ, естественнымъ послѣдствіемъ котораго является полный разрывъ. Шарлотта въ своихъ запискахъ объясняетъ это именно тѣмъ, что она не развелась съ мужемъ; но причина была другая или, вѣрнѣе, были двѣ причины: во-первыхъ, эксцентричная Шарлотта могла быть любовницею Шиллера, но не женою, а во-вторыхъ, у поэта въ это время начиналась новая любовь, болѣе прочная и разумная, любовь, основанная на истинной гармоніи душъ и кончившаяся бракомъ. Эта связь до того сильно овладѣла поэтомъ, что онъ не скрылъ ее даже отъ самой Шарлотты, чѣмъ, конечно, еще болѣе ухудшилъ отношенія. Во всякомъ случаѣ разрывъ произошелъ не полный, потому что бывшіе влюбленные поддерживали другъ съ другомъ переписку, безпрерывно обмѣниваясь увѣреніями въ вѣчной дружбѣ. Какъ женщина, Шарлотта перестала существовать для Шиллера и не воскресла даже тогда, когда умеръ ея мужъ, что устранило послѣднее препятствіе. Шиллеръ въ то время

*) Пер. М. Достоевскаго (Д. I, 5 выходъ).
**) Тамъ же, (Д. II, 3 выходъ.)

былъ слишкомъ занятъ мыслью о созданіи своего семейнаго благополучія, основаннаго на порядкѣ и спокойствіи, чтобы вернуться въ храмъ страсти, гдѣ у него не могло быть душевнаго спокойствія, необходимаго для мирной творческой работы.

Шарлотта кончила жизнь очень печально: она лишилась всего состоянія и къ тому-же ослѣпла. Тѣмъ не менѣе

Шарлотта Кальбъ.

до послѣднихъ дней она продолжала быть „титанидою“. Уже въ глубокой старости она производила неотразимое впечатлѣніе своими черными глазами, величественной фигурою и пророческой рѣчью. Таково было время. Она умерла въ 1843 году восьмидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, до могилы сохранивъ воспоминанія о своемъ прошломъ, въ которомъ было такъ много бурь и такъ мало истиннаго счастія.

Романъ съ Шарлоттою пронесся грозою надъ однообразнымъ и нерадостнымъ существованіемъ Шиллера; но, подобно грозѣ, онъ освѣжилъ его музу, очистилъ ее отъ наносныхъ элементовъ. Дѣйствующія лица шиллеровскихъ произведеній, особенно женскія фигуры, стали съ этого времени изящнѣе, цѣльнѣе, законченнѣе. Тонкая и образованная женщина, Шарлотта Кальбъ, не смотря на всѣ чрезмѣрности собственной необузданной натуры, сумѣла удержать своего друга отъ чрезмѣрностей и необузданностей въ области поэзіи, облагородить его стиль, сосредоточить его мысль. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи фигура королевы Елизаветы въ „Донъ Карлосѣ“, написанномъ подъ вліяніемъ Шарлотты. Такого изящнаго, цѣльнаго, законченнаго образа у Шиллера еще не было. Онъ достигъ совершенства. И, что болѣе всего любопытно, по трагедіи Шиллера можно прослѣдить исторію всѣхъ его душевныхъ волненій, пережитыхъ изъ-за Шарлотты. Шиллеръ задумалъ образъ Елизаветы еще до того, какъ сошелся съ пламенной женщиною, и потому надѣлилъ ее чертами страдалицы, вышедшей за нелюбимаго человѣка и покорно подчинившейся своей судьбѣ, какою въ самомъ дѣлѣ и была первое время Шарлотта фонъ-Кальбъ. Какъ и она, Елизавета только жалуется, только плачется на свою судьбу, только сожалѣетъ, что принуждена была промѣнять свою безмятежную юность при родномъ дворѣ во Франціи на мрачную жизнь при дворѣ жестокаго и властолюбиваго Филиппа II. И за это страданіе любитъ ее нѣжный и сострадательный Донъ Карлосъ. Потомъ Шарлотта Кальбъ перемѣнилась и, полюбивъ поэта, внесла въ его жизнь рядомъ со счастіемъ раздѣленной любви несчастіе бурной страсти, подозрѣній, ревности. Шиллеръ не могъ измѣнить дорогой ему образъ Елизаветы,—той-же Лауры,—чтобы придать ему новыя, раньше незнакомыя черты Шарлотты, и, поэтому, во второмъ дѣйствіи вывелъ на сцену новую женскую фигуру—принцессу Эболи, которая, влюбившись въ Донъ Карлоса, какъ Шарлотта фонъ-Кальбъ въ Шиллера, преслѣдуетъ его своею любовью, навязывается ему и готова на всякія жертвы, лишь бы завоевать предметъ сердца.

Принцесса (со взглядомъ, полнымъ любви).

О, Карлосъ!
Какъ я васъ много знала! Какъ богато,

Какъ безгранично много ваше сердце
За трудъ понять себя даетъ въ награду!
(Беретъ его руку и хочетъ поцѣловать ее)

Карлосъ (отдергивая руку)

Принцесса, что вы?

Принцесса

(Граціозно и пристально смотря на его руку)

Какъ она прекрасна!
О, какъ богата! Эта, принцъ, рука
Сжимаетъ два подарка драгоцѣнныхъ:
Престолъ и сердце Карла... и одной,
Быть можетъ, смертной оба вдругъ?... Одной?
Большой, божественно-большой подарокъ!
Не слишкомъ-ли великій для одной?
Не раздѣлить-ли лучше вамъ его?
Повѣрьте, дурно любятъ королевы.
Любовь не знаетъ толку въ діадемахъ,
Такъ сдѣлайте-жъ раздѣлъ, принцъ, и сейчасъ-же,
Сейчасъ же, принцъ? Иль онъ ужъ вами сдѣланъ?
Онъ вправду сдѣланъ? О, тѣмъ лучше!
И кто же та счастливица? *)

Въ этомъ же духѣ допекала Шиллера не разъ и Шарлотта Кальбъ. Она преслѣдовала его ревностью, поэтическое изображеніе которой поэтъ далъ въ томъ же второмъ дѣйствіи „Донъ Карлоса“, гдѣ принцесса Эболи, зная, что Донъ Карлосъ влюбленъ въ королеву, мучаетъ его ревнивыми воспоминаніями.

Принцесса.

Вашъ разсчетъ невѣренъ, Карлосъ.
Признайтесь, вы хотите отъ меня
Лишь ускользнуть съ змѣиною уловкой.
Взгляните на меня, притворщикъ: глазъ
На глазъ. Кто лишь о подвигахъ мечтаетъ,
Тотъ—сами вы признайтесь—низойдетъ ли
Тотъ до того, чтобъ ленты красть у дамъ
И—вы меня простите—
(въ то время, какъ она легкимъ движеніемъ пальцевъ отстегиваетъ воротникъ его рубашки и вынимаетъ оттуда ленточный бантикъ)
их хранить,
Какъ драгоцѣнность, прятать, какъ святыню?

Карлосъ (отступая съ удивленіемъ)

Принцесса! Нѣтъ, ужъ слишкомъ. Видно,
Мнѣ измѣнили. Васъ не проведешь.
Вы съ демономъ, вы съ духами столкнулись.

Принцесса.

Васъ удивляетъ это? Удивляетъ?
На что хотите биться, я сзову
Къ вамъ въ сердце случаи, былыя сцены...
Попробуйте, спросите что нибудь.
Когда всѣ странности каприза, звукъ,

*) „Донъ-Карлосъ“, д. II, 8 выходъ.

На воздухъ мелькомъ брошенный, улыбка,
Спахнутая серьезностью внезапной,
Когда ужъ самыя явленья, жесты,
Гдѣ не было и тѣни васъ самихъ,
Когда все это отъ меня не скрылось,
Судите жъ сами, поняла-ль я васъ,
Гдѣ вы понятнымъ только быть хотѣли?

Карлосъ.

Да, правда, это много. Хорошо,
Я вашъ закладъ, принцесса, принимаю.
Вы въ сердцѣ у меня хотѣли много
Открытій сдѣлать, о которыхъ самъ
Я никогда не вѣдалъ.

Принцесса (обиженно и серьезно).

Никогда, принцъ!
А вспомните! Подумайте! Вы здѣсь
Не въ комнатахъ у королевы, принцъ,
Гдѣ нужно иногда немного маски,
Похвально даже. Вы изумлены?
Вы вспыхнули внезапно? О, конечно,
Кто жъ такъ уменъ, такъ дерзокъ, такъ свободенъ,
Что будетъ замѣчать за Карломъ, если
Самъ Карлъ того не хочетъ? Кто-жъ могъ видѣть,
Какъ на послѣднемъ балѣ королеву
Средь танца бросилъ онъ, другую пару
Расторгъ и, вмѣсто августѣйшей дамы
Своей, принцессѣ Эболи далъ руку?
Ошибка, принцъ, которую король,
Тогда вошедшій въ залу, самъ замѣтилъ.

Карлосъ (съ иронической улыбкою).

И даже онъ? Признаюсь вамъ, принцесса,
Объ немъ-то я и не подумалъ.

Принцесса.

Такъ же,
Какъ и въ капеллѣ королевской... Карлосъ
И это также позабылъ? У ногъ
Небесной дѣвы вы лежали; жарко
Лилась изъ устъ молитва; вдругъ—вы въ этомъ
Не виноваты, правда—платья дамъ
Таинственно за вами зашумѣли.
И вотъ неустрашимый сынъ Филиппа,
Какъ еретикъ передъ судомъ священнымъ,
Вдругъ задрожалъ: отравленной молитвы
Послѣдній звукъ слетѣлъ съ поблекшихъ губъ
Въ припадкѣ страсти... Вы тогда до слезъ
Шутили, принцъ... берете жадно руку,
Холодную святой Мадонны руку,—
И поцѣлуевъ пламя грѣетъ мраморъ.

Карлосъ.

Одна лишь набожность, принцесса... вѣрьте!

Принцесса.

Тогда другое дѣло, принцъ... тогда,
Конечно, ужъ изъ страха проиграть
Случилось, что принцъ Карлосъ, съ королевой

И мной играя, съ ловкостію рѣдкой
Похитилъ у меня перчатку эту.
(Карлосъ, ошеломленный, вскакиваетъ).

Шарлотта Кальбъ (другой портретъ).

Но тутъ-же такъ былъ вѣжливъ и любезенъ,
Что сдѣлалъ ходъ съ нея на мѣсто карты.

Карлосъ.

О, Боже милосердный! что я сдѣлалъ?

Принцесса.

Да то, въ чемъ вы сознаетесь, надѣюсь.
Какъ испугалась я, когда нежданно
Мнѣ письмецо попалось, что въ перчатку
Умѣли вы вложить. То былъ романъ
Прекрасный, принцъ, который я сейчасъ же...

Все это было написано въ то время, когда пламенный романъ Шиллера и Шарлотты былъ въ полномъ разгарѣ. Потомъ поэтъ, пресытившись любовью страстной женщины, переѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ рѣшилъ навсегда разстаться съ Шарлоттою. Дѣйствительно, ему удалось забыть безпокойную женщину и слѣдствіемъ этого явилось то, что въ третьемъ дѣйствіи „Донъ Карлоса“, написанномъ въ то время, принцесса Эболи уже не появляется, какъ не появляется также и королева Елизавета. Шиллеру было томительно вернуться къ прежнимъ образамъ... Но позднѣе любовь Шиллера къ Шарлоттѣ возродилась и онъ въ четвертомъ дѣйствіи опять уже вывелъ принцессу Эболи, но очистившуюся отъ прежней страсти и прежней мстительности, принцессу кающуюся, готовую на жертвы, готовую пожертвовать даже собственной любовью и жизнію. Въ то-же время и Елизавета, этотъ идеалъ женской красоты и граціи, по представленію Шиллера, вырисовывается подъ геніальнымъ перомъ поэта еще болѣе чистою и возвышенною, вырисовывается фигурою, давно намъ знакомою изъ божественныхъ сонетовъ Петрарки.

Впрочемъ, не на одномъ „Донъ Карлосѣ“ отразилось вліяніе Шарлотты. Стихотвореніе „Кассандра“ и трагедія „Орлеанская Дѣва“ также навѣяны ею, особенно „Кассандра“, образъ которой такъ живо напоминаетъ страстную, бродячую и въ сущности глубоко несчастную натуру фонъ-Кальбъ. Какъ извѣстно изъ греческаго миѳа, Аполлонъ одарилъ Кассандру, прекрасную дочь Пріама, способностью предвидѣть будущее; но такъ какъ она не хотѣла отвѣтить ему на любовь взаимностью, то онъ въ то же время лишилъ ее возможности внушать довѣріе. Такимъ образомъ, Кассандра, съ одной стороны, предвидѣла гибель родного города, Трои, а съ другой никто не вѣрилъ ея предсказаніямъ. Стихотвореніе Шиллера представляетъ сплошной вопль несчастной

женщины. Жизнь Шарлотты также представляла сплошной вопль. Она вышла за человѣка, котораго не любила, потеряла все свое состояніе, ея мужъ и сынъ, прусскій офицеръ, подававшій большія надежды, лишили себя въ отчаяніи жизни—словомъ, Шарлотта претерпѣла цѣлый рядъ страданій и имѣла во всѣ минуты жизни право воскликнуть вмѣстѣ съ Кассандрою:

Ихъ ласкаетъ ожиданье.
Жизнь, любовь передо мной;
Все окрестъ очарованье—
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна,
Міръ цвѣтущій пустъ и дикъ...
Ахъ, сколь жизнь тому ужасна
Кто во глубь ея проникъ!

Въ Орлеанской дѣвѣ также не мало чертъ, присущихъ Шарлоттѣ фонъ-Кальбъ. Какъ и французская героиня, возлюбленная Шиллера замкнулась въ себѣ самой въ молодые годы, потомъ любила уединеніе въ лѣсу, питала страсть ко всему таинственному, а впослѣдствіи считала себя человѣкомъ, котораго никто не понимаетъ. Наконецъ, какъ и Орлеанская дѣва, Шарлотта имѣла видѣнія и не разъ разсказывала поэту о своихъ разговорахъ, которые она будто бы имѣла съ являвшеюся къ ней умершей матерью. Съ другой стороны, въ Карлѣ мы находимъ намекъ на личность самого поэта: Шиллеръ хотѣлъ показать, кому онъ обязанъ расцвѣтомъ своего поэтическаго таланта: точно такъ-же, какъ Карлъ обязанъ всѣмъ Іоаннѣ д'Аркъ, онъ самъ обязанъ Шарлоттѣ, безъ которой во всякомъ случаѣ не было бы „Донъ Карлоса“ съ его великолѣпной галлереею образовъ, съ его естественностью характеристикъ и неистощимымъ богатствомъ языка.

„Орлеанская дѣва“ была послѣдней данью Шарлоттѣ фонъ-Кальбъ. Поэтъ вскорѣ забылъ свою страсть и пошелъ навстрѣчу тихому семейному счастью. Онъ не могъ долго любить женщину, вносившую бурю въ его существованіе, потому что идеаломъ его являлись только такія женщины, которыя вплетаютъ небесныя розы въ земную жизнь. Шарлотта Кальбъ вплетала земную крапиву въ его небесные идеалы.

ЖЕНА ШИЛЛЕРА. *)

Еще на примѣрѣ Гете мы видѣли, что возвышенность мысли часто идетъ объ руку съ простой буржуазной обстановкою. Что общаго имѣла Христина Вульпіусъ съ творческой дѣятельностью величайшаго изъ міровыхъ поэтовъ? И тѣмъ не менѣе ни одна страсть Гете не отличалась такой устойчивостью и продолжительностью, какъ страсть его къ простушкѣ, умѣвшей готовить хорошіе обѣды, держать въ порядкѣ его письменный столъ, а при случаѣ пустить въ ходъ здоровые кулаки, чтобы спасти жизнь своему поэтическому, но съ кулачной борьбой незнакомому другу. То же самое отчасти, хотя и въ слабой формѣ, произошло и съ Шиллеромъ. Не смотря на свою идеалистическую натуру, онъ былъ разсудительнымъ человѣкомъ и трезво смотрѣлъ на бракъ. „Въ союзѣ, заключенномъ на всю жизнь,—писалъ онъ въ 1787 году Керперу,—не должно быть страсти. Если жена моя женщина необыкновенная, то она не дастъ мнѣ счастія или я не узнаю самого себя. Мнѣ нужно существо послушное, которое я могъ бы сдѣлать счастливымъ и которое освѣжило-бы и обновило-бы мою жизнь“. Ту-же мысль онъ высказалъ въ стихотвореніи „Знаменитая женщина“, представляющемъ собою „письмо мужа къ другу мужа“—сплошной рядъ жалобъ женатаго человѣка на то, что, сдѣлавшись мужемъ знаменитой женщины, онъ похоронилъ всѣ свои лучшія надежды: хозяйство у него въ величайшемъ безпорядкѣ, онъ долженъ самъ ухаживать за дѣтьми и совершенно не существуетъ въ собственномъ домѣ, потому что все вниманіе гостей поглощено его женою.

Вотъ мускусомъ пропитанный аббатъ,
Вотъ самъ банкиръ N. N., вотъ англичанинъ бритый,
Который двухъ нѣмецкихъ словъ подрядъ
Связать не можетъ,—всѣ увидѣться спѣшатъ
Съ моей женой—съ Ниионой знаменитой.
А мужъ сидитъ въ углу, не входитъ въ разговоръ;
Надменный гость къ нему едва склоняетъ взоръ...
Я представлялъ себя въ кругу дѣтей прелестныхъ,
Мечталъ, что съ милою подругою моею
Я буду жить въ семьѣ своей—

И будетъ наша жизнь гармоніей чудесной...
И что-жъ?—явился умный человѣкъ,
Великій геній—и въ мгновенье
Разрушилъ міръ, лишилъ меня навѣкъ
Моихъ надеждъ и грезъ и наслажденій...
Что сталось съ ней потомъ? Чѣмъ сдѣлалась она?
Мнѣ кажется,—увы! что я возсталъ отъ сна!
Куда умчался онъ—онъ, ангелъ мой небесный?
Остался въ тѣлѣ слабомъ духъ
И что-то среднее изъ двухъ
Между мущиною и женщиной прелестной.
Не можетъ ни любить, ни властвовать она,

Шарлотта Ленгефельдъ, жена Шиллера.

Она—дитя въ одеждѣ великана...
Ахъ, что она, мудрецъ иль обезьяна?
Задача та еще не рѣшена. *)

Полною противоположностью такого рода женщинѣ была Шарлотта фонъ-Ленгефельдъ. Шиллеръ познакомился съ нею въ 1784 году, когда она вмѣстѣ со старшею сестрою, Каролиною, и матерью пріѣхала въ Мангеймъ. Первая встрѣча была до того кратковременна, что не могла завершиться какими либо серьезными послѣдствіями для поэта. Полное

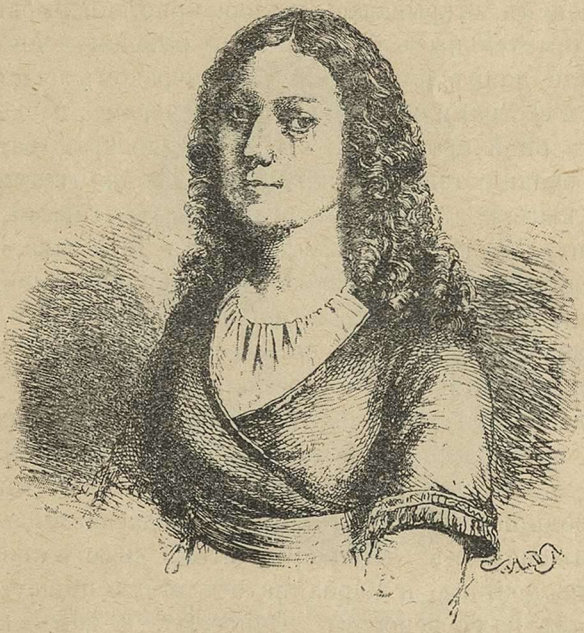
*) Пер. Ѳ. Миллера.

знакомство завязалось только черезъ три года, когда поэтъ пріѣхалъ къ семьѣ Ленгефельдъ вмѣстѣ съ товарищемъ Вольцогеномъ, къ которому была неравнодушна старшая сестра Каролина и за котораго вышла впослѣдствіи замужъ. Прекрасное, образованное и нравственное семейство произвело большое впечатлѣніе на Шиллера и онъ тотчасъ же рѣшилъ, что Шарлотта будетъ его женою. „Мнѣ,—писалъ онъ Кернеру,—необходимъ медіумъ, посредствомъ котораго я могъ бы наслаждаться другими радостями. Дружба, истина и красота еще сильнѣе подѣйствуютъ на меня, когда семейная спокойная жизнь осчастливитъ меня и согрѣетъ. До сихъ поръ я скитался по свѣту, чуждый всѣмъ; всѣ, къ кому я былъ привязанъ, имѣли существа, болѣе меня для нихъ дорогія, а этимъ я не могу удовлетвориться—я жажду спокойной семейной жизни“.

Какъ отнеслась къ Шиллеру Шарлотта? Есть полное основаніе думать, что онъ не произвелъ на нее большого впечатлѣнія, такъ какъ она въ то время находилась еще подъ впечатлѣніемъ несчастной любви къ одному молодому человѣку, за котораго выйти замужъ ей нельзя было, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій. Это была тихая, милая дѣвушка, вполнѣ, вѣроятно, походившая на портретъ, нарисованный впослѣдствіи ея старшею сестрою: „У нея были прелестная фигура и пріятное лицо. Душевная доброта оживляла ея черты, а въ глазахъ свѣтились правда и невинность. Натура ея, воспріимчивая ко всему прекрасному и благородному, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, дышала гармоніею. Она умѣла отлично рисовать и глубоко понимала природу. При болѣе счастливыхъ условіяхъ она могла бы развить свой талантъ; свои возвышенныя чувства она излила въ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ одно, написанное подъ вліяніемъ нѣжной страсти, не лишено граціи“. Шиллеръ не навязывался дѣвушкѣ, въ которой не могъ не замѣтить нѣкоторой меланхоліи по поводу невозвратнаго прошлаго, но все-таки встрѣчался съ нею въ домѣ общей знакомой, а это повело къ тому, что между молодыми людьми завязалась дружба.

Опасна дружба между цвѣтущимъ юношею и дѣвушкою, переживающею свою первую весну. Къ тому-же Шиллеръ, пресыщенный бурями холостой жизни, жаждалъ тогда

тихаго семейнаго счастія. Его томило одиночество. „Я всегда буду одинокимъ въ мірѣ“,—писалъ онъ Кернеру въ 1787 году. Онъ чувствовалъ, что жена Кернера для мужа имѣетъ такое-же значеніе, какъ Шарлотта, Гердеръ и Виландъ и всѣ прочіе знакомые, взятые вмѣстѣ. Мало по малу поэтъ терялъ терпѣніе. Онъ уже началъ говорить, что, если не женится до тридцати лѣтъ, то вообще не женится. „Я,—писалъ онъ въ январѣ 1788 г.,—блуждалъ до сихъ поръ въ мірѣ одинокимъ, чужимъ человѣкомъ, не имѣя ничего своего. У всѣхъ существъ, къ которымъ я привязывался,



Жена Шиллера (другой портретъ).

было нѣчто такое, что они считали дороже меня, а съ этимъ сердце мое не можетъ мириться. Я стремлюсь къ мѣщанскому и семейному существованію. Я нисколько не скованъ, но твердо рѣшилъ такъ имъ сдѣлаться“.

Вполнѣ понятно при такихъ условіяхъ, что, увидѣвъ Шарлотту Ленгефельдъ, дѣвушку тихую, скромную, домовитую, поэтъ почувствовалъ приближеніе минуты, когда его мечта осуществится. Дѣвушка, очевидно, сразу пошла навстрѣчу желаніямъ молодого поэта. Когда ей пришлось уѣхать изъ Веймара, она дала ему альбомъ, чтобы онъ впи-

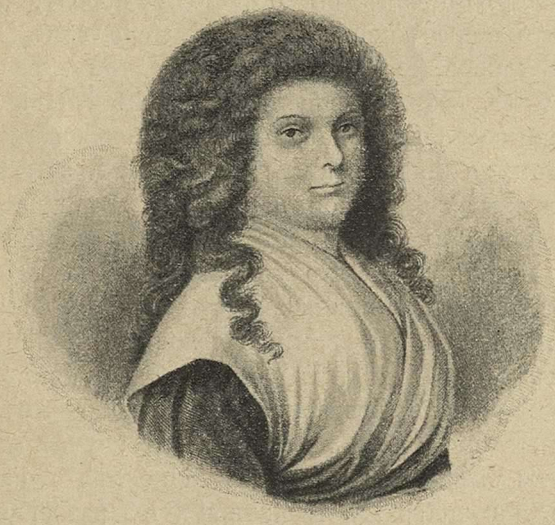
салъ въ него стихи, и просила пріѣхать къ нимъ лѣтомъ въ Рудольштадтъ. А черезъ нѣкоторое время, отвѣчая на письмо своего новаго друга, она писала ему простыя, но трогательныя слова: „Надежда видѣть васъ облегчаетъ мнѣ разлуку; пріѣзжайте скорѣе, будьте здоровы и думайте обо мнѣ. Я бы желала, чтобы это случалось чаще“.

Нечего говорить, что Шиллеръ исполнилъ свое обѣщаніе и пріѣхалъ въ Рудольштатъ, гдѣ и поселился недалеко отъ дома любимой дѣвушки. Сколько свѣтлыхъ минутъ пережилъ въ эти дни горемыка Шиллеръ, для котораго, наконецъ, открывалась первая пристань любви послѣ долгихъ томительныхъ блужданій по взбаламученному морю страсти или напрасной погони за призракомъ счастія! Онъ видѣлся съ сестрами обыкновенно по вечерамъ, когда вмѣстѣ съ живительной прохладою въ душу прокрадывалось невольное сознаніе того, что жизнь создана для тишины и спокойствія, какъ и этотъ Рудольштадтъ съ его горами, рѣчкою, деревьями. „Когда мы,—разсказываетъ Каролина,—видѣли его, приближавшагося къ намъ, освѣщеннаго вечернею зарею, передъ нами раскрывалась какъ бы свѣтлая идеальная жизнь. Разговоръ Шиллера былъ серьезенъ, полонъ ума, въ немъ отражалась вся его открытая, чистая душа; слушая его, казалось, что какъ будто ходишь между небесными звѣздами и земными цвѣтами. Мы воображали себя счастливыми существами, отрѣшившимися отъ всѣхъ земныхъ узъ и въ свободной эѳирной стихіи наслаждающимися полнѣйшимъ блаженствомъ“. Шиллеръ читалъ вмѣстѣ съ сестрами греческихъ поэтовъ, и Каролина объ этомъ пишетъ: „Шиллеръ читалъ намъ вечеромъ „Одиссею“, и намъ казалось, что около насъ журчалъ новый жизненный источникъ“.

Сестры просили его перевести любимыя мѣста на нѣмецкій языкъ и Шиллеръ исполнилъ ихъ просьбу, начавъ съ Эврипида, родственнаго ему по поэтической восторженности. Слѣдствіемъ этого явилась его „Ифигенія въ Авлидѣ“. Въ домѣ же сестеръ Ленгефельдъ Шиллеръ впервые познакомился съ Гете, что считается однимъ изъ крупныхъ рѣшительныхъ моментовъ въ исторіи летературы. Словомъ, время, проведенное по сосѣдству съ будущею женою, было для Шиллера лучшей порою его жизни.

Къ сожалѣнію, была минута, когда казалось, что судь-

ба, преслѣдовавшая Шиллера въ теченіи всей жизни, совершитъ свое разрушительное дѣло и здѣсь: поэтъ влюбился въ старшую сестру—Каролину. Каролина во многихъ отношеніяхъ превосходила Лотту. Обладая пылкимъ темпераментомъ, она одной стороной характера приближалась къ „титанидѣ“ —Шарлоттѣ Кальбъ, которую напоминала геніальностью натуры и страстью къ безпрерывной лихорадочной дѣятельности. Любовь поэта все вообще время носила двойственный характеръ, такъ какъ Шиллеръ не отдѣлялъ одной сестры отъ другой, выражая имъ обѣимъ свои чувства въ одина-



Каролина Ленгефельдъ. сестра Шарлотты.

ковой формѣ. Вотъ, напримѣръ, его письмо отъ 10 сентября 1789 года: „ О, моя дорогая Каролина! Моя дорогая Лотта! Все измѣнилось вокругъ меня съ тѣхъ поръ, какъ образъ вашъ началъ сопровождать каждый шагъ моей жизни. Какъ ореолъ, сіяетъ ваша любовь надо мною. Какимъ чуднымъ благоуханіемъ наполнила она для меня всю природу! Никогда еще мысль моя не была такъ смѣла и свободна, какъ теперь, потому что моя душа пріобрѣла сокровище и я не опасаюсь утратить его. Я теперь знаю, гдѣ мнѣ отыскать вѣрный путь... Душа моя занята будущностью: наша жизнь началась, я пишу и чувствую, что вы со мною въ комнатѣ; ты, Каролина,

сидишь за фортепіано, Лотта работаетъ подлѣ тебя, а въ зеркалѣ, висящемъ напротивъ меня, я вижу васъ обѣихъ. Я кладу перо, чтобы увѣриться по біенію вашего сердца, что вы подлѣ меня и ничто не можетъ разлучить насъ. Я просыпаюсь съ сознаніемъ, что вы здѣсь, и засыпаю съ сознаніемъ, что увижу васъ завтра. За блаженствомъ послѣдуетъ надежда на новое блаженство, за надеждою—осуществленіе, и такимъ образомъ промчится наша золотая жизнь".

Удивительно, что Лотта не ревновала: до того были чисты отношенія сестеръ къ Шиллеру, и если ее что и мучило, то это сознаніе, что Каролина была-бы лучше для него. Шиллеръ писалъ ей по этому поводу: „Если ты боишься, что перестанешь быть для меня тѣмъ, чѣмъ ты являешься теперь, то это равносильно тому, если бы ты перестала меня любить. Твоя любовь составляетъ для тебя все. Величайшее счастіе нашей любви заключается въ ней самой; поэтому, я для васъ никогда не утрачу значенія, какъ не утратите вы его въ моихъ глазахъ. Въ нашей любви нѣтъ ни боязни, ни недовѣрія; я радовался, живя между вами обѣими, я вѣрилъ, что моя привязанность къ одной не уменьшитъ ко мнѣ привязанности другой. Моей душѣ свѣтло и покойно между вами; ее, полную любви, привлекаетъ одинъ и тотъ же лучъ, одна и та же звѣзда. Каролина мнѣ ближе по возрасту и родственна мнѣ по чувствамъ и мыслямъ, но я ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы, чтобы ты была другою. Чѣмъ Каролина превосходитъ тебя, тѣмъ я вознагражу тебя; твоя душа развернется подъ вліяніемъ моей любви и ты сдѣлаешься моимъ созданіемъ!". Ко всему этому нужно только прибавить, что дѣло кончилось благополучно не столько благодаря Шиллеру, сколько благодаря Каролинѣ, которая сама уступила поле борьбы сестрѣ, отказавшись отъ надеждъ на любимаго идеалиста и выйдя замужъ за нелюбимаго человѣка. Она понимала, что сестра ея будетъ лучшей женой для Шиллера, натура котораго требовала тихой созерцательности и меланхоліи, и принесла себя въ жертву.

Наконецъ, между молодыми людьми произошло объясненіе. Каролина разсказываетъ объ этомъ: „Объясненіе послѣдовало въ моментъ желанія облегчить сердце, навѣяннаго какимъ-то добрымъ геніемъ. Моя сестра призналась

ему въ любви и обѣщала ему руку. Мы надѣялись, что добрая мать, спокойствіе которой было для насъ свято, будетъ

Шиллеръ въ Веймарѣ, съ картины Линденшмита. Противъ Шиллера его жена съ сыномъ, около нея—другъ поэта Кернеръ. За нимъ писательница Ларошъ. Позади нихъ—Гете и Гердеръ. Рядомъ съ Шиллеромъ сидитъ Шарлота Кальбъ. За нею Корона Шретеръ. Въ глубинѣ стоятъ герцогъ Веймарскій Карлъ—Августъ и Александръ Гумбольдтъ.

не прочь отъ этого предложенія, хотя внѣшняя обстановка и возбудитъ въ ней раздумье. Но, чтобы не вводить ее въ

безполезныя заботы, мы рѣшили держать дѣло въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока Шиллеру не будетъ назначено хотя бы маленькое содержаніе, которымъ бы онъ могъ упрочить свою жизнь въ Іенѣ". Для полнаго уразумѣнія этихъ словъ надо принять во вниманіе, что мать была противъ брака Лотты съ Шиллеромъ, у котораго не было никакихъ средствъ къ существованію, такъ какъ за свою профессуру въ университетѣ онъ не получилъ ничего. Счастье улыбнулось поэту: ему назначили желованье въ... 200 талеровъ. Это была ничтожная сумма, но она все-таки представляла нѣчто, и бездомный поэтъ, скитавшійся долгіе годы на чужбинѣ, могъ, наконецъ, обзавестись собственнымъ угломъ.

20 февраля 1790 года Шиллеръ обвѣнчался съ Лоттою. Для великаго поэта кончилась пора тревогъ и скитаній. Шарлотта вся отдалась мужу. Шиллеръ всегда чувствовалъ потребность имѣть около себя человѣка, который сколько-нибудь былъ-бы чутокъ къ его идеямъ, и такимъ именно человѣкомъ оказалась его жена. Она подслушивала его малѣйшія желанія и водворила въ его душѣ то спокойствіе и равновѣсіе, которыя были такъ необходимы для его будущей великой поры поэтическаго расцвѣта. Кромѣ того, она слѣдила за его творчествомъ и, насколько умѣла, вліяла на него благопріятно. Шиллеръ всегда читалъ ей свои произведенія въ то время, когда они еще писались, и, какъ

говоритъ Кернеръ, „ея чувство было нерѣдко рѣшительнымъ приговоромъ для него“. Гете разсказываетъ даже, что, по совѣту Шарлотты, онъ написалъ вторую половину послѣдняго дѣйствія „Вильгельма Телля“, гармонически дополняющую первую. Чуждая страстей, спокойная, разсудительная, она была тихимъ ангеломъ поэта и онъ имѣлъ право сказать:

Женщины намъ уступаютъ, мущинамъ, во всемъ, только въ высшемъ
Сильный мущина всегда слабой уступитъ женѣ. *)

И затѣмъ:

Жены, довольствуясь славой спокойной,
Счастья цвѣтокъ охраняютъ достойно;
Въ самой неволѣ свободнѣй ихъ умъ,
Въ области чувства познанія—шире,

Чѣмъ у живущихъ въ таинственномъ мірѣ
Чистой науки и творческихъ думъ. **)

Шарлотта оправдала идеалъ мужа. Она, дѣйствительно, „довольствовалась славой спокойной“, „достойно охраняя счастья цвѣтокъ“—талантъ великаго поэта. Когда онъ заболѣлъ грудью,—болѣзнь эта, какъ извѣстно, свела его въ могилу,—она не отходила отъ него ни на шагъ, стараясь поддерживать въ немъ душевную бодрость, а когда онъ умеръ, отдалась всѣмъ существомъ воспитанію дѣтей

*) „Женскій идеалъ“, пер. Ѳ. Миллера.
**) „Достоинство женщины“, пер. О. Чюминой.

и могла съ полнымъ правомъ сказать: „Я была ему необходима для его существованія такъ же, какъ онъ для меня“. Она скончалась въ 1826 году, черезъ 21 годъ послѣ смерти мужа, въ объятіяхъ любимыхъ дѣтей, благословляемая родиною, которая ей, далеко не стоявшей на одномъ умственномъ уровнѣ съ мужемъ, ея благодѣтельному вліянію приписала большую часть произведеній, созданныхъ великимъ поэтомъ.

ДОЧЕРИ ШИЛЛЕРА.

Прежде чѣмъ разстаться съ Шиллеромъ, остается еще сказать нѣсколько словъ о дочеряхъ поэта. Увы! бѣдный поэтъ не долго наслаждался семейнымъ счастіемъ. Онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и таланта, когда муза его еще обѣщала много другихъ геніальныхъ произведеній, теперь похороненныхъ вмѣстѣ съ его бреннымъ тѣломъ. Поэтъ оставилъ послѣ себя двухъ дочерей, изъ которыхъ старшей въ день его смерти еще не было и шести лѣтъ. Шиллеръ очень любилъ своихъ дѣтей и за столомъ всегда сидѣлъ между ними. Дѣти отвѣчали ему тѣмъ же. Не разъ они приходили къ нему въ кабинетъ и въ этихъ случаяхъ считалось правиломъ, что ребенокъ долженъ вскарабкаться на него и поцѣловать. Дѣтямъ это всегда стоило не мало труда, такъ какъ Шиллеръ былъ очень высокаго роста и онъ никогда не наклонялся къ нимъ. Какъ разсказываетъ учитель гимназіи Фоссъ, другъ поэта, *) маленькая Каролина отнеслась безразлично къ смерти любимаго отца, такъ какъ еще не понимала, что такое смерть. „Папа умеръ!“ сказала она спокойно. Увидѣвъ, что мать плачетъ, она

*) Prof. K. A. Müller. Schiller's ältere Tochter („Frankfurter Zeitung“, 12 Oktober 1899)

также заплакала и сунулась лицомъ въ грудь матери. На слѣдующій день послѣ похоронъ она спросила Фосса:

— Фоссъ, ты также несъ папу? Ты его понесъ къ Боженькѣ? Хорошо встрѣтилъ Онъ папу?

Въ другой разъ она сказала:

— Фоссъ, ничего не говори мамѣ о папѣ, а то она заплачетъ. Но папа скоро вернется.

Гуляя однажды вмѣстѣ съ дѣтьми Шиллера вскорѣ послѣ смерти поэта, Фоссъ указалъ имъ на причудливые узоры облаковъ. Дѣти стали говорить, что видятъ въ облакахъ деревни, города и т. п.

— Я вижу большой дворецъ! воскликнулъ Эрнестъ.

Каролина долго вглядывалась въ „дворецъ“ и серьезно сказала:

— Да, это Боженькинъ домъ и тамъ живетъ папа.

Это было лучшей характеристикою Шиллера. Бѣдный поэтъ, дѣйствительно, жилъ всю жизнь въ воздушномъ замкѣ, тамъ, за гранью будничной жизни, въ общеніи съ безконечнымъ небомъ—его истинной родиною. И въ этомъ замкѣ зародились и созрѣли великія творенія, до сихъ поръ служащія нетлѣннымъ памятникомъ величія человѣческаго духа.

III.

Вильямъ Шекспиръ.

ВИЛЬЯМЪ ШЕКСПИРЪ.

ВИЛЬЯМЪ ШЕКСПИРЪ.

Шекспиръ — сфинксъ, Шекспиръ—загадка. Нѣтъ ни одного поэта, который былъ-бы такъ популяренъ во всемъ мірѣ, какъ Шекспиръ, и въ то-же время нѣтъ ни одного поэта, жизнь котораго такъ мало была-бы извѣстна. Какъ сновидѣніе, какъ призракъ, стоитъ онъ за своими произведеніями. Мы видимъ его за спинами многочисленныхъ героевъ, созданныхъ его геніальною фантазіею. Онъ мечтаетъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ, возмущается вмѣстѣ съ Лиромъ, ревнуетъ вмѣстѣ съ Отелло, ненавидитъ вмѣстѣ съ Макбетомъ, пылаетъ страстью вмѣстѣ съ Ромео. Мы знаемъ, мы твердо увѣрены, что онъ самъ испыталъ, самъ пережилъ разнообразныя чувства, воплощенныя имъ въ неувядаемыхъ образахъ, и тѣмъ не менѣе личность его ускользаетъ отъ насъ каждый разъ, когда мы

*) O. Halliwell—Phillipps. Outlines of the Life of Shakespeare.—L. Kellner. Shakespeare. 1900.—Taine. Histoire de la Intterature anglaise. Эдуардъ Дауденъ. „Шекспиръ. Критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества". Пер. Л. Черновой.—Брандесъ. „Вилліамъ Шекспиръ. Историко-литературная монографія". Пер. М. Энгельгардта.—Женэ. „Шекспиръ, его жизнь и сочиненія".—Гервинусъ. „Шекспиръ", 4 т.—П. Коэ. „Шекспиръ, жизнь и дѣятельность его, современная ему литература и культурный строй". Съ предисловіемъ, примѣч. и дополненіемъ Н. Стороженко. Москва, 1888 годъ.—В. Боткинъ. Сочиненія, т II.—Карлейль. „Герои и героическое въ исторіи".—С. И. Сычевскій. Уильямъ Шекспиръ. Лекціи.—Максъ Кохъ. Шекспиръ. Жизнь и дѣятельность его. Пер. Гуляева.—П. Чуйко. „Шекспиръ, его жизнь и произведенія".

хотимъ къ ней приблизиться и разсмотрѣть подробнѣе. И что-бы ни говорили трудолюбивые изслѣдователи Шекспира, какъ-бы они ни рылись въ пыли архивовъ, не тронутыхъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ,—въ Стратфордѣ, гдѣ онъ родился и женился, въ Лондонѣ, гдѣ разгорѣлся его талантъ яркимъ пламенемъ,—все же онъ стоитъ передъ нами неразгаданнымъ призракомъ. Одно время даже думали, что Шекспира-поэта вовсе не было, а былъ Шекспиръ-актеръ, такъ какъ все, приписываемое Шекспиру, написано будто бы не имъ, а Бэкономъ. Какъ тѣнь Банко, онъ ясно виденъ встревоженному взору зрителя или духовнымъ глазамъ читателя его произведеній; но подобно той-же тѣни Банко, мгновенно исчезаетъ, при первой попыткѣ убѣдиться, не миражъ-ли это, не обманъ-ли чувствъ, не плодъ-ли разстроеннаго воображенія...

А между тѣмъ Шекспиръ наполнялъ блескомъ своего имени дворъ Елизаветы! А между тѣмъ онъ затмевалъ въ области литературы всѣхъ своихъ современниковъ, среди которыхъ были очень крупныя величины! А между тѣмъ, поэтическимъ геніемъ онъ охватилъ обширный горизонтъ, на которомъ, только какъ блѣдныя звѣзды, сверкали въ его свѣтѣ крупнѣйшія свѣтила тогдашней науки, искусства, литературы. Все, что мы знаемъ о немъ, сводится почти только къ тому, что онъ родился въ 1564 году въ Стратфордѣ, женился совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, пріѣхалъ въ 1586 году въ Лондонъ, сдѣлался артистомъ и драматургомъ; благодаря своимъ произведеніямъ и дарамъ знатныхъ покровителей, пріобрѣлъ крупное состояніе, которое вложилъ въ поземельную собственность; въ 1614 году удалился со сцены и 23 апрѣля 1616 года умеръ въ полномъ уединеніи. Конечно, есть еще нѣкоторыя подробности, но онѣ скорѣе относятся къ предположеніямъ. Такъ, одни говорятъ, что Шекспиръ былъ одно время учителемъ; другіе утверждаютъ, что онъ работалъ у адвоката; третьи полагаютъ, что онъ въ молодости былъ мясникомъ, при чемъ приводятъ въ доказательство извѣстную сцену изъ „ТитаАндроника“, въ которой Андроникъ убиваетъ сыновей Тамары, а Лавинія держитъ миску, чтобы собрать ихъ кровь. Еще болѣе романтическій характеръ носятъ версіи, по которымъ Шекспиръ то былъ бродягою, то участвовалъ въ торжествахъ,

устроенныхъ лордомъ Лейчестеромъ въ честь королевы. Самый день его рожденія подлежитъ большому сомнѣнію. По крайней мѣрѣ, есть только свидѣтельство о томъ, что 26 апрѣля 1564 года былъ крещенъ въ церкви Стратфорда на Эвонѣ какой-то сынъ Джона Шекспира, получившій имя Вильяма. Это все.

Разъ въ жизни Шекспира все загадочно, то нѣтъ ничего удивительнаго, что загадочны также женщины, игравшія роль въ его жизни. Изслѣдователи, конечно, постарались, насколько было возможно, разсѣять туманъ, которымъ окруженъ образъ его жены и нѣсколькихъ близкихъ ему женщинъ; но онѣ все-таки остались въ тѣни. Достовѣрно извѣстно только, что Шекспиръ былъ не высокаго мнѣнія о женщинахъ, слишкомъ мало цѣнилъ ихъ главную добродѣтель—цѣломудріе и никогда не упускалъ случая воспользоваться ихъ расположеніемъ. Нѣкій Джонсонъ Мэннигемъ разсказываетъ про него подъ 2 февраля 1902 г. такой анекдотъ. Хорошенькая жена одного лондонскаго гражданина была до того увлечена игрою Бербеджа, исполнявшаго роль Ричарда III въ пьесѣ Шекспира, что послала на сцену слугу—пригласить Бербеджа къ ней на ужинъ. При этомъ она велѣла ему передать, что его пустятъ къ ней подъ паролемъ: „Ричардъ III“. Шекспиръ, находясь на сценѣ, случайно слышалъ приглашеніе и самъ въ назначенный часъ отправился въ домъ этой поклонницы искусства, которая, конечно, приняла его и оказала ему самый радушный пріемъ. Когда-же позже сталъ стучаться Бербеджъ, также повторяя свой паролъ: „Ричардъ III“, Шекспиръ велѣлъ ему сказать, что Ричарду III предшествовалъ Вильгельмъ Завоеватель.

И такъ Шекспиръ поступалъ не разъ. Ему это сходило съ рукъ, потому что англійскія женщины того времени были далеки отъ нынѣшней утонченности женскихъ нравовъ. С. И. Сычевскій даетъ интересную картину этихъ нравовъ въ своихъ лекціяхъ о Шекспирѣ: „Нравы,—говоритъ онъ, *) были суровы, почти дики. Лэди Джеральдони Кильдеръ, идеализированная въ сонетахъ Серрея, какъ эѳирное и небесное созданіе, какъ совершенство красоты, граціи и чистоты, вставала въ 6 часовъ и ложилась въ девять; она за завтракомъ съѣдала фунтъ свиного сала и выпивала кварту

*) Лекціи С. И. Сычевскаго: „Вильямъ Шекспиръ“, стр. 18 и 24.

пива. Королевы, супруги Генриха VIII, охотно вязали себѣ сами нарукавники изъ толстаго краснаго гаруса. Герцогиня Сеффолькъ сама ухаживала за своимъ птичникомъ и ежедневно сама кормила птицъ на заднемъ дворѣ своего замка, подобравши юбку выше колѣнъ. Анна Болейнъ, мать королевы Елизаветы, не помнила себя отъ счастія, когда ея мать купила ей три полотняныхъ рубашки, по шести пенсовъ за аршинъ, и обѣщала купить пару башмаковъ за пять шиллинговъ для бала у герцога Норфолькскаго. Сама Елизавета сохранила подъ высокопарною рѣчью и утонченными манерами всю грубость англійскаго матроса: она щипала и била своихъ придворныхъ дамъ, она дала разъ публично сильнѣйшую пощечину графу Эссексу". Можно-ли удивляться послѣ этого, что не многіе тогда церемонились съ женщинами и что Шекспиръ, пользуясь ихъ благосклонностью, въ то-же время позволялъ себѣ по отношеніи къ нимъ легкомысленныя вольности?

Увы, великій англійскій поэтъ былъ, дѣйствительно, легкомысленъ съ женщинами. Подробности его жизни въ этомъ отношеніи мало извѣстны и объ этомъ можно только пожалѣть, такъ какъ онѣ несомнѣнно бросили-бы яркій свѣтъ на многія страницы его произведній; но и того, что мы знаемъ о немъ, достаточно для характеристики этой здоровой, крѣпкой, жизнерадостной натуры, бившейся всѣми своими фибрами, жившей, наслаждавшейся жизнію и создававшей жизнь... Глубочайшій умъ, онъ углублялся въ тайны природы, заглядывалъ въ самые сокровенные ея уголки, но не оставался въ нихъ, а выходилъ потомъ наружу, на свѣтъ, на воздухъ. Ему нравилась жизнь, нравились ея радости, наслажденія, довольство, комфортъ и онъ срывалъ ихъ, гдѣ и когда могъ. Въ Стратфордѣ онъ встрѣтился съ дѣвушкою, которая пришлась ему по сердцу, и онъ вступилъ съ нею въ связь, кончившуюся потомъ вынужденнымъ бракомъ; въ Лондонѣ онъ, отецъ многочисленной семьи, столкнулся съ другою дѣвушкою, менѣе ея уступчивою, но столь же прекрасною, и опять онъ влюбленъ, опять желаетъ сближенія, любви и счастія. И такъ далѣе. А когда отъ жизни было имъ взято все, что можно было взять, онъ вернулся въ свой спокойный Стратфордъ и зажилъ мирной жизнію мѣщанина, богатый, знаменитый, довольный, улыбающійся...

ЖЕНА ШЕКСПИРА.

Мы не знаемъ грѣховъ молодости Шекспира и, поэтому, принуждены остановиться прежде всего на его женѣ, которая, впрочемъ, также была грѣхомъ: поэтъ женился на ней по рѣшительному требованію родителей Анны Хетвей, обѣщавшей черезъ нѣсколко мѣсяцевъ сдѣлаться матерью. Въ то время Шекспиру было всего 18 лѣтъ, а его женѣ 26. Эта разница въ лѣтахъ лучше всякихъ подлинныхъ документовъ свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ легкомыслiи поэтовъ въ отношеніяхъ къ женщинамъ. Его бракъ былъ просто узаконеніемъ будущаго ребенка.

Что представляла собою Анна Хетвей, мало извѣстно. Біографы Шекспира установили только, что она была крестьянка, родилась въ 1556 г., была родомъ изъ деревни Шотерри, близь Стратфорда, и умерла 67 лѣтъ отъ рода въ Стратфордѣ, въ томъ-же 1623 году, т. е. въ году, когда были впервые собраны произведенія ея мужа, что она черезъ пять мѣсяцевъ послѣ выхода замужъ родила Шекспиру дѣвочку Сусанну, а 1 января 1585 года—близнецовъ, названныхъ по именамъ своихъ воспріемниковъ Гамнетомъ и Юдифью. Что юноша Шекспиръ не могъ при такихъ обстоятельствахъ быть вѣренъ своей пожилой женѣ, что Анна Хетвей устраивала ему сцены ревности, при чемъ, вѣроятно, не особенно оказывалась разборчивою на эпитеты, такъ какъ она была простая крестьянка, дочь мызника,—объ этомъ можно только догадываться. Въ своей „Комедіи ошибокъ“ поэтъ ясно высказался относительно того, что такое ревность и сколько горя можетъ она причинить человѣку. Кромѣ того, въ его афоризмахъ имѣется очень злая, не переводимая игра словъ, также свидѣтельствующая о буряхъ семейной жизни Шекспира: „Anne Hathaway hath a way“, то есть у Анны Хетвей есть свой нравъ. И хотя отъ брака съ этой сварливой женщиною у Шекспира родилось-нѣсколько дѣтей, тѣмъ не менѣе ему пришлось оставить вскорѣ

Стратфордъ и уѣхать въ Лондонъ, гдѣ началъ вести вольную цыганскую жизнь актера и драматурга. Жена осталась въ Стратфордѣ, куда Шекспиръ пріѣзжалъ только по временамъ. Это было бѣгствомъ. Изслѣдователи за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ о жизни и личности Шекспира стараются установить ихъ на основаніи различныхъ мѣстъ его сочиненій, и въ данномъ случаѣ *) указываютъ, какъ на доказательство отрицательнаго отношенія поэта къ своему браку, на слѣдующій разговоръ изъ „Двѣнадцатой Ночи“:

Герцогъ.

Какъ молода?

Віола.

Почти что вашихъ лѣтъ.

Герцогъ.

Стара!
Жена должна избрать себѣ постарше;
Тогда она прилѣпится къ супругу
И будетъ царствовать въ его груди.
Какъ мы себя, Цезаріо, ни хвалимъ,
А наши склонности непостоянѣй,
Чѣмъ женщины любовь...
Такъ избери супругу помоложе,
А иначе любовь не устоитъ:
Вѣдь дѣвушки, какъ розы,
Чуть расцвѣла,
Ужъ отцвѣла
И милыхъ нѣтъ цвѣтовъ.*)

Шекспиръ не могъ забыть свой грѣхъ интимной близости съ женою еще до брака и съ негодованіемъ восклицалъ въ „Бурѣ“:

Но если до того, пока обрядъ
Священникомъ вполнѣ не совершится,
Ты дѣвственный развяжешь поясъ ей,
То никогда съ небесъ благословенье
На вашъ союзъ съ любовью не сойдетъ.
О, нѣтъ, раздоръ, презрѣнье ѣдкимъ взоромъ

*) См., напримѣръ, Брандеса, стр. 133. Какъ ни страннымъ можетъ показаться подобный пріемъ, но несомнѣнно, что по отношеніи къ Шекспиру онъ долженъ быть признанъ раціональнымъ, такъ какъ всѣ событія жизни Шекспира, на счетъ которыхъ нѣтъ сомнѣнія, нашли то или другое отраженіе въ его произведеніяхъ. Такъ, въ 1596 году Шекспиръ потерялъ своего единственнаго сына и въ томъ-же году написалъ своего „Короля Іоанна“, въ которомъ описалъ горе, причиненное потерею маленькаго мальчика; въ 1601 году у Шекспира умеръ отецъ и въ томъ же году зародился у него въ воображеніи Гамлетъ, все идейное существованіе котораго вращается вокругъ смерти любимаго отца; въ 1608 году умерла мать поэта и къ тому же времени относится его „Коріоланъ“, въ которомъ изображена величественная фигура матери великаго сына (см. статью Брандеса „Die Phantasie und das Leben“, „Frankfurter Zeitung“, den 19 mai 1901).

И ненависть безплодная тогда
Насыпятъ вамъ на брачную постель
Негодныхъ травъ, столь ѣдкихъ и колючихъ,
Что оба вы сосочите съ нея. *)

И въ „Комедіи ошибокъ“ имѣется, по мнѣнію Брандеса и нѣкоторыхъ другихъ критиковъ Шекспира, прямое указаніе на сварливый нравъ жены поэта. Жалуясь игуменьѣ на то, что мужъ ея ухаживаетъ за другими женщинами, Адріана на вопросъ о томъ, бранитъ-ли она мужа, отвѣчаетъ:

Мы ни о чемъ другомъ не говорили.
Въ постели я ему мѣшала спать
Упреками; отъ нихъ и за столомъ
Не могъ онъ ѣсть; наединѣ—лишь это
Служило мнѣ предметомъ всѣхъ бесѣдъ;
При людяхъ я на это намекала
Ему не разъ: всегда твердила я,
Что низко онъ и гадко поступаетъ. **)

Наконецъ, „Усмиреніе своенравной“ какъ-бы написано Шекспиромъ для того, чтобы изобразить возможно полнѣе свою собственную семейную жизнь. Какъ и жена поэта, Катарина сварлива и неугомонна и Гортензія имѣетъ полное право сказать про себя:

Она похожа больше на солдата:
Ей надобно не лютня, а булатъ.

Встрѣтившись впервые съ Петручіо, своимъ будущимъ мужемъ, явившимся къ ней съ предложеніемъ сердца, она осыпаетъ его насмѣшками и бранью. Не мѣшаетъ привести часть этого діалога, такъ какъ, независимо отъ встрѣчающейся въ немъ обычной въ то время игры словъ, онъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнно много словечекъ, которыя приходилось выслушивать самому Шекспиру отъ своей дражайшей половины.

Петручіо. Здорово, Катя,—такъ вѣдь ваше имя?
Катарина. Вы плохо слышали, вы, вѣрно, глухи.
Меня зовутъ не Катей—Катариной.
Петручіо. Ей-богу, лжете вы! Зовутъ васъ Катей,
Прелестной Катенькой, сердитой Катей,
Но все-же Катей, въ цѣломъ христіанствѣ
Милѣйшей Катей. Ты изъ Катей Катя.
Мнѣ слаще всѣхъ конфектъ такая Катя.
Узнай же, Катя, радость, жизнь моя,
Что слава громкая, гремя повсюду
О добротѣ и красотѣ твоей
(Но все-жъ не столько, сколько-бъ надо было),
Посвататься подвинула меня.

*) Пер. П. Вейнберга.
**) Пер. Н. Сатина.

Катарина Подвинула? Такъ пусть, кто васъ подвинулъ,
И выдвинетъ отсюда. Я и вижу:
Вы движимость.
Петручіо. Я---движимость? Какая?
Катарина Скамейка.
Петручіо. Вѣрно. Сядь, поди, скорѣе,
Катарина Оселъ и созданъ, чтобы насъ носить.
Петручіо. И женщина вѣдь создана на то-же.
Катарина Что до меня, такъ я не такова.
Петручіо. Ну, я тебя обременять не стану:
Я знаю, ты легка и молода.
Катарина Я такъ легка, что олуху такому
И не поймать, и все-же не тяжеле
Я вѣса своего.
Петручіо. Не легче пчелки.
Катарина Какъ сычъ, понятливъ!
Петручіо. Этотъ сычъ поймаетъ
Тебя, голубку.
Катарина Берегись, однако,
А то голубка заклюетъ сыча.
Петручіо. Ну, полно-жъ, осочка! ты очень зла.
Катарина Оса? такъ ты остерегайся жала.
Петручіо. Я знаю средство: взять его да вырвать.
Катарина Да нужно знать, дуракъ, гдѣ это жало.
Петручіо. Гдѣ жало у осы? Да кто-жъ не знаетъ?
Въ хвостѣ.
Катарина Нѣтъ, въ языкѣ.
Петручіо. Въ чьемъ языкѣ?
Катарина У васъ хвосты на языкѣ, такъ въ вашемъ.
Прощайте.
Петручіо. Мой языкъ въ твоемъ хвостѣ?
Нѣтъ, стой! Я дворянинъ.
Катарина А вотъ увидимъ. (Бьетъ его)

Въ концѣ концовъ Петручіо съ помощью хитрости „усмиряетъ своенравную“ Катарину, до того усмиряетъ, что она въ послѣднемъ дѣйствіи читаетъ даже урокъ женѣ Гортензіо:

Фу, стыдъ! Разгладь наморщенныя брови
И гнѣвныхъ взглядовъ не бросай на мужа
И господина; онъ твой повелитель.
Твой гнѣвъ чернитъ красу твою, какъ холодъ
Чернитъ луга, и затемняетъ славу,
Какъ вихорь почки. Дурно! Непріятно!
Во гнѣвѣ женщина—источникъ мутный,
Лишенный красоты и чистоты--
И какъ бы жажда ни была велика
У человѣка, онъ его минуетъ.
Твой мужъ---твой господинъ; онъ твой хранитель,
Онъ жизнь твоя, глава, твой царь;
Онъ о твоемъ печется содержаньѣ,
Онъ переноситъ тягости труда
На сушѣ, въ морѣ, въ бурю, въ непогоду;

А ты въ теплѣ, въ покоѣ, безопасна
И никакой не требуетъ онъ дани,
А лишь любви, покорности и ласки.
Ничтожна плата за его труды!
Какъ подданный передъ своимъ манархомъ,
Такъ и жена должна быть передъ мужемъ;
Но если же упряма, своенравна,
Сурова, зла и непокорна волѣ,---
Тогда она---преступный возмутитель,
Измѣнница предъ любящимъ владыкой. *)

При такомъ взглядѣ на женщину, какъ на игрушку въ рукахъ мужа (этотъ взглядъ раздѣлялся тогда всѣми), трудно было Шекспиру ужиться съ женщиною, которая, будучи старше своего мужа на восемь лѣтъ и къ тому-же обладая сварливымъ характеромъ, не могла, конечно, признать его своимъ „повелителемъ“ и „господиномъ“. Разлука стала неизбѣжною. Правда, позднѣе Шекспиръ часто пріѣзжалъ въ Стратфордъ и даже конецъ жизни провелъ въ родномъ городѣ; но его могли туда тянуть дѣти, къ которымъ онъ питалъ большую любовь. Наконецъ, въ своемъ завѣщаніи онъ удѣлилъ женѣ одну только кровать, **) что также свидѣтельствуетъ о его недовольствѣ женою. И это недовольство было тѣмъ болѣе основательно, что, насколько можно догадываться по той же пьесѣ Шекспира, поэтъ обращался съ женою мягко, пользуясь для ея укрощенія незлобивыми средствами. Петручіо самъ говоритъ объ этомъ:

Возьмусь за дѣло храбро.
Ругаться станетъ,---я скажу на это,
Что распѣваетъ, точно соловей;
Нахмурится,---а я скажу, что взоры
Ея нѣжнѣе розы подъ росою;
А замолчитъ,---тогда хвалить я стану
За разговорчивость ее; скажу ей,
Что краснорѣчіе ея прелестно.
Попроситъ вонъ---начну благодарить,
Какъ будто на недѣлю оставляетъ;
Откажетъ---день я попрошу назначить
Для оглашенья въ церкви и вѣнчанья. ***)

Впрочемъ, находятся біографы и критики, старающіеся нѣсколько смягчить несимпатичный образъ жены Шекспира. Такъ, Фохтъ утверждаетъ, что считать разлуку Шекспира съ женою „прочно стоящимъ неопровержимымъ фак-

*) Пер. А. Островского.

**) Вотъ относящееся къ женѣ мѣсто завѣщанія: „Item, я передаю моей женѣ мою вторую лучшую кровать съ принадлежностями (my second best bed, with furniture).

***) Пер. А. Островскаго. (Д. II. сц. I)

томъ“ нельзя, и высказываетъ предположеніе, что Шекспиръ вскорѣ перевезъ жену и дѣтей въ Лондонъ. По его словамъ, въ Англіи еще и теперь существуетъ обычай оставлять женъ на продолжительное время и поселиться въ другомъ мѣстѣ для добыванія средствъ. „То, что въ прежнее время приводили изъ завѣщанія поэта въ доказательство его дурной семейной жизни, оказалось при болѣе точномъ знакомствѣ съ англійскими обычаями совершенно ошибочнымъ. Лучшая постель въ домѣ, т. е. брачная постель, сама по себѣ является собственностью вдовы. Если Шекспиръ завѣщаетъ своей Аннѣ и вторую, лучшую изъ имѣющихся постелей, то это вовсе не униженіе, а, напротивъ,—знакъ особенной внимательности. Противъ преданія, что поэтъ былъ несчастливъ въ супружеской жизни, слѣдуетъ также упомянуть и о томъ преданіи, что сильнымъ, но невыполнимымъ желаніемъ вдовы было быть погребенной въ одной могилѣ съ мужемъ. Одинаково мало возможности имѣемъ мы утверждать какъ то, что бракъ былъ несчастливъ, такъ и то, что бракъ былъ изъ счастливыхъ“. *)

Стараніе смягчить образъ Анны Шекспиръ обнаруживаетъ, хотя и въ менѣе рѣшительной формѣ, также и другой изслѣдователь произведеній великаго поэта—Рудольфъ Женэ; **) но и онъ въ концѣ концовъ приходитъ къ такому заключенію: „Всего страннѣе въ завѣщаніи распоряженіе, касающееся жены поэта, которой онъ не назначаетъ ничего, кромѣ своей „второй лучшей кровати“. Впрочемъ, слишкомъ усердные защитники поэта, не соглашающіеся допустить, что бракъ сго не былъ изъ числа счастливыхъ (какъ будто въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ больше сожалѣть о немъ, чѣмъ винить его!), въ распоряженіи поэта видѣли доказательство особенно нѣжной любви его къ женѣ. Другіе указывали на то, что его женѣ и безъ того по закону должно было достаться въ наслѣдство одно ленное помѣстье. Само собою разумѣется, что она не осталась и не могла остаться безъ всякихъ средствъ; но такое краткое упоминаніе о ней въ завѣщаніи все-таки только является еще новымъ указаніемъ

*) Максъ Кохъ: „Шекспиръ“, стр. 24---25

**) Рудольфъ Женэ; „Шекспиръ, его жизнь и сочиненія“, пер. подъ ред. А. Веселовскаго, стр. 24.

на отнюдь не счастливыя супружескія отношенія поэта, тѣмъ болѣе что вся домашняя утварь оставлена имъ дочери Сусаннѣ и ея мужу. *)

Другихъ біографовъ и коментаторовъ мы обходимъ совершенно, такъ какъ и они, обнаруживая большое колебаніе при окончательной оцѣнкѣ нравственной личности жены Шекспира, склонны отнестись къ ней скорѣе отрицательно, чѣмъ съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Нечего говорить уже о тѣхъ, которые не только признаютъ бракъ

Дочь Шекспира Юдиоь.

Шекспира несчастнымъ, но выступаютъ въ своихъ изслѣдованіяхъ противъ жены Шекспира во всеоружіи своего негодованія. Сюда между прочимъ относится и С. Сычевскій, прямо заявляющій: „То, что составляетъ всю прелесть семейной жизни, все очарованіе семейнаго очага, а именно: миръ и счастіе въ семьѣ, взаимное довѣріе мужа и жены и взаимное ихъ уваженіе, всѣмъ этимъ Шекспиръ, повидимому, не обладалъ. Женившись сгоряча и по необходимости, Шекспиръ не нашелъ въ женѣ ни друга, ни нравственной

*) Тамъ же, стр. 88—89.

поддержки. По всѣмъ соображеніямъ, она не могла понять его, и литературныя занятія его казались ей дѣломъ, недостойнымъ сквайра". **)

Впрочемъ, лучшее рѣшеніе вопроса далъ самъ Шекспиръ въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, написанныхъ, если не въ чаду семейной жизни, то подъ ея вліяніемъ, и многочисленныя саркастическія выходки по адресу женъ. Достаточно хотя-бы указать на слова Бирона въ концѣ третьяго дѣйствія „Бирона и Розалина":

Какъ! я люблю? Какъ! я ищу жену—
Жену, что, какъ извѣстно, вѣчно схожа
Съ нѣмецкими часами: какъ ты ихъ
Ни заводи—идти не могутъ вѣрно
И требуютъ поправки каждый день!

Что-бы, однако, ни говорили многочисленные шекспирологи о женѣ великаго поэта, но несомнѣнно, что въ балансѣ его поэтической дѣятельности сварливой, простой и узкой женѣ его должно быть приписано появленіе цѣлаго ряда произведеній, какъ „Комедія Ошибокъ"—веселая, остроумная, жизнерадостная пьеса, написанная подъ вліяніемъ первой, счастливой поры семейной жизни, когда онъ еще могъ ладить съ женою и когда яркимъ докозательствомъ ихъ добрыхъ отношеній явились родившіеся у нихъ близнецы—мальчикъ Гамнетъ и дѣвочка Юдиѳь. Потомъ, когда пошли споры и непріятности, онъ излилъ свое горе въ комедіи „Укрощеніе Своенравной". Очевидно, бывали минуты, когда и онъ думалъ, что жена укрощена. Когда-же крестьянка Анна Хетвей ему окончательно доказала, что она никогда не оцѣнитъ его поэтической натуры, никогда не выйдетъ изъ своей оболочки деревенской женщины, только случайно очутившейся въ городѣ, онъ бросилъ Стратфордъ и кинулся въ широкое море лондонской жизни, чтобы озарить человѣчество свѣтомъ генія, котораго оно еще никогда не видѣло до него и, вѣроятно, никогда также не увидитъ и послѣ.

**) С. Сычевскій. Лекціи, стр. 46—47.

„СМУГЛАЯ КРАСАВИЦА“.

Но вотъ Шекспиръ уже въ Лондонѣ. Какой просторъ открылся передъ нимъ! Какое широкое поле для наблюденія! Сколько лицъ и событій! Тогда жизнь англійскаго народа била особенно сильно ключемъ. Хотя на престолѣ сидѣла женщина, но страна напрягала всѣ усилія, чтобы отразить вторженіе испанцевъ. Было что-то героическое и увлекательное въ этой борьбѣ и оттого все въ Лондонѣ дышало стремительностью и напряженіемъ. Для генія Шекспира, только что оперившагося и уже начавшаго распрамлять свои крылья, это было истиннымъ счастіемъ: онъ нуждался въ кипучей средѣ, а ею-ли не былъ Лондонъ временъ царственной дѣвственницы, когда пустая мишура смѣшивалась съ истинной роскошью, когда нарождалась философія Бэкона и вмѣстѣ съ богатствами, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, приближалась къ берегамъ Англіи „непобѣдимая армада“, чтобы навсегда погрузиться во всепожирающія волны океана?

Дѣйствительно, въ Лондонѣ геній Шекспира быстро развился. Начавъ со слабыхъ опытовъ, онъ почти сразу поднялся на недосягаемую высоту, давъ галлерею великолѣпныхъ образовъ, составляющихъ до сихъ поръ предметъ всеобщаго удивленія и восторга. Однако, въ томъ же Лондонѣ поэта ждало и сердечное горе: онъ встрѣтился съ Мэри Фиттонъ, извѣстной въ біографіяхъ Шекспира больше подъ именемъ „смуглой красавицы“, чѣмъ подъ ея настоящимъ именемъ.

Нечего говорить, что и въ образѣ Мэри Фиттонъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ нарисовали намъ его біографы, есть много фантастическаго. Прямыхъ свѣдѣній о ней нѣтъ и, чтобы вызвать ее на свѣтъ Божій изъ мрака тайны, жизнеописатели и комментаторы великаго поэта опять опустились въ бездонныя глубины міра, созданнаго его творческимъ воображеніемъ, отыскивая тамъ хотя бы ничтожный слѣдъ, по которому можно было-бы, какъ нѣкогда Кювье по одному зубу, составить понятіе обо всемъ

цѣломъ. Такъ, Брандесъ извлекаетъ образъ Фиттонъ изъ однихъсонетовъ Шекспира, не имѣя подъ рукою никакого другого матеріала, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ документовъ, вродѣ родословныхъ таблицъ и т. п. Судя по этой характеристикѣ, Мэри Фиттонъ была обольстительная, обворожительная, кокетливая, лживая, невѣрная дама, созданная для того, чтобы раздавать счастье и муки полными горстями. Насколько можно судить по раскрашенному бюсту Мэри Фиттонъ на памятникѣ ея матери, она была очень смугла, имѣла черные волосы и большіе черные глаза. Что она не была хороша, свидѣтельствуетъ самъ Шекспиръ въ своемъ сонетѣ 141:

Нѣтъ, не глаза мои плѣняются тобою.
Ты представляешь имъ лишь недостатковъ тьму;
Но что мертво для нихъ, то любитъ ретивое,
Готовое любить и вопреки уму.
Ни пламя нѣжныхъ чувствъ, ни вкусъ, ни обонянье,
Ни слухъ, что весь восторгъ при звукахъ неземныхъ,
Ни сладострастья пылъ, ни трепетъ ожиданья
Не возстаютъ въ виду достоинствъ всѣхъ твоихъ.
А все-жъ ни всѣ пять чувствъ, ни разумъ мой не въ силѣ
Заставить сердце въ прахъ не падать предъ тобой,
Оставивъ вольной плоть, которая весь свой
Похоронила пылъ въ тебѣ, какъ бы въ могилѣ. *)

Семнадцати лѣтъ отъ роду она сдѣлалась фрейлиною королевы Елизаветы, съ поэтомъ встрѣтилась черезъ два года на какомъ-то придворномъ празднествѣ. Она стояла выше его по званію, по общественному положенію, а потому побѣда надъ нею доставила Шекспиру величайшее удовольствіе. Одно время она находилась въ связи съ графомъ Пэмброкомъ, который, однако, и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ, когда молодая женщина очутилась въ интересномъ положеніи. Какъ видно изъ одного современнаго письма, Мэри Фиттонъ нерѣдко снимала свой головной уборъ, укорачивала платье, надѣвала длинный бѣлый плащъ и подъ видомъ мужчины уходила на свиданіе съ Пэмброкомъ. Въ концѣ концовъ связь съ молодымъ придворнымъ кончилась тѣмъ, что она разрѣшилась мертвымъ младенцемъ.

Благодаря неудачной женитьбѣ, Шекспиръ написалъ цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ отразились невзгоды его жизни; благодаря счастливой связи съ Фиттонъ, изъ-подъ его пера вылился рядъ другихъ произведеній, въ ко-

*) Кохъ. Шекспиръ, стр. 274.

торыхъ опять-таки сквозитъ его личное настроеніе. Весьма возможно, что удивительные образы Беатриче и Розалинды —та же Мэри Фиттонъ, остроумная, смѣлая, женственная, находчивая, веселая, самоувѣренная, изящная. Она именно вызвала въ немъ необычайный подъемъ духа, слѣдствіемъ чего явились его брызжущія остроуміемъ и весельемъ комедіи. „Какимъ блаженствомъ любви,—говоритъ Брандесъ, —дышитъ та сцена въ мелодичномъ 128 сонетѣ, гдѣ тонкіе

Мэри Фиттонъ.

аристократическіе пальцы прелестной дѣвушки бѣгаютъ по клавишамъ и гдѣ она, такъ нѣжно называемая поэтомъ my music, чаруетъ его музыкой, между тѣмъ какъ онъ томится желаніемъ прижать ея пальцы и губы къ своимъ устамъ. Онъ завидуетъ клавишамъ, которымъ позволено цѣловать ея пальчики, и восклицаетъ: „Оставь имъ свои пальцы, а мнѣ свои губы для поцѣлуя!“.

Что Мэри Фиттонъ была кокетлива въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, ясно до очевидности изъ сонетовъ Шекспира. Великій поэтъ постояно жалуется въ нихъ на невѣрность и легкомысліе, называя ее „заливомъ, въ которомъ всякій бросаетъ якорь“ (сонетъ 137), или замѣчая: „Когда

моя милая клянется, что говоритъ правду, я вѣрю ей, хотя знаю, что она лжетъ".

Шекспиръ изображаетъ ее безстыдной кокеткой, не стѣсняющеюся заигрывать съ кѣмъ угодно даже въ его присутствіи. Она тиранитъ его, сознавая мощь своей красоты, и властвуетъ надъ нимъ волшебной силой. Въ концѣ концовъ она завела шашни даже съ молодымъ любимцемъ Шекспира, графомъ Пэмброкомъ, къ которому, повидимому, творецъ „Гамлета" питалъ такую же склонность, какъ Зевсъ къ Ганимеду.

Послѣднее обстоятельство—измѣна любимой дѣвушки, связавшейся къ тому же съ его другомъ, къ которому онъ питалъ столь нѣжную любовь, особенно огорчило поэта. „Гнѣвъ его противъ этой женщины, черной и тѣломъ и душой,—говоритъ Кохъ*),—долженъ былъ усилиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него возросла и страсть къ ней. Море, сказалъ онъ въ „Венерѣ и Адонисѣ", имѣетъ границы, любовная же страсть безгранична. Онъ унижается до того, что проситъ коварную, по крайней мѣрѣ, въ его присутствіи скрывать невѣрность. Недовольство свое противъ друга онъ умѣетъ подавить въ себѣ; онъ слишкомъ хорошо знаетъ по собственному опыту неотразимую силу обольстительницы. Онъ самъ виноватъ, что другъ его не избѣжалъ опасности: другъ—добръ (kind), а она—ненасытна (covetous). А когда домогается сама женщина, то какой же сынъ женщины можетъ устоять? Онъ знаетъ, что пришлось ему самому вытерпѣть изъ-за страсти къ этой женщинѣ, и потому онъ прощаетъ своего друга. Но у него отняты и возлюбленная, и другъ, и самъ онъ. Послѣ долгой и тяжелой борьбы онъ рѣшается, наконецъ, не отталкивать отъ себя благороднаго друга своей души изъза женщины, которую онъ никогда не уважалъ и которой принадлежитъ главная вина въ измѣнѣ. Прошло, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ могъ высказаться съ отчаяніемъ, не свободнымъ еще отъ горя „(Сон. 42): Что она твоя—это было-бы ничего, хотя я и любилъ ее, но что ты принадлежишь ей—вотъ въ чемъ мое горе; потеря тебя заставляетъ меня наиболѣе страдать"—„О, мои милые обидчики, вотъ какъ я извиняю каждаго изъ васъ: ты ее полюбилъ, потому что знаешь, что я ее люблю; она-же, обманывая меня, позволяетъ тебѣ ради меня любить ее. Если-бы я потерялъ тебя, то моя утрата была-бы выигрышемъ для нея; съ дру-

гой стороны, если я утрачу ее,—будешь въ барышахъ ты. Но я теряю васъ обоихъ сразу; вы остаетесь вмѣстѣ и заставляете меня нести этотъ крестъ для моей же пользы. Меня утѣшаетъ то, что я и мой другъ составляемъ одно цѣлое и что, любя его,—о,сладкая мечта!—она въ сущности любила меня одного".

Какъ извѣстно, ни одно произведеніе Шекспира не вызвало столько противорѣчивыхъ толкованій, какъ его сонеты. Одни придавали имъ автобіографическое значеніе, другіе (у насъ Стороженко и Спасовичъ) отрицали это. Преобладаетъ, однако, мнѣніе, что сонеты несомнѣнно относятся къ реальнымъ лицамъ: первые 126 посвящены графу Сутгемптону или графу Пемброку, а остальные 28 сонетовъ—Мэри Фиттонъ. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы женщина, которой посвящены эти 28 сонетовъ, не была реальнымъ существомъ: до того ярко вырисовывается въ нихъ ея образъ. Вотъ, напримѣръ, какъ Шекспиръ описываетъ ея наружность (сон. 130):

Тусклѣе солнца блескъ ея очей,
Блѣднѣй коралла губокъ пурпуръ нѣжный
И бѣлыхъ персей все-же снѣгъ бѣлѣй.
Прошу прощенья за примѣръ небрежный,
Но проволокъ пучки у ней растутъ,
Гдѣ долженъ тонкій завиваться волосъ.
У ней на щечкахъ розы не цвѣтутъ,
Не музыка ея пріятный голосъ;
Ея дыханье все-жъ не ароматъ;
Ея походка все-же не богини,
Я долженъ въ томъ признаться, радъ не радъ,
Хотя богинь не видывалъ донынѣ,
Пусть такъ, а всѣ-жъ любовь рѣдка моя,
Какъ рѣдко лгу въ своихъ сравненьяхъ я. *)

Точно также и характеръ Мэри Фиттонъ очерченъ съ необыкновенной реальностью—основной чертою всѣхъ вообще произведеній Шекспира. Какъ живая, встаетъ передъ нами въ 145 сонетѣ эта капризная, беззаботная, бездушная особа, умѣвшая играть своими поклонниками, какъ ей было угодно.

Съ прелестныхъ губокъ, созданныхъ рукою
Амура самого, чуть слышный звукъ слетѣлъ:
„Я ненавижу"... Я молчалъ съ тоскою.
И на нее въ отчаяньѣ глядѣлъ.
Мой видъ, должно быть, жалокъ былъ при этомъ,
Пришлось ей гнѣвъ на милость измѣнить:
Ей захотѣлось дружескимъ привѣтомъ
Унылый духъ мой вновь развеселить.

*) С. Ильина (В. Е., 1902 г., № 6)

Она умѣла краткимъ добавленьемъ
Своимъ словамъ обратный смыслъ придать,
Такъ, день своимъ веселымъ приближеньемъ
Тьму заставляетъ съ неба улетать.
Лишь: „не тебя“ она проговорила
И этимъ снова жизнь мнѣ возвратила. *)

Нечего говорить о „Двухъ веронскихъ дворянахъ“, въ которыхъ Шекспиръ изобразилъ отношенія между нимъ, Соутгемптономъ и лэди Фиттонъ.

Сердечныя раны, причиняемыя смуглою красавицею, не мѣшали Шекспиру, а можетъ быть заставляли его искать утѣшенія на сторонѣ. Такъ, во время поѣздки въ Стратфордъ къ семьѣ онъ обыкновенно заѣзжалъ въ Оксфордъ и останавливался въ гостинницѣ „Короны“, хозяйка которой, мистрисъ Девенентъ, была очень хороша. Сынъ ея, Джонъ Девенентъ, впослѣдствіи съ гордостью разсказывалъ, что онъ—незаконный сынъ Шекспира, и его мнѣніе, очевидно, раздѣлялось также и его земляками, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды молодой Джонъ, узнавъ, что пріѣхалъ Шекспиръ, бросился изъ школы домой. Какой-то горожанинъ, видя его бѣгущимъ, спросилъ, куда онъ несется.

— Крестникъ (godfather) пріѣхалъ! отвѣчалъ Джонъ.

— Ты славный малый, отвѣчалъ горожанинъ, но будь остороженъ и не употребляй всуе имя Божье (god's name).

Не мѣшаетъ отмѣтить здѣсь любопытный взглядъ Сычевскаго, обвиняющаго Шекспира... въ сводничествѣ! „Рядомъ съ этой высокой дѣятельностью генія,—говоритъ онъ,—является весьма не высокая работа нищаго актера, желающаго составить себѣ карьеру и фортуну. Шекспиръ влюбляется въ какую-то женщину сомнительнаго поведенія (очевидно, рѣчь идетъ о Мэри Фиттонъ), пріобрѣтаетъ то ласками, то угрозами, то самоуниженіемъ ея благосклонность, за симъ сводитъ лорда Соутгемптона, богатаго и знатнаго аристократа, съ нею и передаетъ ее ему съ рукъ на руки. Кто не вѣритъ въ сводничество Шекспира,—пусть прочтетъ его сонеты“. *) Выше приведенъ (въ прозѣ) сонетъ, въ которомъ Шекспиръ оплакиваетъ любовь Мэри Фиттонъ къ своему другу, т. е. къ тому же лорду Соутгемптону. Тутъ, очевидно, какое-то недоразумѣніе или поспѣшный выводъ, хотя ука-

*) Пер. его же.

занная черта—двойственность натуры Шекспира—подмѣчена вѣрно. Достаточно указать хотя-бы на то, что поэтъ, напи савшій гимнъ благородной любви-„Ромео и Джульету“, унизился (правда, въ началѣ своей литературной дѣятельности) до порнографической поэмы: „Венера и Адонисъ“, написанной для лорда Соутгемптона, который въ награду за нее заплатилъ 1000 фунтовъ стерлинговъ, и поэмы „Изнасилованіе Лукреціи“, которая также была написана для лорда Соутгемптона въ надеждѣ на полученіе новой тысячи стерлинговъ, но за которую на этотъ разъ онъ уже не получилъ ни гроша.

Когда каролева Елизавета, эта царственная дѣва, тайно грѣшившая, но явно претендовавшая на имя цѣломудренной дѣвушки и требовавшая, чтобы всѣ около нея были холостыми, и особенно строго слѣдившая за исполненіемъ этого требованія ея любовниками, узнала, что Мэри Фиттонъ родила мальчика отъ Пемброка, одного изъ этихъ любовниковъ, она приказала заключить его въ тюрьму. Мэри вышла потомъ замужъ за капитана Лугера; черезъ нѣкоторое время она вступила во второй бракъ, выйдя за капитана Полигиля. Однако, и послѣ того она сошлась съ нѣкіимъ Ричардомъ Ливсономъ, отъ котораго родила двухъ дѣтей. Она осчастливила своею любовью также и Шекспира, но потомъ измѣнила ему для лорда Спенсера. Она переходила отъ одного къ другому, даря всѣмъ счастье раздѣленной любви, но точасъ-же отнимая его какъ-бы въ насмѣшку надъ жертвами ея горя. И нѣтъ ничего страннаго въ предположеніи, что именно съ нея Шекспиръ списалъ портретъ Клеопатры, „этой ослѣпительной, какъ выражается Тэнъ, Клеопатры, которая закружила Антонія въ вихрѣ своихъ причудъ и капризовъ, которая очаровываетъ и убиваетъ и кидаетъ на вѣтеръ жизнь людей, какъ горсть песку своей пустыни; этой гибельной феи Востока, играющей любовью и смертью, буйной, всепокоряющей, этого созданія воздуха и огня, жизнь которой—буря, а безпрестанно вспыхивающая и прерывающаяся мысль—точно перебѣгающая молнія“.*) И нѣтъ также ничего удивительнаго въ томъ, что взгляды Шекспира на женщинъ становились съ годами все болѣе

*) З. В. 1864, 4, стр. 303.

и болѣе пессимистическими и что даже послѣ невольныхъ диѳирамбовъ, которыхъ онъ не могъ не пѣть ей, какъ человѣкъ, одаренный страстной натурою, съ пера великаго поэта срывались колкія слова и язвительные сарказмы по адресу женщинъ, не щадящихъ ничего на алтарѣ своего обаянія—ни богатства, ни почестей, ни искреннихъ чувствъ, ни даже генія...

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Говоря о женщинахъ, такъ или иначе вліявшихъ на творческую дѣятельность Шекспира, нельзя не упомянуть также и о королевѣ Елизаветѣ.

Въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ Шекспиру, трудно найдти прямой отвѣтъ на вопросъ, какого рода было это вліяніе. Среднее мнѣніе сводится къ слѣдующему: Елизавета вліяла на развитіе театра, а слѣдовательно также и на Шекспира, спеціально писавшаго для театра. Дѣйствительно, никогда еще до нея театральные подмостки не приковывали къ себѣ столько вниманія и не казались такою всеобщею необходимостью, какъ во времена Елизаветы. Англійскій народъ былъ слишкомъ богатъ для того, чтобы требовать хлѣба; но онъ былъ еще слишкомъ бѣденъ духомъ и не могъ обходиться безъ зрѣлищъ. Вся вообще жизнь аристократическихъ слоевъ того времени была сплошнымъ зрѣлищемъ. Люди начинали понимать грубость окружающей обстановки и устремлялись въ театръ, какъ въ спасительную пристань. Все же на сценѣ имъ можно было видѣть торжество благородства и наказуемость преступности, можно было слышать умныя слова, наблюдать изящныя манеры, усваивать уроки житейской мудрости. Жизнь при дворѣ очень напоминала сцену. Еще жестокій Генрихъ VIII, погубившій нѣсколько женъ, отправлялся ежегодно перваго мая въ лѣсъ, чтобы ознаменовать начало

весны маскарадомъ, на которомъ онъ самъ появлялся переодѣтымъ въ нѣжнаго пастушка и въ которомъ принимала поневолѣ участіе также и его жена, Екатерина Арагонская, столь печально кончившая свою жизнь послѣ мучительныхъ лѣтъ сожительства съ царственнымъ палачемъ. Такія же пасторали любила также устраивать и Елизавета, достойная дочь Генриха VIII, казнившая собственную сестру и любов-

Королева Елизавета.

ника, при чемъ выступала въ видѣ пастушки, нимфы или весталки. „Придворные старцы превращались въ фавновъ и силеновъ; Рэлей носилъ пастушескій посохъ; Бэконъ сочинялъ аллегорическіе диѳирамбы въ честь королевы—дѣвственницы на греческомъ языкѣ, а дворцовые пажи, украшенные лентами (наподобіе пастушковъ Ѳеокрита), сновали

въ Кенильвортской Аркадіи въ то время, какъ въ какомъ нибудь грязномъ углу Лондона ставили къ позорному столбу какого нибудь несговорчиваго католика". *) Все было театрально, вычурно, на ходуляхъ. Самые поэты, льстившіе королевѣ въ вычурныхъ выраженіяхъ, были какъ-бы актерами. Даже обыкновенный разговорный языкъ вышелъ изъ употребленія и былъ замѣненъ „эйфуэсизмомъ" (отъ книги „Эйфуэсъ")—языкомъ, сочиненнымъ однимъ изъ корифеевъ тогдашней литературы—Лили, языкомъ, тайна котораго заключалась въ томъ, чтобы ни одного слова не сказать въ простотѣ, а все съ ужимкою. **)

Въ этотъ-то вѣкъ актеровъ и жилъ Шекспиръ. Немудрено, что онъ самъ сдѣлался актеромъ и драматическимъ писателемъ. Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе того, сколько таланта обнаружилъ онъ въ области артистической дѣятельности; слѣдуетъ только отмѣтить, что, какъ актеръ, онъ былъ извѣстенъ Елизаветѣ, въ дворцахъ которой онъ не разъ выступалъ вмѣстѣ со своею трупою. Однажды, разсказываютъ, Елизавета прошла по сценѣ въ то время, когда Шекспиръ исполнялъ роль Болинбрака и поклонилась „Генриху IV" и поэту. Шекспиръ, увлеченный игрою, не замѣтилъ этого движенія, вслѣдствіе чего Елизавета бросила ему свою перчатку въ знакъ большого расположенія. Шекспиръ тотчасъ же поднялъ перчатку и, возвращая наслѣдницѣ Ланкастерскаго дома, прибавилъ отъ себя:

Мы останавливаемся въ нашемъ высокомъ стремленіи,
Чтобы поднять перчатку нашей племянницы.

---

*) Извѣстно, напримѣръ, что Шекспиръ исполнялъ въ „Гамлетѣ" роль духа. Изъ этого заключаютъ, что актеръ онъ былъ неважный, такъ какъ роль духа поручается обыкновенно второстепеннымъ артистамъ. Гете, однако, разсѣялъ это заблужденіе, доказавъ, что роль отца Гамлета-весьма трудная и отвѣтственная, а во времена Шекспира трудность ея была еще болѣе велика, вслѣдствіе чего и надо предположить, что, какъ атртистъ, Шекспиръ также представлялъ выдающуюся величину.

**) Въ „Безплодныхъ усиліяхъ любви" Шекспиръ охарактеризовалъ это манерничаніе слѣдующими словами:

Весь этотъ сбродъ
Тафтяныхъ фразъ, рѣчей, изъ шелка свитыхъ,
Гиперболъ трехэтажныхъ, пышныхъ словъ,
Надутаго педантства,—эти мухи
Зловредныя кусали такъ меня,
Что я распухъ.

Въ „Генрихѣ IV" Фальстафъ, пародируя тотъ же эйфуэсизмъ, говоритъ принцу Генриху: „Есть вещь, Гарри, о которой ты часто слыхалъ и которая называется въ нашей странѣ дегтемъ. Этотъ деготь, какъ говорятъ древніе писатели, мараетъ."

Что касается Шекспира, какъ поэта, то вліяніе Елизаветы на его драматическое творчество было весьма благотворно. Не говоря уже о томъ, что, страстно любя театръ и покровительствуя ему противъ муниципалитета, относившагося къ нему враждебно, она способствовала расцвѣту генія Шекспира, Елизавета еще, как говоритъ Кохъ, дала Шекспиру мысль сочинить „Виндзорскихъ Проказницъ“, выразивъ желаніе видѣть Фальстафа въ роли любовника. Бенъ-Джонсонъ называетъ Елизавету и Якова I покровителями поэзіи Шекспира. Бережливая королева, должно быть, оказывала не мало милостей Шекспиру, потому что онъ не присоединился къ прочимъ поэтамъ, когда они оплакивали смерть королевы. Генри Чемпль даже замѣтилъ ему это въ своемъ стихотвореніи „Трауръ Англіи“:

Что-жъ среброзвучный Мелицертъ
Печальныхъ пѣсенъ не поетъ
По той, что чтила его музу,
Внимая милостиво ея звукамъ?
Пастухъ, ты вспомяни Елизавету нашу
И горестную смерть ея воспой!

„Торжественная поэзія по обязанности,—продолжаетъ Кохъ,—была не по вкусу Шекспиру и онъ не внялъ требованію Четтля. За то, какъ драматическій писатель, онъ въ концѣ своего „Генриха VIII“ помѣстилъ вдохновенную похвальную рѣчь благословенной королевѣ и годамъ ея правленія; равнымъ образомъ и въ „Снѣ въ Иванову ночь“ онъ восхваляетъ maiden queen за ея дѣвственность.“ *)

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что добрыя чувства Шекспиръ началъ питать къ Елизаветѣ только послѣ ея смерти. Хотя ей, чувственной дочери жестокаго въ своей страстности Генриха IV, и доставляли удовольствіе скабрезныя мѣста, разсыпанныя въ произведеніяхъ Шекспира, и она, вѣроятно, не разъ высказывала ему свое расположеніе, тѣмъ не менѣе поэтъ не любилъ ее въ душѣ и жестоко бичевалъ въ своихъ произведеніяхъ. Эта сторона отношеній Шекспира къ Елизаветѣ лучше всего разработана Сычевскимъ **) и, поэтому, мы ему предоставляемъ слово. „Когда божественный глаголъ до слуха чуткаго касался“,—говоритъ онъ,—т, е. когда Шекспиръ садился за свой рабочій столъ,—

*) Кохъ, стр. 278—279. Сравни Женэ, стр.67—77.
**) Лекціи, стр. 27—28, 51.

то дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Его пламенному воображенію прежде всего представлялся какой нибудь жгучій вопросъ настоящаго. Въ безпредѣльныхъ глубинахъ его ума вопросъ этотъ своими безконечно развѣтвляющимися корнями привязывался къ какой нибудь общечеловѣческой истинѣ, къ какому нибудь нравственному принципу. Его поэтическій геній облекалъ сухія истины-политическія и общественныя теоріи—въ живые, яркіе образы, съ плотью и кровью, въ личности, болѣе живыя, чѣмъ настоящіе люди. Рефлексія дѣлалась Гамлетомъ, честолюбіе —Макбетомъ, ревность—Отелло, любовь—Юліей... Но этого мало. Надобно объяснить народу, что Елизавета и эйфуисты —глупые жеманники, что Іаковъ I—безумный фанатикъ и его демонологія—варварская чепуха, что всемогущій канцлеръ Сесиль Берлигъ—подлый льстецъ, ловящій рыбу въ мутной водѣ, что гоненіе католиковъ—безумная жестокость, что внутренняя политика тогдашняго правительства состояла въ эксплоатаціи народа путемъ лицемѣрія и жестокости... Какъ объяснить все это? Какъ сказать на сценѣ, публично, то, чего нельзя сказать на ухо, дома, подъ опасеніемъ потерять носъ и уши или голову или быть четвертованнымъ? А сказать все это влекло яркое сознаніе своей цивилизаторской миссіи, страстная любовь къ народу и его интересамъ, однимъ словомъ нѣчто высшее, болѣе могучее, чѣмъ человѣческая воля и разумъ. И вотъ въ Шекспирѣ является человѣкъ, каждый день рискующій своею жизнію для пользы народа, человѣкъ, съ безумной, бѣшеной отвагою бросающійся на такіе принципы, до которыхъ до сихъ поръ дотрогиваться нельзя. Правда, онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы обезопасить себя. Онъ прибѣгаетъ къ аллегоріи, яркой, блестящей, воздушной, исключающей повидимому всякую мысль о тенденціозности; онъ рисуетъ личности, настолько живыя, настолько реальныя, что чрезвычайно трудно предположить въ нихъ критику, облеченную въ плоть и кровь, или памфлетъ, ослѣпляющій своей поэзіею. Онъ говоритъ о грубости Елизаветы и эйфуистовъ и о варварствѣ Якова въ невинно-поэтическихъ фантазіяхъ „Безплодныя усилія любви“ и „Сонъ въ лѣтнюю ночь“; онъ протестуетъ противъ гоненія католиковъ въ роскошной фантастически-драматической поэмѣ „Генрихъ VIII“; онъ доказываетъ фиктивность

Шекспиръ читаетъ свою трагедію „Отелло“ во дворцѣ королевы Елизаветы.

божественнаго права въ драматической хроникѣ, состоящей изъ четырехъ историческихъ пьесъ: „Ричардъ II," „Генрихъ IV," первая и вторая части,—и „Генрихъ V"; онъ клеймитъ политическое лицемѣріе и жестокость правительства въ „Мѣрѣ за мѣру"—пьесѣ, блещущей жизнію и поэзіей и, повидимому, совершенно невинной, содержаніе которой, кромѣ того, было заимствовано цѣликомъ изъ разсказа, давно извѣстнаго всѣмъ. И дѣйствительно, благодаря всему этому, ему удалось сдѣлать невѣроятное дѣло: учить народъ добру и правдѣ, объяснить ему современныя безобразія громко, ярко, публично и не пострадать за это. Мало того, этотъ безумецъ —цивилизаторъ пошелъ дальше: въ зимней сказкѣ онъ разсказалъ Елизаветѣ ея собственную біографію съ цѣлью поучить ее; въ „Королѣ Джонѣ" онъ громилъ ее за убійство Маріи Стюартъ и грозилъ послѣдствіями; въ „Королѣ Лирѣ" онъ силою своего генія предвидѣлъ погибель Стюартовъ и вызвалъ изъ мрака будущаго передъ взорами Іакова I не родившагося еще внука, Іакова II, уча своего короля „быть и на тронѣ человѣкомъ".

Вдумываясь еще глубже въ „Зимнюю сказку", въ „Отелло" и въ „Антонія и Клеопатру", мы найдемъ, что въ этихъ трехъ пьесахъ актеръ-Шекспиръ „истину царямъ съ улыбкою говорилъ". Какъ несомнѣнно можно вывести изъ времени, къ которому относятся эти пьесы, Отелло былъ написанъ для Елизаветы, которая изъ ревности казнила графа Эссекса и потомъ не могла утѣшиться послѣ его смерти. „Зимняя сказка" написана также для Елизаветы, чтобы привести ей въ примѣръ ея собственнаго отца, Генриха VIII, осудившаго на смерть ея мать, Анну Болейнъ, и отвергнувшаго ее —бѣдную Пердиту зимней сказки. Трагедія „Антоній и Клеопатра" написана опять-таки для Елизаветы. „Если-бы носъ Клеопатры былъ немного меньше, то земной шаръ имѣлъ бы другой видъ"—говоритъ Паскаль.

Таковы отношенія Шекспира къ женщинамъ и таково вліяніе женщинъ на творчество Шекспира. Даже онъ, этотъ геніальнѣйшій изъ геніальныхъ поэтовъ, этотъ глубокій умъ, философъ, провидецъ, человѣкъ съ такимъ крупнымъ творческимъ талантомъ, что многіе изслѣдователи по спроведливости ставятъ его рядомъ съ природою, съ которою, по ихъ словамъ, онъ сравнился по творчеству,—даже и онъ отдалъ

дань всесокрушающему желѣзному закону женскаго вліянія не только въ жизни (это было-бы понятно, если принять во вниманіе, что Шекспиръ состоялъ изъ такого же вещества, какъ и всѣ смертные), но и въ области духа, тамъ, гдѣ для него нѣтъ равенства съ людьми и, конечно, нѣтъ также смерти и тлѣнія. Оттого-то мы по его произведеніямъ можемъ прослѣдить, какъ складывались его взгляды на отношенія между мущинами и женщинами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и догадываться о скрытыхъ для насъ многочисленныхъ фактахъ его жизни. Подъ вліяніемъ несчастнаго брака онъ въ первыхъ своихъ драмахъ изображалъ только злыхъ женщинъ; подъ вліяніемъ любви къ Мэри Фиттонъ онъ создавалъ страстныхъ и коварныхъ женщинъ, а подъ вліяніемъ другихъ предметовъ его сердца, имена которыхъ остались намъ неизвѣстны, онъ несомнѣнно создалъ и своихъ очаровательныхъ героинь вродѣ Джессики изъ „Венеціанскаго Купца“ или Офеліи изъ „Гамлета“. Оттого-то и взгляды Шекспира на бракъ измѣнялись постепенно, какъ можно судить по тѣмъ-же его произведеніямъ; по крайней мѣрѣ, въ то время какъ въ первую пору своего творчества онъ смотрѣлъ на отношенія между мущинами и женщинами, только какъ на естественное послѣдствіе страсти (вѣдь и бракъ его со строптивою Анною Хетвей также былъ такимъ слѣдствіемъ), въ позднѣйшихъ своихъ драмахъ („Бурѣ“, „Зимней сказкѣ“) поэтъ уже выступилъ защитникомъ брака, какъ нравственнаго начала. И, конечно, ничего нѣтъ удивительнаго также, что великій англичанинъ не только затрогивалъ въ своихъ произведеніяхъ женскій вопросъ, но даже рѣшилъ его и къ тому же въ томъ смыслѣ, въ какомъ только и могъ понимать его богатый умъ, расцвѣченный всѣми узорами поэтической фантазіи. Женщина, по Шекспиру, должна играть подчиненную роль по отношеніи къ мужу, который и болѣе ея силенъ, и болѣе опытенъ; но у того-же Шекспира есть женщины—адвокаты, женщины—врачи, женщины—судьи. Онъ проповѣдовалъ свободу чувствъ и въ „Венеціанскомъ купцѣ“, гдѣ выведена еврейка, влюбленная въ христіанина, далъ такую картину узкости и временности понятій, ограничивающихъ свободное проявленіе душевной дѣятельности, что, знакомясь съ нею, несомнѣнно краснѣетъ самый ярый ретрогадъ нашего времени. Женщина равна мущинѣ во

всемъ, но превосходитъ его въ граціи,—вотъ выводъ, который напрашивается самъ собою при созерцаніи его безсмертныхъ образовъ, выводъ, продиктованный глубокимъ знаніемъ человѣческой души, начиная съ ея свѣтлыхъ вершинъ и кончая темными бездонными глубинами.

Сила творчества, основанная на непосредственномъ проникновеніи въ глубь вещей и явленій, оказалась выше силы доводовъ аналитической мысли: Шекспиръ рѣшилъ женскій вопросъ еще задолго до того, какъ этотъ вопросъ сталъ на очереди въ ряду великлхъ проблемъ современной дѣйствительности...

IV.

Dante.

ДАНТЕ.

ДАНТЕ *).

О великомъ итальянскомъ поэтѣ Данте можно сказать почти то-же самое, что и о Шекспирѣ: мы всѣ знаемъ его имя, всѣ читали его безсмертныя произведенія, но мало знаемъ по источникамъ его жизнь. Правда, есть біографическія данныя; но они случайны. Можно сказать, что единственнымъ біографомъ великаго поэта явился Боккачіо, свѣдѣнія котораго, однако, крайне сомнительны и носятъ преимущественно анекдотическій характеръ. И тѣмъ не менѣе личность творца „Божественной Комедіи“ все-же стоитъ передъ нами во всей осязательной красотѣ мраморной статуи. Пусть современники не записали ни одного безусловно достовѣрнаго факта, касающагося жизни и дѣятельности великаго флорентійскаго поэта; пусть изслѣдователи литературы до сихъ поръ роются въ пыли старыхъ архивовъ, чтобы найдти хотя-бы ничтожную зацѣпку для возстановленія всей его фигуры,—есть источникъ, откуда мы можемъ черпать обильныя свѣдѣнія о личности Данте, и источникъ этотъ до того обширенъ и глубокъ, что послѣ него не нужно уже почти никакихъ біографій и никакихъ изслѣдованій. Эготъ источникъ—самыя произведенія великаго поэта.

---

*) Scartazzini. Dante. Berlin 1900.—Karl Federn. Dante. Leipzig, Berlin und Wien 1899.—Пинто. Историческіе очерки итальянской литературы. Пер. А. Веселовскаго 1881. Данте Алигьери, его жизнь и сочиненія.—А. Веселовскій. Лекціи по исторіи итальянской литературы 1881.

Во всемірной литературѣ трудно найдти еще одно крупное имя, носитель котораго былъ-бы такъ субективенъ, какъ Данте. Онъ писалъ только о себѣ. У него нѣтъ другихъ героевъ, кромѣ его самого. И при этомъ онъ не рисуетъ той или другой фигуры, напоминающей его личность: нѣтъ, онъ изображаетъ самого себя въ буквальномъ смыслѣ слова. Его произведенія—сплошной разсказъ о томъ, что онъ дѣлалъ и какъ онъ жилъ. Онъ любилъ Беатриче, былъ въ аду, посѣтилъ гору Чистилища и проникъ въ рай. Онъ самъ, никто другой. Слово „я“ повторяется у него на каждомъ шагу. И не только онъ самъ, но и всѣ современники проходятъ передъ нами въ ослѣпительномъ кругу фигуръ, нарисованныхъ съ жаромъ истиннаго вдохновенія. Данте не считаетъ нужнымъ даже замаскировать изображаемыхъ имъ лицъ: его современники-соотечественники проходятъ передъ нами подъ тѣми-же самыми именами, подъ которыми они были записаны при рожденіи въ метрическихъ книгахъ. Вотъ почему, не смотря на отсутствіе точныхъ біографическихъ данныхъ, мы Данте знаемъ, можетъ быть, больше всякаго другого великаго поэта. Вотъ почему жизнь и личность его поражаютъ насъ, при чтеніи его произведеній, такою рѣдкой выпуклостью и яркой красотою, Вотъ почему, наконецъ, мы по этимъ произведеніямъ такъ обстоятельно знакомимся съ вѣкомъ, въ который онъ жилъ. И не мудрено: Данте сообщаетъ намъ о своемъ времени гораздо больше того, чѣмъ время это сообщаетъ о немъ самомъ...

Въ исторіи отношеній между женщинами и выдающимися представителями культуры врядъ-ли можно найти столь яркій примѣръ пламенной и въ то-же время идеальной и платонической любви, какую великій итальянскій поэтъ Данте питалъ къ предмету своего сердца—Беатриче. Трудно даже назвать это любовью. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, взаимное тяготѣніе между представителями и представительницами обоихъ половъ выражалось въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Люди разорялись, совершали растраты, разстраивали семейный миръ, убивали, лишали себя жизни, но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ любовь не достигала той силы напряженія, которая сквозитъ въ отношеніяхъ Данте къ дочери Фалько Портинари. Оттого-то долгое время не хо-

тѣли даже вѣрить, что Беатриче дѣйствительное лицо, и думали, что она—плодъ фантазіи, аллегорическое изображеніе идеальной женщины вообще, въ которой воплощены всѣ совершенства. Предположеніе тѣмъ болѣе основательное, что Данте, какъ извѣстно, не имѣлъ никакихъ сношеній со своей возлюбленною. Онъ почти не былъ съ нею знакомъ, хотя она и удостоила его поклономъ во время знаменитой встрѣчи съ Данте, оставившимъ глубокій отпечатокъ на всемъ существѣ, на всей жизни и поэтическомъ творчествѣ пламеннаго поэта. Такой любви, дѣйствительно, не знало еще ни одно сердце, бившееся въ груди великаго человѣка. Она—единственная.

Встрѣча Данте съ Беатриче.

Данте отличался влюбчивостью еще въ дѣтствѣ. Впослѣдствіе эта черта еще болѣе развилась и въ одинъ прекрасный день приняла конкретную форму сильной дюбви къ одной женщинѣ—Беатриче. Въ своей „Новой (или обновленной, какъ нѣкоторые переводятъ) жизни“ (Vita Nuova), этомъ благоуханномъ романѣ, въ которомъ Данте самъ разсказываетъ исторію своей любви, не оставлено ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ времени зарожденія его чувства. „Уже девять разъ,—пишетъ онъ въ самомъ началѣ,—со дня моего рожденія небо съ его свѣтилами возвратилось на то же самое мѣсто, когда впервые предстала передъ моими очами доблестная жена моихъ мечтаній, которой многіе, не зная, какъ

ее назвать, дали имя Беатриче. Она уже довольно прожила, чтобы въ этотъ промежутокъ времени звѣздное небо успѣло перенестись къ востоку на двѣнадцатую часть градуса, такъ что она явилась мнѣ въ началѣ своего девятаго года, тогда какъ я его уже оканчивалъ. Она явилась мнѣ одѣтою въ красноватый цвѣтъ, величественная и скромная; способъ, какимъ поясъ поддерживалъ ея одѣяніе, совершенно подходилъ къ ея ранней юности... Начиная съ этой минуты, любовь сдѣлалась властительницею моей души, которая тотчасъ и была ей обручена. И она взяла надо мною такую власть, что мое воображеніе дало ей на это силу, такъ что съ того времени я чувствовалъ себя принужденнымъ вполнѣ ей повиноваться“*). Полюбить въ девятилѣтнемъ возрастѣ восмилѣтнюю дѣвушку—фактъ исылючительный и подъ знойнымъ небомъ Италіи. Немудрено, что чувство это приняло со временемъ такіе колоссальные размѣры и стоитъ одинокимъ въ исторіи любовныхъ восторговъ, внушенныхъ другимъ свѣточамъ мысли или искусства.

Съ тѣхъ поръ, какъ любовь проникла въ сердце поэта, онъ сталъ чувствовать неотступную потребность видѣться со своею возлюбленною. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ являлся въ домъ очаровательной дѣвушки, но только для того, чтобы любоваться издали игрушкою природы. Ни однимъ словомъ не обмѣнялся онъ съ царицею своего сердца. Онъ даже голоса ея не слышалъ! Только тогда, когда поэту исполнилось семнадцать лѣтъ, дѣвушка удостоила его при случайной встрѣчѣ дружескимъ поклономъ. Этотъ поклонъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ жизни и литературной дѣятельности знаменитаго поэта. Онъ стоитъ въ центрѣ всего его существованія и, можно сказать, составляетъ поворотный пунктъ во всемірной литературѣ. „Когда,—говоритъ Данте,—уже много дней послѣ указаннаго явленія этой весьма благородной особы, исполнилось уже девять лѣтъ,— случилось, что эта дивная жена явилась мнѣ одѣтою въ платье ослѣпительной бѣлизны; она стояла между двумя благородными женами нѣсколько старше ея. Когда она проходила по улицѣ, то повернула взоры къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, исполненный благоговѣйнаго страха, и вслѣдствіе вліянія ея не-

*) Данте-Алигіери. „Обновленная жизнь“. Переводъ А. Ѳедорова, стр. 49 . 50.

выразимой вѣжливости, за которую она имѣетъ теперь свою награду на небѣ, она мнѣ поклонилась; это произвело на меня такое дѣйствіе, что мнѣ казалось, будто я достигъ крайнихъ границъ блаженства. Часъ, въ который я получилъ такое пріятное привѣтствіе, былъ именно девятый часъ дня; и такъ какъ это было въ первый разъ, что ея слова донеслись до моихъ ушей, то я почувствовалъ такую сладость, что, какъ упоенный, бросился изъ толпы"*).

Кто была эта чудесная дѣвушка, одинъ поклонъ которой могъ осчастливить величайшаго изъ поэтовъ Италіи? Какое носитъ имя этотъ небесный ангелъ, встрѣча съ которымъ послужила для поэта началомъ „новой жизни"? Самъ Данте не только не далъ отвѣта на этотъ вопросъ, но принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы никто не могъ на него отвѣтить. Даже окружавшія его лица не знали, кто была дѣвушка, овладѣвшая всѣмъ существомъ поэта, и только догадывались по волненію, которое онъ обнаруживалъ въ ея присутствіи. Въ своихъ произведеніяхъ онъ называетъ ее Беатриче, т. е. „доставляющею блаженство", именно потому, что ея видъ, ея слово, ея привѣтъ вливали въ его душу безконечное блаженство, но не потому, что она, дѣйствительно, носила такое имя. Многіе біографы сомнѣвались, чтобы это была Беатриче. Одинъ изъ наиболѣе добросовѣстныхъ біографовъ его, Скартацини, прямо даже заявляетъ, что возлюбленная Данте «могла носить какое угодно имя, но только не Беатриче»**), и, ссылаясь на многія мѣста изъ произведеній самаго поэта, онъ доказываетъ, что кварталъ, въ которомъ жила Беатриче, былъ не тотъ, гдѣ жилъ Данте, что возлюбленная, о которой онъ говоритъ, должна была несомнѣнно отвѣтить ему любовью, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой степени, иначе непонятно, какъ могъ онъ сказать, что любовь вызываетъ взаимную любовь, между тѣмъ какъ житейскій опытъ учитъ какъ разъ противоположному***). Скартацини указываетъ еще на то, что Беатриче, какъ извѣстно,

*) Тамъ же, стр. 51.

**) S. Scartazzini. „Dante". Berlin, 1896, стр. 27.

***) У А. Ѳедорова („Адъ", V, 97—100) это мѣсто переведено такъ:

Мой другъ полюбилъ меня страстно,
Увлекшись моей красотой;
Любовь заразительна; тотчасъ
Она овладѣла и мной!

вышла замужъ за Сисмонди Барди, между тѣмъ какъ въ „Новой жизни“ самъ Данте говоритъ, что она не покидала родительскаго дома, т. е. осталась дѣвушкой. Такимъ образомъ, настоящая Беатриче и та, которой великій поэтъ посвятилъ свое вдохновеніе,—разныя существа. Другой знатокъ Данте, итальянецъ Пересъ, связываетъ идею Беатриче съ католичествомъ. По его мнѣнію, образъ этотъ не реальное лицо, а блаженство непосредственнаго созерцанія, приближающаго насъ къ божеству, отъ котораго отдалила его одно время ложная философская наука, эта другая дама его мыслей *). Конечно, странно выражать стремленіе къ высшей сущности вещей въ произведеніи, посвященномъ любви; но для Среднихъ вѣковъ ничего страннаго въ этомъ не было, такъ какъ и Пѣсня пѣсней, представляющая романъ на чисто эротической подкладкѣ, истолковывалась, какъ чисто религіозное произведеніе. Какъ-бы то ни было, но вопросъ о томъ, существовала ли Беатриче на самомъ дѣлѣ, рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ: она была реальнымъ лицомъ. Дочь Фалько Портинари, она родилась въ 1267 г., жила по сосѣдству съ Данте, въ 1287 году вышла замужъ, а въ 1290 г. умерла, вскорѣ послѣ отца, 23-хъ лѣтъ отъ роду. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что трудно предположить такую страстную, исполненную самыхъ пламенныхъ восторговъ любовь къ вымышленному существу. Мы знаемъ, правда, что нѣчто подобное бываетъ. Шиллеръ, напримѣръ, не одно стихотвореніе написалъ красавицѣ, существовавшей только въ его воображеніи. Поэты чувствуютъ слишкомъ глубоко. Они могутъ иногда принять вымыселъ за дѣйствительный фактъ. Но дойти до такой глубины чувства, до какой дошелъ Данте, нельзя, если предметъ страсти нарисованъ однимъ только пыломъ необузданной фантазіи. **)

Какъ уже сказано, Данте тщательно скрывалъ имя дѣвушки, поразившей его сердце. Когда однажды въ цер-

*) А. Веселовскій. „Данте и символическая поэзія католичества“, „В. Е.“, 1866 г., № 4, стр. 207.

**) Само собою разумѣется, что, разъ имѣется сомнѣніе даже насчетъ существованія Беатриче, то не можетъ быть и рѣчи о ея портретѣ. Художники разныхъ національностей дали намъ, правда, цѣлый рядъ портретовъ Беатриче; но это, конечно, только идеальный образъ, отражающій не дѣйствительность, а представленіе самого художника. По общему мнѣнію, наиболѣе яркій идеальный образъ нарисованъ англійскимъ художникомъ Данте-Габріелемъ Росетти.

кви онъ устремилъ восторженные взоры въ ту сторону, гдѣ была Беатриче, присутствовавшимъ, слѣдившимъ по линіи его зрѣнія, показалось, что онъ смотритъ на даму, находившуюся между нимъ и Беатриче. Это дало имъ поводъ заключить, что Данте влюбленъ въ эту даму. И что же? Данте не только не постарался разсѣять это заблужденіе, но, наоборотъ, ухватился за него, какъ за камень спасенія, и даже написалъ этой особѣ нѣсколько стихотвореній, лишь бы отклонить общее вниманіе отъ истиннаго предмета его любви. Обстоятельство это послужило причиною маленькой размолвки между Данте и его возлюбленною. Узнавъ, что поэтъ посвящаетъ свои стихотворныя изліянія другой дамѣ, Беатриче въ цѣломудренной ревности рѣшила отплатить легкомысленному юношѣ и при слѣдующей встрѣчѣ не отвѣтила на его поклонъ. Это заставило Данте сильно раскаяться. Онъ рѣшилъ больше не испытывать своего сердца, но, увидѣвъ Беатриче черезъ нѣсколько дней на свадьбѣ одного гражданина, опять почувствовалъ сильное біеніе сердца и измѣнился въ лицѣ. Его окружили, надъ нимъ начали смѣяться, смѣялась сама Беатриче, что заставило его страдать еще больше. Свое горе онъ затѣмъ выплакалъ въ звучныхъ сонетахъ, исполненныхъ тихой жалобы, грусти и меланхоліи.

Когда умеръ отецъ Беатриче, Данте сталъ думать о томъ, что и она сама можетъ скоро умереть. Этотъ странный фактъ многіе объясняли различно, но Скартацини вывелъ изъ него любопытное заключеніе: возлюбленная Данте была слабаго тѣлосложенія и болѣзненна. *) Эта остроумная догадка объясняетъ многое. Беатриче прекрасная, но болѣзненная,—да, къ такой именно женщинѣ можно проникнуться самой тонкой платонической любовью, такую именно дѣвушку можно считать неземнымъ существомъ, можно томиться, радоваться, горевать и быть счастливымъ въ одно и то же время, потому что тамъ, гдѣ болѣзнь и смерть, не можетъ быть и мысли о низменныхъ чувствахъ, тамъ, гдѣ могильный мракъ, нѣтъ мѣста для брачнаго ложа... Предположеніе это тѣмъ болѣе основательно, что Беатриче, дѣйствительно, вскорѣ умерла, умерла въ расцвѣтѣ лѣтъ—двадцати

*) J. Scartazni. „Dante“, стр. 34.

трехъ лѣтъ отъ роду! Жизнь ея не оборвалась сразу и неожиданно, потому что Данте нигдѣ не говоритъ о болѣзни, поразившей его возлюбленную. Она просто таяла и исчезала и въ концѣ концовъ сгорѣла, какъ свѣча.

Данте долго оплакивалъ возлюбленную. Онъ былъ неутѣшенъ и горе свое воспѣлъ въ превосходныхъ сонетахъ, утѣшаясь мыслью, что напишетъ произведеніе, въ которомъ выставитъ свою возлюбленную въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ никогда еще не была представлена ни одна женщина. И онъ написалъ „Божественную Комедію“.

Было-бы очень долго слѣдить за отношеніемъ поэта къ тѣни Беатриче послѣ ея смерти. Но нельзя не указать, что эта именно продолжительность чувства и, если можно такъ выразиться, непрерывность любовнаго экстаза являются самымъ замѣчательнымъ въ отношеніи поэта къ царицѣ его сердца. Иначе и не могло быть. Любовь—историческое наслѣдіе итальянскаго народа. По исторіи любви можно даже прослѣдить все его прошлое и проникнуть во всѣ тайники его культурнаго существованія. „Если-бы кто вздумалъ написать исторію любви въ Италіи, тотъ рядомъ оживленныхъ картинъ вполнѣ опредѣлилъ-бы характеристику ея каждаго историческаго періода“,—говоритъ Пинто въ своихъ очеркахъ, посвященныхъ итальянской литературѣ. **) И дѣйствительно, вся возмутительно—дикая необузданность нравовъ и свирѣпость лонгобардовъ VI вѣка воплощаются въ лицѣ Розамунды, которая любитъ жестокаго Альбоина, убійцу своего отца и дяди. Опьяненная страстью, она дѣлается его супругою и пьетъ за его здоровье изъ черепа отца, какъ изъ заздравнаго кубка. Еще одинъ вѣкъ—и нравы смягчаются. Любовь уже не дышетъ первобытной грубостью. Она становится защитницею красоты и, поддерживаемая оружіемъ, управляетъ общественнымъ мнѣніемъ. Еще позже—и чувство любви зачительно облагораживается. Кроткая Эрменгарда, дочь короля Дезидеріо, выходитъ замужъ за Карла Великаго, который черезъ нѣкоторое время отвергаетъ ее и клевещетъ на нее самымъ недостойнымъ образомъ, но она ему все прощаетъ и продолжаетъ любить нѣжною, покорною лю-

**) М. Пинто. „Историческіе очерки итальянской литературы“, 1866 г. стр. 19 и слѣд.

бовью. Въ X вѣкѣ опять необузданныя страсти, но все же страсти, сильныя, упорныя, продолжительныя. Теодора и Мариція, двѣ развратницы, силою красоты и богатства управляютъ Италіею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Безнравственность эпохи вполнѣ отражается въ образѣ жизни этихъ женщинъ, сообщниками которыхъ являлись маркизы и простые солдаты, епископы и церковные служители низшаго разряда, цари, конюхи и папы. Слѣдующій вѣкъ ознаменовался развращенностью духовенства, заставившею Григорія VII прибѣгнуть къ реформамъ. Затѣмъ нравы опять смягчились; отечество соединилось съ церковью. Любовь сдѣлалась спокойнѣе въ своемъ проявленіи. Тутъ-то и родилась любовь Данте къ Беатриче. Потомъ опять перемѣна: дикая страсть замѣняетъ спокойное проявленіе любовнаго чувства. Въ XV и XVI столѣтіяхъ она нерѣдко сопровождается убійствами и другими преступленіями. Извѣстенъ знаменитый пиръ Вероники Чибо, которая, умертвивъ соперницу, подала мужу блюдо, приготовленное изъ ея сердца, а затѣмъ въ видѣ десерта поднесла самую голову несчастной. Наконецъ, примѣръ Лукреціи Борджіа чего стоитъ, той именно Борджіа, которая, не смотря на троекратное замужество, была одновременно тайною женою своего отца и брата и въ концѣ концовъ отравила сына!

При такихъ пламенныхъ чувствахъ нисколько не удивительно, если Данте продолжалъ любить Беатриче и послѣ смерти, любить, можетъ быть, не столько какъ образъ, какъ идею, сколько какъ реальное существо, несомнѣнно продолжающее жить и за гробомъ. Недаромъ вся «Божественная Комедія» его представляетъ одинъ сплошной порывъ къ небесному существу, только на время посѣтившему землю и затѣмъ вернувшемуся на свою первоначальную родину—въ эмпиреи. Данте прошелъ адъ со всѣми его ужасами, прошелъ потому, что, лишившись путеводной нити послѣ смерти Беатриче, запутался въ тенетахъ жизни, но онъ прошелъ его для того, чтобы очутиться на горѣ Чистилища и на ея вершинѣ встрѣтиться впервые послѣ долгой разлуки съ божественною женщиною, приковавшею его къ себѣ когда-то при жизни. И вотъ онъ, выйдя изъ ада и добравшись подземнымъ ходомъ до противоположной части земного шара, начинаетъ подниматься на гору земного рая. Онъ прохо-

дитъ всѣ круги, при чемъ съ его чела ангелъ каждый разъ стираетъ одно изъ семи P (рессаto—грѣхъ), и когда исчезаетъ послѣдняя буква, свидѣтельствующая о запятнанности его души земными страстями, передъ глазами его вдругъ появляется образъ дивнаго существа во всей красотѣ и величіи, чтобы вознести его въ воздушныя пространства, въ сферу звѣздъ, въ третій и послѣдній этапный пунктъ поэтическаго странствованія великаго флорентинца,—въ рай.

Съ этой минуты собственно и начинается счастливая пора въ жизни Данте. Онъ обрѣлъ блаженство, потому что обрѣлъ Беатриче. Пройдя адъ, иными словами, пройдя земную жизнь съ ея грѣховными страстями, онъ добрался до Чистилища—сознанія ничтожества этихъ страстей и стремленія къ полному освобожденію отъ нихъ, чтобы очищеннымъ и просвѣтленнымъ, удостоиться, наконецъ, лицезрѣнія Беатриче—идеала высшей жизни. Для нея погрузился онъ въ адъ желаній, для нея онъ прошелъ горнило очищенія, но она-же поднимаетъ его въ лучезарное небо, къ далекимъ звѣздамъ, на которыхъ живутъ праведники и гдѣ царитъ само Божество. Въ этомъ вся идея великолѣпнаго произведенія Данте, но въ этомъ также и вся исторія его отношеній къ любимой женщинѣ. Данте любилъ и силой любви освободился отъ всѣхъ тревогъ и смрада жизни. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ гетевскаго Фауста, который также любилъ, также стремился и также очистился любовью. Недаромъ оба поэта—и Данте, и Гете—заканчиваютъ свои произведенія словами, оттѣняющими одну и ту же мысль, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія.

...Мои желанія и волю
Я отдалъ произволу той любви,
Которой солнце движется и звѣзды *)

—говоритъ Данте въ концѣ „Божественной Комедіи“, отражая въ этихъ словахъ средневѣковое поклоненіе, но въ то же время обнаруживая всю силу собственнаго чувства и глубокую вѣру въ міровое значеніе этого чувства. А въ концѣ 2-ой части „Фауста“ мистическій хоръ (chorus mysticus) поетъ.

Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan—

*) Пер. Д. Минаева.

—вѣчно женственное, т. е. то, что составляетъ основной элементъ существа всякой женщины, увлекаетъ насъ въ высь, въ небеса, въ прямомъ или переносномъ смыслѣ этого слова, смотря по степени вѣры, присущей человѣку. У Данте вѣра была сильна и потому онъ, дѣйствительно, былъ убѣжденъ, что любовь къ Беатриче вознесетъ его въ кристальное небо, которое онъ нарисовалъ такими неувядаемыми красками. Оттого-то, прежде чѣмъ проникнуть въ сферу Божества, Данте встрѣчается съ апостолами: Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ, которые испытываютъ его въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, но и тутъ рядомъ съ нимъ стоитъ Беатриче—олицетвореніе его нравственной поддержки даже въ столь трудномъ и прозаическомъ искусѣ, какъ богословскій. А когда искусъ выдержанъ, поэтъ можетъ смѣло подняться въ высшія пространства для созерцанія божественности въ ея первоисточникѣ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ изъ „Божественной Комедіи“, Беатриче и вознесла его въ высшіе предѣлы неба—рай, начавшійся, впрочемъ, уже съ той минуты, когда Данте покинулъ гору Чистилища и поднялся въ воздухъ, увлекаемый неземною улыбкою возлюбленной. Этотъ плавный, легкій, почти незамѣтный для самого Данте полетъ вслѣдъ за любимой женщиной, которая уносила его силою своей благодати все выше и выше, съ одной звѣзды на другую, изъ одного неба въ другое, и есть наглядное изображеніе очищающаго и возвышающаго значенія любви, т. е. именно того, что кратко, но глубоко выражено въ двухъ приведенныхъ строкахъ Гете. Такая любовь должна непремѣнно привести къ полному блаженству, которое, по понятіямъ Данте и его современниковъ, могло заключаться только въ непосредственномъ созерцаніи Божества,—и поэтъ, дѣйствительно, увидѣлъ Божество и рядомъ съ нимъ отраженіе Беатриче, которая внезапно покинула своего друга, чтобы очутиться на ступенькахъ престола Всевышняго. Любовь—не только возвышающее чувство; она—часть самого Божества. Отсюда понятно, что оно на самомъ дѣлѣ „движетъ солнце и звѣзды“. **)

*) Какъ глубоко было чувство Данте къ Беатриче, можно судить по тому, что онъ помѣщаетъ ее въ эмпиреяхъ, гдѣ рай раскрывается передъ нимъ въ видѣ колосальной свѣтящейся розы. Тамъ, въ глубинѣ этой розы, парятъ вокругъ св. Троицы, т. е. вокругъ самого Бога, святые Ангелы, которые, какъ сверкающіе пчелы, перелетаютъ съ одного

Тоска по Беатриче, впрочемъ, не помѣшала Данте жениться. Это былъ второй и послѣдній романъ въ его жизни, если не считать любви къ нѣкоей Пьетрѣ, которой онъ написалъ четыре канцоны, дышащія юношеской страстью, на этотъ разъ уже чувственною *). Встрѣтиться онъ съ своей будущей женой случайно: она предстала передъ нимъ однажды въ то время, когда онъ сидѣлъ опечаленный у окна. Съ этой минуты и завязалось ихъ знакомство. Данте чувствовалъ, что поддается преступному влеченію, преступному потому, что въ сердцѣ его должна полновластно царить только Беатриче, но онъ ничего не могъ сдѣлать и самъ разсказываетъ объ этомъ въ „Новой жизни“:

„Частое свиданіе съ этою донною довело до того, что мои глаза находили уже слишкомъ большое удовольствіе ее лицезрѣть. Вслѣдствіе этого, я испытывалъ горе, я осуждалъ свою слабость и даже нѣсколько разъ проклиналъ суетность моихъ очей. Я имъ говорилъ въ глубинѣ моихъ мыслей: „Вы привыкли заставлять плакать всѣхъ тѣхъ, которые видѣли ваше грустное состояніе: теперь же кажется, что вы хотите ее забыть для вашей донны, которая на васъ смотритъ, но только потому, что славная жена (т. е. Беатриче),которую вы привыкли оплакивать, тяготитъ ее. Удерживайтесь, пока можете, потому что я буду часто напоминать вамъ мою жену; проклятые глаза, слезы не должны были никогда переставать течь изъ васъ, развѣ только послѣ вашей смерти“ **)

Данте пролилъ еще не мало слезъ по этому поводу, но все-таки женился. Звали его жену Джеммою. Это была дочь нѣкоего Монетто, одного изъ представителей могущественнаго дворянскаго рода Флоренціи—Донати. По словамъ Скартаццини, съ ея братомъ Форезе Данте велъ одно время довольно легкую жизнь, исполненную многихъ пикантностей. Джемма принесла Данте троихъ дѣтей и пережила его на

листа на другой. Беатриче сидитъ въ центральныхъ рядахъ на четвертомъ мѣстѣ: первое занимаетъ Богородица, второе—Ева, третье—Рахиль и четвертое—Беатриче. Въ противоположномъ ряду, гдѣ сидятъ мущины, первое мѣсто, противъ Богородицы, занимаетъ Іоаннъ Креститель, а противъ четвертаго мѣста, занимаемаго Беатриче, находится св. Августинъ.

*) М. Ватсонъ „Данте, его жизнь и литературная дѣятельность“ стр. 19. Сравни также Scartazzini: „Dante“, 58—59.

**) „Обновленная жизнь“, пер. А. Ѳедорова, стр. 116—117.

Данте въ кругу своей семьи.

нѣсколько лѣтъ. Какую ролъ играла она въ жизни мужа,—трудно сказать. Данте о ней не говоритъ ни слова ни въ одномъ изъ своихъ стихотвореній—обстоятельство, свидѣтельствующее, что нѣжныхъ чувствъ онъ къ ней не питалъ, а смотрѣлъ, какъ на обыкновенную подругу жизни, съ которою дѣлятъ заботы и радости, больше всего заботы. Вотъ все, что извѣстно о роли этой женщины въ жизни Данте. Конечно, странно, какъ это такая мѣщанская любовь могла уживаться рядомъ со столь возвышеннымъ чувствомъ, какъ страсть къ Беатриче; но это объясняется своеобразностью средневѣкового рыцарскаго культа женщинъ, занесеннаго трубадурами въ Италію изъ Прованса. Этотъ культъ женщинъ не имѣлъ ничего общаго съ бракомъ. „Трубадуръ,—говоритъ Вегеле со словъ Форіэля, который первый указалъ на это обстоятельство,—могъ воспѣвать какую угодно женщину, только не собственную жену; для него было безразлично, была-ли замужемъ или нѣтъ та дама, служенію которой онъ себя посвящалъ, и нравилось ли ей или не нравилось это поклоненіе“ **). Этимъ, между прочимъ, объясняется и то обстоятельство, что чувство Данте къ Беатриче нисколько не измѣнилось послѣ того, какъ она вышла замужъ. Онъ носилъ этотъ образъ въ душѣ незапятнаннымъ съ той минуты, какъ въ немъ пробудилось сознаніе, и могъ воскликнуть вмѣстѣ съ лермонтовскимъ Демономъ:

Въ моей душѣ съ начала міра
Твой образъ былъ запечатлѣнъ.
Передо мной носился онъ
Въ волнахъ туманнаго эѳира.

**) Францъ Вегеле. „Данте Алигіери, его жизнь и сочиненія“, пер. А. Веселовскаго, 1881 г., стр. 17.

СОДЕРЖАНІЕ

	стр.
Вмѣсто предисловія	1—8
Вольфгангъ Гете	9—134
Мать Гете	16
Сестра Гете—Корнелія	27
Первая любовь	35
Кетхенъ Шенкопфъ	39
Сусанна Клеттенбергъ	46
Дочери танцмейстера	54
Фридерика Бріонъ	59
Шарлотта Буфъ	67
Антуанета Герокъ	73
Лили Шенеманъ	75
Шарлотта фонъ-Штейнъ	85
„Прекрасная Миланка“	92
Ангелика Кауфманъ	97
Корона Шретеръ	99
Жена Гете	103
Беттина фонъ-Арнимъ	110
Минна Герцлибъ	118
Маріанна Виллемеръ	122
Послѣдняя любовь Гете	126
Фридрихъ Шиллеръ	139—205
Лаура и Минна	142
Мать Шиллера	149
Сестры Шиллера	153
Франциска фонъ-Гогенгеймъ	157
Шарлотта Вольцогенъ	162
Маргарита Шванъ	167
Актрисы	169
Минна Кернеръ и Дора Штокъ	172
Генріета Арнимъ	178
Шарлотта Кальбъ	180

Жена Шиллера 194
Дочери Шиллера 204
Вильямъ Шекспиръ . . . . . 211—238
Какъ Шекспиръ относился къ женщинамъ 211
Жена Шекспира 215
„Смуглая красавица“ 223
Королева Елизавета 230
Данте. . . . . . 244—256
Беатриче 245
Жена Данте 254

Перечень портретовъ и рисунковъ:

стр.
1 Портретъ Гете 11
2 Портретъ матери Гете 16
3. Мать Гете разсказываетъ дѣтямъ сказки 18
4. „Госпожа Айя“ 19
5. Гете и его мать 21
6. Гете и сестра его Корнелія за преступными гекзаметрами 23
7. Гете на каткѣ 25
8. Силуэтъ матери Гете 26
9. Сестра Гете Корнелія 28
10. Корнелія 29
11. Портретъ Корнеліи, нарисованный самимъ поэтомъ 31
12. Гете и Гретхенъ 37
13. Гете и Кетхенъ 41
14. Портретъ Кетхенъ Шенкопфъ 43
15. Портретъ Сусанны Клеттенбергъ 47
16. Гете рисуетъ портретъ Сусанны 51
17. Гете и дочери танцмейстера передъ гадальщицею 55
18. Танецъ Гете и дочерей танцмейстера 56
19. Проклятіе Люцинды 57
20. Портретъ Фридерики Бріонъ 61
21. Гете въ семьѣ Фридерики 63
22. Прощаніе Гете и Фридерики 65
23. Портретъ Шарлотты Буфъ 69
24. Шарлотта Буфъ 71
25. Встрѣча Гете съ Лили Шенеманъ 77
26. Гете у ногъ Лили 79
27. Гете въ домѣ Лили 81
28. Гете объясняется Лили въ любви 82
29. Гете у окна Лили 83
30. Гете ревнуетъ Лили 84
31. Портретъ Шарлотты фонъ-Штейнъ 87
32. Силуэтъ Шарлотты 89
33. Портретъ Маддалены Риджи 93
34. Портретъ Ангелики Кауфманъ 98
35. Портретъ Короны Шретеръ 101

36. Портретъ жены Гете 105
37. Бюстъ Христины Вульпіусъ 107
38. Спящая Христина (рисунокъ Гете) 109
39. Портретъ Беттины фонъ-Арнимъ 111
40. Беттина въ старости 115
41. Минна Герцлибъ 119
42. Портретъ Маріанны Виллемеръ 123
43. Второй портретъ Маріанны 125
44. Портретъ Ульрики Левецовъ 127
45. Ульрика въ кругу своей семьи 129
46. Портретъ Оттиліи, невѣстки Гете 131
47. Портретъ Альмы, внучки Гете 133
48. Портретъ Шиллера 137
49. Предполагаемый портретъ Лауры 143
50. Мать Шиллера 149
51. Мать Шиллера въ старости 151
52. Портретъ сестры Шиллера—Кристофины 153
53. Портретъ сестры Шиллера—Луизы 155
54. Портретъ сестры Шиллера—Нанеты 157
55. Нанета Шиллеръ въ дѣтствѣ 159
56. Портретъ первой любви Шиллера, Франциски Гогенгеймъ 161
57. Портретъ Генріеты Вольцогенъ 163
58. Портретъ Шарлоты Вольцогенъ 165
59. Портретъ Анны-Маргариты Шванъ 167
60. Портретъ Каролины Циглеръ 170
61. Портретъ Минны Штокъ 173
62. Портретъ Доры Штокъ 175
63. Шиллеръ въ домѣ Кернеровъ 177
64. Шиллеръ у Кернеровъ 179
65. Портретъ Генріеты Арнимъ 185
66. Портретъ Шарлотты Кальбъ 187
67. Другой портретъ Шарлотты Кальбъ 191
68. Портретъ жены Шиллера 195
69. Другой портретъ жены Шиллера 197
70. Портретъ Каролины Ленгефельдъ 199
71. Шиллеръ въ Веймарѣ 201
72. Дочь Шиллера—Каролина 202
73. Дочь Шиллера—Эмилія 203
74. Портретъ Шекспира 209
75. Портретъ Юдиѳи, дочери Шекспира, ... 221
76. Портретъ Мэри Фиттонъ 225
77 Королева Елизавета 231
78. Шекспиръ читаетъ „Отелло“ во дворцѣ королевы Елизаветы 235
79. Портретъ Данте 241
80. Встрѣча Данте съ Беатриче 245
81. Данте въ кругу своей семьи 255

VII-1192

Поправка.

Пропущены подписи подъ портретами:
На стр. 202—Дочь Шиллера—Каролина.
На стр. 203—Дочь Шиллера—Эмилія.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

За дружеской бесѣдою. Критическіе очерки (Л. Толстой.—Бѣлинскій.—А. Толстой.—В. Соловьевъ.—Достоевскій.— Апухтинъ.— Боборыкинъ.— Поль-Верленъ.— Г. Сенкевичъ.— П. Бурже.—Ибсенъ.—Рэскинъ —Ницше.—А. Додэ.—Гейне.—Зола). **Ц. . . . . 1 р. —**

Мемуары Бисмарка.— Опытъ политическаго комментарія. Съ предисловіемъ, объяснительными статьями и примѣчаніями. **Ц. . . . . 1 р. —**

Сумерки жизни. Стихотворенія. 2 изданіе, дополненное. **Ц. . . . . 75 к.**

Репетиторіумъ уголовнаго права. Часть особенная. **Ц. . . . . 1 р. 50 к.**

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Поэты и Женщины.

2-я серія.

Генрихъ Гейне. Викторъ Гюго. Альфредъ Мюссэ. Альфредъ Виньи. Петрарка.

Складъ изданія: Спб., Литейный пр., № 25.

Типографія **М. Дубинскаго.** Литейный пр., домъ № 25.

2018551353